

Валерий Амир (Иванченко)

ЕВРЕЙСКАЯ КОЛОНКА

Sholumi

Центр сохранения и развития национальных традиций,
самобытности языка, культурного
и исторического наследия горских евреев

Israel, 2019

Центр «Sholumi» выражает благодарность
Президенту Международного Фонда СТМЭГИ
Герману Рашбиловичу Захарьяеву
за содействие в издании этой книги.

Валерий Амир (Иванченко) / Еврейская колонка.
Центр «Sholumi», 2019. 131 с.

«Валерий Амир пишет все максимально откровенно, как это было на самом деле, поэтому его произведение читается с большим интересом. Учитель французского и немецкого языков по образованию доносит до нас все простым и понятным языком. Читатель становится на некоторое время жителем колонки, поселившись где-то на улице Рабочей или Горшечной, он становится учеником 10-й школы, посещает свадьбы, обрезание, а когда возникает необходимость и похороны.

Автор знакомит нас с историей своей родной колонки, ничего не убавляя и не прибавляя. Поэтому еще раз хочу поблагодарить Валерия Амира за откровенность. Хорошо, что еще одно горско-еврейское местечко открывает свои тайны, благодаря вам». *Ирина Михайлова.*

© Центр «Sholumi», 2019

© Валерий Амир, 2019

ЕВРЕЙСКАЯ КОЛОНКА

Меня зовут Амир (Иванченко) Валерий Павлович. Я родился в 1952 г. в городе Нальчике, жил в Еврейской колонке, учился в школе № 10, которую окончил в 1969 г. Десять лет спустя в 1979 г. вернулся в школу в качестве учителя французского и немецкого языков. В 1980 г. стал завучем школы. До переезда в Израиль преподавал в школе татский язык (жугъури), а затем иврит и историю Израиля. В Израиле я взял фамилию мамы Амиров, сократил ее и стал таким образом Валерием Амиром.

Я всегда мечтал поделиться с земляками своими мыслями и знаниями о горских евреях г. Нальчика, их обычаях и традициях, о нелёгкой жизни наших предков, о нашем языке, который мы надеемся сохранить для наших детей и внуков. Чем больше я погружался в материал, тем сложнее становилось писать. Находились новые фотографии, всплывали необычные факты, рассказывались друзьями и родственниками увлекательные истории. А главное есть книги, статьи и публикации, проливающие новый свет на нашу историю, есть документы. Вначале я опубликовал в маленькой ашдотской газете «Шори» в 2007 году 6 статей о горских евреях г. Нальчика и языке «жугъури», затем расширенный вариант и новые статьи в газете «Товуши», за что огромное спасибо редактору Михайловой Ирине. Это талантливый исследователь, знаток родного языка, публицист и писатель. Счастлив, что судьба позволила мне с ней познакомиться. Именно знакомство с ней подвигло меня объединить все статьи в отдельную книгу, которую я назвал «Еврейская Колонка» (историко-этнографический очерк с лингвистическим уклоном).

Уникальное явление «Еврейская Колонка» имеет свое сравнительно небольшое историческое прошлое, связанное с колонизацией Кавказа. Герой Отечественной войны 1812 г., прославленный генерал, с одной стороны, и палач горских народов с другой – А.П. Ермолов в 1822 году заложил новые крепости на реках Малка, Баксан, Нальчик, Урвань, Чегем, получивших название «Кабардинская укрепленная линия». Крепость Нальчик стала центром этой линии: здесь, помимо гарнизона, находились: командование, администрация, суд.

В 1825г. кабардинские крестьяне, ушедшие от своих хозяев под защиту русских, поселились на правом берегу р. Нальчик, основав поселок под названием «Вольный аул» (Барантэ на языке жугьури).

«В 1825г., с разрешения местных властей, – пишет историк Р. У. Туганов, – в верхней ее части, поселилось несколько семей горских евреев из деревни Эндери (Эндрие, Андрей аул, Андреевская деревня). Они имели лишь временный вид на жительство, числясь жителями Эндери». Вот, что писал в 1783 г. об Эндери Якоб Рейнегтс в книге «Всеобщее историческое и топографическое описание Кавказа» (спасибо интернету): «... на правом берегу Акташа находится большой открытый город Эндрие, насчитывающий около 3000 домов... Хотя большая часть жителей Эндрие – мусульмане, полной свободой в нём пользуются также грузинские и армянские христиане, так же, как и евреи, живущие там и ведущие огромную торговлю».

От него же мы узнаём, что в Эндрие была огромная ярмарка и невольничий рынок, своего рода «офшорная зона», где продавали и покупали всё и всех, кто «зазевался», об этом чуть позже в порядке хронологии. Совсем противоположное пишет через 86 лет Иуда Чёрный в своём исследовании «Горские евреи Терской области. Краткие исторические сведения 1869 г.»: «Что же касается до положения их в Андреевской деревне от начала переселения туда, до занятия кумыкской плоскости русскими войсками в 1819 году, то они там были в зависимости от князей и узденей кумыкских, у которых искали защиты от воинственных коренных жителей страны. Так евреи не имели права участвовать в совещаниях по делам аульного общества, не могли строить и покупать домов, а проживали во дворах своих кунакбаев (хозяев или патронов). ...Словом, они со своими семействами и имуществом находились в полном подчинении своим покровителям...».

Иуда Чёрный пишет, что они подвергались грабёжам, издевательствам, убийствам, унижениям, а помимо всего они отбывали повинности у кумыкских князей, т. е. платили подати с привозимого и увозимого товара, за проезд родственников, за свадьбу. Кроме этого они ещё платили и своим хозяевам «кунакбаям» за каждую купленную лошадь 25 копеек, за корову, за ишака по 20 коп., за дочь-невесту по 3 рубля в год, а после свадьбы от 2 до 5 рублей единовременно. «Таким образом, пишет И.

Чёрный, – евреи оставались в самом жалком положении в Андреевской деревне до 1831г. т. е. до возмущения Кази-муллы.»

В 1831 г. Кази-мулла с отрядом в 7000 человек по призыву самих кумыков захватил Андрей аул. Захватчики вместе с андреевцами разграбили дома и лавки евреев, некоторых убили или угнали в рабство для получения выкупа или эксплуатации. Тот, кого И. Чёрный называет Кази-Муллой, был известный Гази Мухамад (1795-1832), первый имам Дагестана и Чечни, мусульманский учёный, богослов, суфист, объявивший России газават (священную войну). В его войске было до 10 тыс. мюридов, беспрекословно подчинявшихся воле имама.

Конечно ждать пощады «неверным» не приходилось, а евреи, как и христиане были для правоверных «неверными». Андреевские евреи попросили убежища у русских и поселились близ крепостей «под сенью дружеских штыков». «По оставлении Андреевской деревни, – пишет И. Чёрный, евреи разделились на кумыкской плоскости в укреплении Хасавюрт, в деревнях Аксае или Таш-Кичу и Костеке; в Чеченском округе – сначала в Староюрте, а потом (после нападения Уда-муллы, убившего 20 человек, пограбившего и уведшего часть евреев в плен) в Грозном; в Кабардинском округе в Нальчике». Теперь в Нальчике они поселились на постоянной основе т. е. были приписаны к месту жительства. Сказать, что русские власти любили евреев мы не можем, но всю жизнь в галуте (изгнании) наши предки выбирали местом жительства то, где их ненавидели меньше.

На фоне мусульманского радикализма времён Кавказской войны русский закон и порядок были предпочтительнее и надёжнее. Приведу в подтверждение моих слов отрывок из статьи Б. Ф. в газете «Кавказ» от 22 марта 1885 г. «С утверждением русского владычества на Кавказе горские евреи охотно подчинились и умели снискать расположение наших властей, которые всегда защищали их от посягательств враждебных нам горцев, подозревавших, что сведения об их замыслах делаются известными русскому начальству через евреев, постоянно служивших при наших войсках проводниками, поставщиками и посредниками с горцами при выкупе пленных. За заслуги свои и усердие многие из горских евреев были награждены золотыми и серебрянными меда-

лями и ценными подарками от генералов Ермолова, Вельяминова, графа Паскевича, фельдмаршалов: князей Воронцова и Барятинского.».

Но вернёмся в Нальчик и Колонку. Кстати о медалях, в «с.а.м.е» (смотри ниже) находим следующий документ, датированный 1893 годом, о том, что «27 июля 1892 г. ... казак Силевест Евменов Брагинец, имеющий от роду 17 лет, во время половодья, переезжая на пароконной подводе реку Баксан, быстрым течением реки был опрокинут в воду, где начал тонуть; житель слоб. Нальчик, горский еврей Рамин Шалумов, переехавший ранее реку Баксан на левый берег, заметив помянутого утопающего, с самоотвержением бросился вплавь и спас малолетнего Селивеста Брагинца от грозившей опасности». За это он удостоивается «серебряной медали с надписью: «За спасение погибавших» для ношения на груди на Владимирской ленте».

Горские евреи, являясь кожевниками, скорняками, мелкими торговцами, призваны были обслуживать нужды крепости и быть связующим звеном между местным населением и русскими. При обработке кожи евреи использовали куриный помет (зилгъ), а все весьма вонючие отходы производства сливали через канавки из дворов прямо в реку, отравляя ее и делая речную воду непригодной ни для питья, ни для стирки, ни для купания. По просьбе жителей крепости евреи были переселены на левый берег, под стены крепости, ниже по течению реки. Именно это место и стало называться Еврейской колонкой. В сборнике архивных материалов, составленных и изданных С.А. Даниловой и Е. С. Тютюниной в 1999 г. «История горских евреев Северного Кавказа в документах (1829-1917) (в дальнейшем для краткости «с.а.м.е») – сборник архивных материалов) первый документ о горских евреях датирован 01.09.1829 г.

В нем Андреевские евреи Мушаэль Шамилёв, Ягуда Елизаров, Мардахан Ливов с товарищами просят командующего войсками в Кабарде не высылать их, т. к. «...за несколько дней до объявления нас о высылке положили в квасы значительное количество козлиных и других кож, имея для сего нужные заведения, а сверх сего в Кабардинском временном суде по взысканиям нам с кабардинцев значительных долгов имеем дела... Сии причины заставляют нас прибегнуть к покровительству Вашего Высо-

коблагородия... позволить нам остаться... при крепости Нальчикской, в противном случае мы неминуемо лишась собственности, бросив невыделанные ещё кожи и заведения, должны будем разориться до основания».

Записал это всё с ломанного русского языка казак Яковлев, который конечно же переврал имена просителей. В «Посемейном списке» (о нём пойдет разговор чуть позже) мы находим Исмаила Шамилова, 80-и лет отроду, единственно проживающего в слободке с 1825г. Смею предположить, что Мушаэль Шамилёв и Исмаил Шамилов это один и тот же человек, ох уж эти переписчики! Мы не должны забывать, что в Российской Империи до 1861 г. существовало крепостное право. Среди евреев не было помещиков и крепостных, но люди часто попадали в неволю, в рабство.

На Кавказе во время набегов угоняли не только табуны лошадей, домашний скот, но и людей, которых продавали в рабство или держали с целью получения за них выкупа от богатых родственников. Как недалеко мы ушли от тех давних времён: все мы помним конец XX века, когда крали и взрослых, и детей, требуя выкупа, а несчастных пленных солдат превращали в бесправных рабов. От этого ужаса бежали мы с Кавказа, оставив могилы предков и большую часть нажитого, разъехались по всему миру.

Извините за отступление, но логика повествования возвращает нас в середину 19 века, низкий поклон Светлане Даниловой за «с.а.м.». Мы узнаём из документов, что в 1854 г. группа нальчикских евреев вместе с раввином Ягья Куденетовым просит начальника нальчикской крепости майора Занаревского освободить еврейскую женщину из рабства. В результате расследования этого дела 3 марта 1855 г. было послано «Предписание начальника центра кавказской линии воинскому начальнику Нальчикского укрепления»: «Вследствие надписи Вашего Высокоблагородия от 14 ноября прошлого 1854 года..., положенной на прошение нальчикских горских евреев, было мною предписано приставу Малой Кабарды г. войсковому старшине Дымову об отобрании еврейки от малокабардинца Матажева, украденной 11 лет тому назад из Дагестана».

На что пристав в донесении объяснил, что «еврейка эта малокабардинцем приобретена покупкою за 200 руб. серебром, в чём от карабулакского старшины Фориева имеется свидетельство

за подписом полковника Слепцова. Сообщаю о сём Вашему Высокоблагородию для объявления просителям на тот конец, ежели они желают получить еврейку, то должны уплатить Матажеву 200 рублей серебром, как законно приобретшему её покупкою». Пришлось Колонке собирать деньги для её освобождения из рабства.

Есть в «с.а.м.е» и «Рапорт начальника Кабардинского округа губернатору Кутаисской губернии» от 7 ноября 1858 г. о том, что «еврея Якуба Шамилова украл чегемский житель Солейман Эттиев и продал его в вольную Сванетию, Мулахского общества, Анзауру Бассиеву». Начальник Кабардинского округа князь Орбелиани просит отыскать и вернуть в Нальчик Якуба Шамилова «вдове старухе, его матери, которая имела в нём единственную подпору в своём существовании». Его судьба нам не известна, скорее всего, его тоже выкупили.

Особый вопрос – это взаимоотношения горских евреев с властями и окружающим населением, как с русскими, так и с кабардинцами. Мнения самые противоположные. Я приведу несколько документов и мнений на эту тему. О сложных взаимоотношениях с властями говорят четыре следующих документа из «с.а.м.а», которые я частично процитирую. Первый документ «Письмо сословно-поземельной комиссии...» от 30. 09. 1866 г. гласит: «Горские евреи в Нальчике пользуются наделом земли в 100 десятин для посева марены и, кроме того, общим с жителями Нальчикского форштата выгоном для пастьбы скота, занимаются мелкой торговлей и выделкою сафьянов...».

Канцелярия начальника Терской области незамедлительно интересуется (16. 11. 1866 г.): «... отбывают ли квартирную повинность и вносят ли, на равных с жителями вверенного Вам округа, деньги взамен подворной повинности горские евреи, проживающие в Нальчике...». И получает ответ от 24. 11. 1866 г.: «Горские евреи, проживающие во вверенном мне округе, никакой повинности не отбывают». Мы чувствуем, как накаляются страсти вокруг Колонки и её ста десятин земли. Поэтому мы понимаем появление 18. 05. 1867 г. странного документа за подписью сорока трёх мужчин горских евреев озаглавленный: «Подписка представителей Нальчикского еврейского посёлка об отказе от земельного надела»: «Мы нижеподписавшиеся жители

Нальчикского еврейского квартала в числе семидесяти пяти дворов даём сию подписку в том, что мы взамен ста десятин земли желаем, чтобы только было дозволено пользоваться общим выгоном для пастьбы необходимой домашней нашей скотины, чем останемся довольны; в том подписуемся жители еврейского квартала».

Сумели власти «уговорить» евреев «добровольно» отказаться от земли. Мы знаем, как «куются» подобные письма. В 1885 г. горские евреи пишут Прощение начальнику Нальчикского округа, в котором указывают: «...год от года Нальчикское слободское правление всё более и более стесняет и кончило тем, что допустило разным посторонним лицам селиться всё ближе и ближе к посёлку – и теперь дело дошло до того, что никто не может выпустить даже курицу со двора или лошадь попасться около посёлка. Все странние (т. е. посторонние) крестьяне и мещане, строящиеся бок о бок с дворами нашими, кричат, что земля наша, что у нас ты сделал траву, и требуют штрафа. ...И нам теперь приходится пользоваться только ...одним двором, так как, так называемая Астраханская слободка, окончательно стеснила нас. А ведь мы несём точно такие же повинности и налоги, как и жители слободы Нальчика». Обратите внимание, все-таки несут повинности.

В ответном Рапорте начальнику Нальчикского округа слободской старшина Клишин объясняет: «Повинностей и налогов никаких оно (еврейское общество) не несёт... Что же касается до того, что слобожане стесняют горских евреев, то мне положительно неизвестно и жалоб никаких о том заявляемо не было...» На чьей стороне выборный старшина сомневаться не приходится.

Документы из «с.а.м.а» о жизни евреев, их взаимоотношениях с соседями сами по себе являются увлекательными детективными историями. Вот, например, одна грустная история в моем вольном пересказе – В феврале 1851 г. два еврея Харун Мурзаханов и Устархан Гуршинов обменяли нитки, иголки, сандал, купорос и прочую мелочь на 10 курей и 200 яиц в ауле Клишпиева (Нартан), и счастливые возвращались домой. Яйца аккуратно сложены в корзину, куры связаны по ногам, всё это водружено на прочную палку, палка на плечи и домой с лёгкой душой и едой на пару недель, а идти надо 8 километров.

По дороге навстречу им попались, ехавшие верхом на лошадях два кабардинца-милиционера Широхов и Гуков («милитция» местное ополчение, нёсшее караульную службу). Поговорив, кабардинцы ускакали. Но один из наездников, уздень Эльжеруко Гуков спрятался впереди по дороге, подкараулил евреев и напал на них. Выстрелом из пистолета смертельно ранил Мурзаханова в бок, а пуля вышла через живот близ пупка. Из ружья выстрелил в Гуршинова, увидев, что промахнулся, выхватил саблю и напал на лошади на бедных евреев, надеясь зарубить обоих. Но просчитался – смертельно раненый Мурзаханов, «вгорячах, не сознавая вполне боли», и Гуршинов выхватили кинжалы и с криками стали отбиваться, вынудив Гукова ускакать. Харун умер от раны на следующий день, успев дать показания. Гуков бежал в еще не до конца усмирённую Чечню. На аул, из которого он был родом, пытались наложить взыскание 300 руб. серебром в пользу семьи погибшего Мурзаханова, но оказалось, что «у Эльжеруки Гукова после побега его никакого имущества не осталось». Следствие длилось почти два года и его результатом была эта констатация о невозможности выплаты компенсации.

Вот ещё одна история, случившаяся в 1861 год. Около еврейской Колонки нашли тело узденя Солемана Кудаява, заколотого девятью ударами кинжала. Выяснилось, что Кудаяв перед смертью был в Колонке, и купил в лавке у Шахманова в долг товару на 8 руб. серебром. К счастью у Шахманова на момент убийства было алиби. После расследования, за невозможностью найти убийцу, коллективное взыскание было наложено на Колонку в размере 300 руб. серебром. И вот рождается шедевр:

«Прощение жителей Нальчикского еврейского посёлка начальнику Кабардинского округа об отмене взыскания за убитого, найденного вблизи посёлка». Привожу выдержку из документа, дающую представление об отношениях с соседями и миролюбии горских евреев, их боязни осложнений: «Поведение наше и соседей наших, жителей вольного аула, достаточно Вашему Сиятельству известно, что мы не способны к какому-то ни было насилью легко можно доказать это тем, что в убийстве кого-либо никто из нас не только не уличён, но и подозреваем никогда не был. Между тем как некоторые из нас лишены были кабардинцами жизни; другие увлечены в плен, пострадавшим от хищников

воровством. Что касается до права, предоставленного нам его Превосходительством, искать убийцу Солемана Кудаяева, то мы по нашему характеру воспользоваться им никак не можем». «Пострадание от воровства» было постоянно: то товар из лавки украдут, то выделанные шкуры похитят, то по дороге ограбят, а искать для властей убийц евреи не хотели.

Сказать, что горские евреи были «белыми и пушистыми» мы не можем. Есть в «с.а.м.е» «Протокол Нальчикского слободского управления о запрещении давать взаймы деньги и товары жителям еврейского поселка» от 30 марта 1869 г. В документе говорится, что «евреи, которые не имея никакого состояния, кроме только что занимаясь по аулам меною разного мелочного товара, берут в долг деньги, обещая за то большие проценты, берут лошадей и скот за двойную цену противу стоимости для того, чтобы только получить в долг; кабардинцы же льстясь на большие проценты и на весьма выгодную цену за проданный скот, дают им под расписку взаимобраз деньги и продают им в долг лошадей и скот, между прочим не заявляют о том слободскому управлению и через это впадают в опустошение своего хозяйства, потому что с берущих у них таким образом в долг деньги и скот совершенно не из чего производить взыскание».

Такие люди были и в наше время, о них говорили: «Ахчей хэлге хурдей» (Проел чужие деньги). Были такие аферисты, что брали в долг у родных и не возвращали, проигрывали в карты подотчетные деньги, в общем «кидали» всех, кого могли. Но я не думаю, что такой обман имел масштабы, описываемые начальником слободы полковником Занаревским. Есть несколько документов с описью имущества должника, где большая часть вещей принадлежит не ему, а жене, приданное которой подробно протоколировано доверенными лицами и скреплено печатью раввина; эти вещи не подлежали конфискации (при Советской власти наличие такого документа так же спасало от конфискации эту часть имущества). Дом тоже не отбирали, чтобы не оставить семью на улице. Такого должника часто обязывали селиться в доме заимодавца, выделять у него в подсобном помещении шкуры, а из прибыли содержать свою семью и погашать долг. Я считаю подобный способ довольно гуманным.

После окончания Кавказской войны в 1863 г. крепость, за ненадобностью, была ликвидирована, а военное поселение преобразовали в слободу, население которой составило 3,5 тысячи человек. На сайте г. Нальчика читаем: «К 1865 г. Слобода делилась на несколько частей по национальному и социальному признакам. В отдельном районе, хотя и считавшемся частью слободы, жили горские евреи». Рядом с Нальчиком находилась немецкая колония «Александровская», ныне Александровка. Русское население Нальчика делилось на 2 группы: «коренных» жителей и «иностранцев». Иностранцы жили рядом с евреями, выше по реке Нальчик, в районе, называвшемся «Астраханкой». К Нальчику примыкало несколько хуторов: Мужичий, Долинский, Раздолье, Затишье. Отношения с русским населением районов «Астраханки» и «Мужичьего» складывались, как мы видели выше, ох как непросто.

Профессор В.Ф. Миллер в своей статье «В горских обществах Кабарды» уделяет внимание и горским евреям. Вот что он писал в 1884 г.: «Антипатии местное население не питает к ним (горским евреям) никакой... Впрочем, мы были случайными свидетелями следующей сцены. При нашем проезде мимо одного еврейского дома какой-то пьяненький забулдыга из русских бросился на колени перед сопровождавшим нас помощником окружного начальника и громко возопил: «Ваше скородие, дозвоьте жидов бить!» Немедленно на спину жидоеда опустилась начальническая нагайка, и он был для вытрезвления убран в каланчу. Так просто разрешился здесь еврейский вопрос». Власти понимали, что на Кавказе невозможен еврейский погром, он просто вызовет цепную реакцию межнациональных конфликтов.

В 1865 г. проводилась перепись населения и есть в «с.а.м.е» «Посемейный список горских евреев, проживающих в слободе Нальчик». Согласно этому списку в колонке проживало 74 горско-еврейских семьи, общей численностью 428 душ. При поверхностном знакомстве со списком мы можем заметить, что из 74 семей, только 9 не имеют своего дома, т. е. живут либо у родственников, либо снимают квартиру. Это молодые, только что отделившиеся, и еще не имеющие детей, либо имеющие недавно родившегося ребенка. Семь семей имеют помимо дома, одну или две торговые лавки с товаром на сумму свыше одной тысячи рублей серебром. Дома этих евреев оцениваются от 110 до 360 рублей

серебром, в то время как дома, менее обеспеченных стоят от 10 до 70 рублей серебром.

По мнению Ашурова Семёна из Сдерота, который занимался историей родовых корней горских евреев, самая богатая на тот момент была семья Захарии Абрагамова (44 года) и жены его Кай (25 лет). Это предки Ашуровых — Шениля и Каштана. Семья имела единственный в колонке деревянный дом с лавкой и амбаром стоимостью 360 рубле серебром и занималась торговлей «красным товаром» на сумму 2500 рублей серебром. Торговлей «красным товаром», т. е. имели свои лавки, (промтоварный магазин – прим. авт.) занималось 17 семей. Четыре семьи торговали мелким товаром, иными словами были «коробейниками» и ходили по кабардинским и балкарским аулам, обменивая свой товар на продукты.

Мой прадед Амиров Мордехай был унесен, вместе с телегой и лошадью разбушевавшимся Баксаном, когда возвращался с торговли из верхних кабардинских аулов. Помните историю Рамина Шаулова? Это произошло в начале XX века. Осталась жена с четырьмя детьми: Тирсо (моя бабушка), Бежуув (Сиби), и близнецы Бакай и Бааз (Жижи). Но это история для другого, даст Бог, рассказа.

Вернемся к списку. 11 семей занимались, как записал переводчик, «выделкою козлов». Иначе говоря, были кожевниками: выделывали мех (хиз), кожу (черм), сафьян (алат). 12 семей занимались хозяйством. Я предполагаю, что они держали скот, имели огород (бисду), сад (богъ), а также сажали на арендованной земле марену (буёгъ). Из оставшихся семей, как мы выяснили, 9 – были молодые, еще не ставшие на ноги, а остальные 5 семей составляли местный пролетариат и нанимались на любую работу. Одна семья, очевидно нальчикского раби, как записано в этом списке, «занималась резкою скота». Это Изиил Исаков (35 лет) и его жена Аснат (28 лет) и четверо детей: Одой, Сэби, Истыр, Мейдон. (род Гилядовых, как считает Ашуров Семен).

Несколько слов о марене и мареневодстве. Марена – это растение, из корней которого получают краситель красного цвета – ализарин. Вот, что пишет об этом И.Ш. Анисимов в своей книге «Кавказские евреи – горцы»: «Сеять марену было выгодное предприятие для каждого. Каждый, имевший несколько сот рублей,

спешил тогда купить участок земли и посеять семена марены. Через три года она давала уже достаточной толщины корни, которые и пускались в продажу. Корни эти выкапывались не до основания, а около аршина (71 см.). Затем они присыпались землей и оставлялись до будущего года, когда вновь выкапывались и засыпались землею. Это был вечный кусок хлеба, так как за корнями марены не было никакого особенного ухода, и она сеялась раз на 15 и даже 20 лет». Но в 1880 г. французы изобрели синтетический ализарин и мареневодство стало невыгодным; поэтому «обеднело множество собственников, затративших последнюю копейку на нее, и масса работников осталась без средств к жизни» (И. Анисимов).

Этот факт так же способствовал массовому оттоку горских евреев из горных аулов Дагестана и Азербайджана в города и поселки Северного Кавказа. В связи с этим мне хочется напомнить, как на нашем языке называются некоторые населенные пункты и их жители: Куба – Гъибе (гъибеи), Махачкала – Глэнжи (глэнжи), Буйнакс- Шура (шураи), Дербент – Дэрбэнд (дербенди), Грозный – Суьинчгълэ (суьинчгълэи), Владикавказ – Бравгълэ (бравгълэи), Кизляр – Гъизлер (гъизлери), Кубань – Гъубон (гъубони), Прохладный – Узумгълэ (узумгълэи), а так же народы, которые жили рядом: русский – урус (урси), осетин – гъири, чеченец – мишхъизи, грузин – гуьржи, армянин – эрмени, азербайджанец – гъэжери, казакъ – гъээгъи, нагаец – нугъэи, кабардинец – чергези, балкарец – куфи (кугъи), кумык – гъумугъи, ингуш – гългъэи.

Несколько слов о домах горских евреев. В 1865 г., как мы помним, в Еврейской колонке был только один деревянный дом. Остальные дома были саманные и турлучные. Саманный дом был удобный и теплый, строился из особых блоков, называвшихся «саманами». Глину смешивали с соломой, поливали водой, долго месили ногами, двигаясь по кругу. В этом утомительном процессе участвовали взрослые, дети, а также лошади и ослы. Эту смесь забрасывали лопатами в деревянные формы, сушили на солнце.

Таким образом получался прочный, благодаря скрепляющей силе соломы, и одновременно теплый блок. Из этих блоков строилось жилище с глиняным потолком под черепичной крышей. Турлучный дом состоял из деревянных чинаровых столбов,

служивших основой дома. На них держались крыша, потолок, стены, окна и двери. Стены и потолок были из турлука (плетень из орешника, закрепленный на столбах, обмазанный с двух сторон глиной). Полы были земляные. Раз в неделю их мазали жидкой глиной. Это называлось «Хорий хунере гьул зере». Стены мазались глиной и белились известью к праздникам Пейсах (Нисону) и Рош ха шана (Рушашане). Известь часто делали сами: собирали на речке (э гьирогь ов) белые камни т. е. известняк и обжигали его, а потом гасили, заливая водой обожжённые камни.

При этом вода закипала, а камни рассыпались и превращались в белую известь «хьэк». Белить «хьэк зере» должна была хозяйка или, если были деньги, наемная женщина. Белили специально связанной из лыка или пеньковой веревки щеткой. В доме стояла печь, отапливаемая дровами «э гьузуьмэвоз». Во дворе под навесом стояла большая русская печь (вспомните мультик «По щучьему велению»), которая называлась «куруг». В ней (не на ней, а именно в ней) весной, летом и осенью пекли хлеб (нун), на Нисону – мацу (гьогьол), варили еду (хурэк дуьщуьндебу). Еда в печи оставалась теплой при закрытой заслонке до утра субботы. Я хорошо помню эти печи, они дожили до начала шестидесятых годов, была такая печь и в нашем дворе. Её собственноручно соорудила бабушка Тирсо. Кирпичи от этой печи вошли в стену пристройки в 1990 г.

Дом состоял из двух или трех комнат. В комнате, где стояла печь, строился на высоте полуметра от пола и на всю ширину комнаты, настил из досок. Он назывался «тэхд» и застилался всякими циновками, подушками, одеялами из соломы (порхолигьо, болушгьо, лухьуьфгьо суьмери). На этих настилах вповалку спали все дети, и здесь проводили они все свободное время. Во дворе был колодец, который служил холодильником. Мясо, птица, откашерованные и сильно просоленные, а также молочные продукты хранились в таком «холодильнике» до недели. Посуда в доме была глиняная, медная, деревянная, а у богатых даже стеклянная. Во дворе стоял сарай, в котором хранилась всякая утварь, дрова и пасхальная посуда. Посуда эта была лучшего качества и хранилась до весны. За две недели до праздника Нисону начинали мыть, чистить, белить, мазать глиной, драить весь дом. Наводился порядок во дворе. Вся посуда чистилась песком, золой, кипятилась, а затем мылась проточной водой. В русской пе-

Тётя Пая, моя сестра Рита и я рядом с русской печью
(навес за ненадобностью снесен).

чи на раскаленных кирпичах выпекалась маца: сначала тонко раскатывались комочки теста; затем получившиеся блины дырявили специальными зубчатыми колесиками, чтобы тесто не пузырилось и на деревянных лопатах они ставились на дно печи. Мацу, обычно, делали несколько семей вместе. Так было дешевле и быстрее: одни месили тесто, другие раскатывали его, третьи пекли. Маца пахла дымком и была слегка покрыта пеплом, что придавало пресной лепешке особый вкус, так было до 60-х годов XX века.

К концу 19 века произошло сильное имущественное расслоение среди горских евреев. Те, что побогаче переехали в город (э гъэле). К 1870 году в Нальчике было две синагоги. Одна синагога, здание ее до сих пор сохранилось, находилась на ул. Революционной. Там теперь расположен Швейный колледж. В этой синагоге молились европейские евреи, о чём есть документальное подтверждение в «с.а.м.е». Вторая синагога была расположена на ул. Подгорной, ныне Королева и в ней молились горские евреи. Это здание я хорошо помню: большое строение из красного кирпича увенчанное куполом. После войны в хрущёвские

времена здание конфисковали. В нем делали в 50-х 60-х годах гипсовые скульптуры, бюсты вождей и героев.

Мы в детстве залезали внутрь за мелом и издевались над безответными бюстами. Потом здание разрушили и на этом месте возвели поликлинику, благополучно функционирующую и сейчас. О старой синагоге вспоминает Раиса Шамилова: «Я ходила в нашу синагогу, где теперь поликлиника. Я ходила туда вместе с отцом... Очень красивая была. Наверху купола. Двухэтажное здание... В этом здании потом... была скульптурная мастерская, делали памятники вождям».

Семья Ифраимовых Киина и Айхоли.
(фото середины 20-х годов).

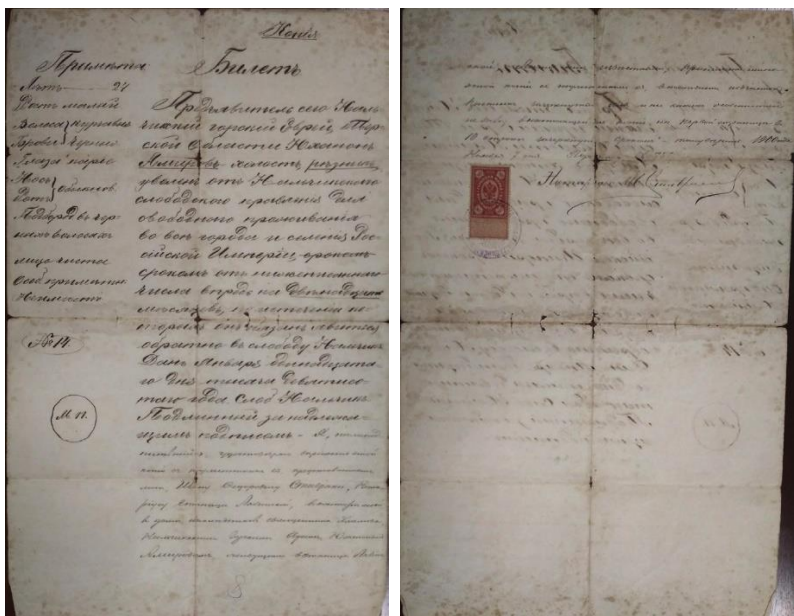
Вернемся к богатым евреям. Центральной улицей слободы и города Нальчика до конца 50-х годов была ул. графа Воронцова (Воронцовская), при Советской власти и в настоящее время ул. Кабардинская. И сейчас еще можно видеть кирпичные строения начала 20-го века, расположенные на этой улице: 1. магазин между Первомайской, ныне Захарова и Пятигорской; 2. аптека

между Пятигорской и Толстого, здание музыкальной школы. Все это принадлежало еврейским купцам. Семья Ифраимова Леви владела магазином и конюшней, то-есть «таксопарком». Почти все пролетки, линейки, гужевые телеги были в их руках. Конюшни располагались за магазином между ул. Суворова и Воронцовской, там долгое время оставались огромные сараи из дикого, необработанного камня.

В 80-е годы на этом месте построили два пятиэтажных здания. Кирпичное здание аптеки и дома по улицам Воронцовой и Почтовой, ныне Пятигорская принадлежали купцу Ашурову Юно. Купец Ханукаев Дивие́ был фуражиром российской армии. Родной брат Леви, Ифраимов Киин, купец 2-й гильдии владел магазином и двухэтажным доходным домом, развалины которого сохранились на углу улиц Рабочая и Иллазарова, а проживал он в кирпичном доме, где располагался центр «Говуши».

Обратимся ещё раз к статье Б.Ф. из газеты «Кавказ», в которой он пишет: «Несмотря на тревожную жизнь, которой жили отцы и деды нынешних евреев, они не оставляли своих привычных занятий: вели торговлю в мирных и неприязненных аулах, сеяли марену, гнали из винограда и фруктов водку и спирт, разводили шелковицу (тутового шелкопряда), и первые из горцев Терской области стали посещать отдалённые русские города и ярмарки (э макариегьё) и своею деятельностью и личным примером немало способствовали развитию разных промыслов в кругу горцев».

Я бы добавил, что к началу XX века горские евреи стали ездить по торговым делам даже за границу. Обратимся к «с.а.м.у»: Купец Ифраимов Леви Агавьевич просит выдать ему свидетельство на получение заграничного паспорта сроком на один год для выезда в государства Западной Европы и в Турцию и благополучно получает его. Есть подобное свидетельство, выданное Пинхасову Илье Мордехаевичу, его жене Алван, сыну Кудишеилу, невестке Нарунж и внукам Ехие, Боруху и Падугуилу для получения из канцелярии начальника Терской области паспорта сроком на шесть месяцев для поездки за границу в Иерусалим для поклонения святым местам. Оттуда, по мнению Гилядова Мордеха евреи привозили по заказу тфилины, талиты, цициты и даже свитки Торы. Кири рэхь хуьшдере эри ведекуьрде (чтобы оправдать свою дорогу).

Перед нами, копия Билета (Паспорта), нальчикского горского еврея Амирова Юханона, холостяка, резника, который с 11 января 1900 года может проживать во всех городах Российской Империи в течении двенадцати месяцев, по истечении которых «он обязан явиться обратно в слободу Нальчик». Мелким почерком написано, что заверил копию нотариус станицы Лобинская Иван Фёдорович Ставраки. Наклеена гербовая марка ценою 80 коп. На левой стороне первого листа записаны приметы моего деда: лет-24, волосы и брови чёрные, глаза карие, нос, рот обыкновенные, подбородок в чёрных волосах, лицо чистое, особых примет не имеет (это вместо фотографии).

Власти официально признавали право за горскими евреями, как за туземным народом, свободно передвигаться по территории Российской империи, но на деле, всячески препятствовали этому. Было специальное постановление, запрещающее евреям находиться ночью в казачьих станицах. Такое постановление делало невозможным длительные поездки, вынуждая евреев прибегать ко всевозможным уловкам, взяткам, подкупу чиновников.

Как нам это знакомо, Господи, по прошедшим советским временам и нынешним российским. Благотворительность являлась неотъемлемой частью жизни богатых евреев, которые на Нисону (Пейсах) и Купур (Судный день) развозили по домам своих бедных родственников кур, индюков, мясо, фрукты, овощи и деньги, чтобы во всех домах был радостный праздник. Эта традиция сохранялась и при советской власти.

Очевидно, что синагоги построены были и на их пожертвования. Несмотря на сильное имущественное расслоение, средний уровень жизни горских евреев был более высоким, чем у окружающих, потому, что были не ленивы, «небу кофли или когъли» имели специальность «сенегlэт» т. е. были кустарями или торговцами, а также благодаря корпоративной солидарности, национальной сплоченности. Завоевание Кавказа русскими, фактически, спасло горских евреев от исчезновения и помогло сохранить и укрепить иудейскую веру. Кавказские раввины получали более высокое религиозное образование в Вильно, возвращаясь оттуда с религиозными печатными книгами и сеферторами (свитками Торы).

Есть у меня несколько документов конца 19 и начала 20 вв., принадлежавших моему деду Амирову Юханону Баазовичу (один уже был приведен выше) и его тфилин. Ножи для резки скота, найденные мною на чердаке нашего дома, остались, к сожалению, в Нальчике. Вот я разворачиваю полуистлевший документ и с трепетом читаю: «Свидетельство. Дано сие религиозному ученику Юханону Баазовичу Амирову, жителю Нальчикского Еврейского поселка Терской области в том, что он учился в моем духовном правлении духовного раввина Хизкия Абрамовича Амирова от юных своих лет по сие время Талмуду и правилу еврейских обрядов относительно убоя скота и всех родов птицы (далее подробно описывается то, что он умеет делать). В чем подписью и приложением печати свидетельствую декабря 8-го дня 1895 года, Нальчикский духовный раввин Хизкия А. Амир.» Текст свидетельства написан на двух языках – русском и иврите.

Это значит, что рав Хизкия имел свое религиозное училище в слободе Нальчик и рукополагал раввинов. И именно у него мой дед получил религиозное образование и профессию резника. Образование дед продолжил в Вильно, откуда привез целую библио-

теку религиозной литературы. Перед отъездом в Израиль я обнаружил несколько старинных книг с личной печатью моего деда в Нальчикской синагоге. Взять их с собой я, конечно же, не мог. Надеюсь, что они до сих пор хранятся в синагоге.

О Хазкие Амирове упоминает и известный русский ученый профессор В.Ф. Миллер, посетивший слободу Нальчик в июне 1884 г. Миллер беседовал с раввином Х. Амировым несколько часов о жизни и быте нальчикских горских евреев, записал с его слов фразы на татском языке. Вот что он писал в своем очерке «В горских обществах Кабарды»:

«В версте от Нальчика раскинулась довольно обширная еврейская колония. Интересуясь горскими евреями, сохранившими свой тип в несравненно большей чистоте, нежели европейские, мы отправились туда. Мужское население было на базаре в Нальчике, и из окон и дверей на нас с любопытством смотрели библейские лица женщин и детей.

Нам редко случалось видеть в течение какого-нибудь получаса столько правильных и прелестных личиков со знойными глазами и курчавыми головами. Остановившись перед чистеньким двориком рабби, мы вошли к нему, чтобы собрать некоторые сведения».

Значит до революции в Нальчике, как и в других местах проживания горских евреев, шла активная религиозная жизнь, были раввины, свои «талмид хунегь» и начальные школы, где малышей обучали ивриту и еврейским традициям. Четыре раза в год читают в синагогах поминальную молитву Изкор: в последний день Пейсаха, в Шавуот, в Йом Кипур и в Шмини Ацерет.

В нашей общине вспоминают о 82-х цадиках, поддерживавших еврейский дух общины, отличавшихся благотворительностью и праведностью, среди них рабби Хизкия Амиров, его сын рабби Нахамиль, и мой дед рабби Юханон. Власти Терского округа пытались навязать горским евреям «казенного» раввина из европейских евреев, который находился во Владикавказ Еврейская колонка должна была посылать на его содержание ежегодно 100 руб. серебром.

Но все горско-еврейские общины категорически отказались подчиняться ашкеназскому раввину и добились права выбора своего раввина. Раз в три года общее собрание мужчин из

своей среды выбирало себе духовное правление. Вот из «с.а.м.а» «Приговор схода жителей Нальчикского еврейского посёлка об избрании членов духовного правления».

13 января 1887 г.: «Выслушав мы это с общего и непринужденного согласия, сим приговором постановили избрать на наступившее трёхлетие для объяснения сомнений к богослужению или обрядам веры относящихся – ученого: жителя нашего общества Хазкию Абрамовича Амирова 32 лет, кандидатом к нему Абрама Амировича Амирова 54 лет, старостою (гоба) синагоги Ханину Нисимовича Ашурова 33 лет, кандидатом к нему Бениачу Исхиловича Алхасова 32 лет и казначеем (наимон) Хаима Ифраимовича Ифраимова 55 лет, и кандидатом к нему Хануко Асоиловича Ханукаева 27 лет.

И из «с.а.м.а» же выдержка: «Журнальное постановление Терского областного правления об утверждении выборов членов духовного правления Нальчикской еврейской общины» от 22 февраля 1887 г.: «...областное правление определяет: почесть Хазкия Амирова и Абрама Амирова избранными – первого в должность учёного духовного правления, а второго кандидатом к нему..., старостою синагоги – Ханина Ашурова, кандидатом по нему Бениача Алхасова, казначеем – Хаима Ифраимова, и кандидатом по нему Хануко Ханукаева с тем, чтобы все они были приведены к присяге...».

Власти не считали раввинами людей, не имеющих документов об окончании официально признанных в России Духовных семинарий, поэтому используется придуманный специальным постановлением термин «учёный духовного правления» Есть в «с.а.м.е» подробный документ о приведении Хизкия Амирова к присяге и о перечислении его обязанностей и о карах в случае невыполнения этих обязанностей, от штрафа до заключения в тюрьму и даже высылке в Сибирь. Хизкия Амиров в специальных метрических книгах вел записи умерших, родившихся, разведшихся и бракосочетавшихся горских евреев Колонки.

На каждый раздел была своя ведомость, кроме того все записи он обязан был дублировать в своих специальных тетрадах, всё, конечно, прошивалось и скреплялось печатью. За подлог можно было угодить в Сибирь. Каждый год в январе он обязан был предоставлять метрические книги и свои тетради в слободское правление (ещё та бюрократия!) для сверки и последующего

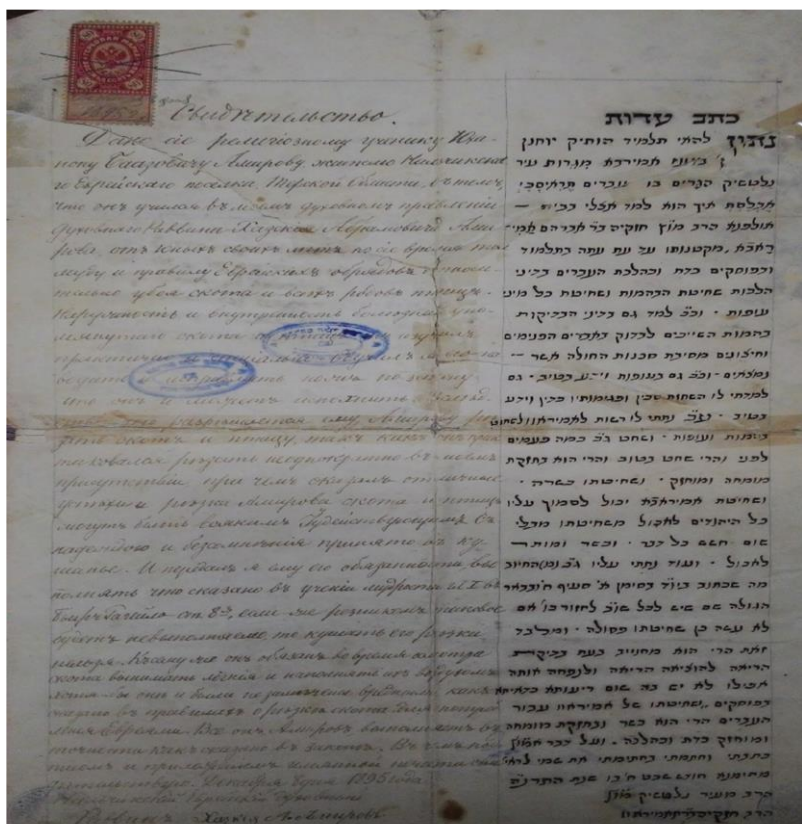

Фото «Свидетельства» Амирова Юханона Баазовича.

хранения метрических книг в архиве. За опоздание он карался штрафом. В конце 19 в., во время паспортизации, горские евреи получили свои современные фамилии. Не мудрствуя лукаво, переписчик записал сыновей Абрама – Абрамовыми. Соответственно сыновья Алхоса стали Алхасовыми, Мелиха – Мелиховыми, Ашира – Ашуровыми, Амира – Амировыми, Гилода – Гилядовыми, Симаха – Симаховыми, Ифраима – Ифраимовыми, и т. д. Интересно, что многие фамилии получили родовые клички. Амировы и Гилядовы – Гьильмоворигьо, Ифраимовы – Жижагьо, Ягудаевы и Матаевы – Даг'эдовгьо, Алхасовы – Пустинигьо, Шабаевы и Шагабаевы – Пуфгьо (сведения А. Семена). Есть еще и другие клички, которые возникли позже, но они более обидные т.

Фото горских евреев начала XX века: Стоят слева направо: Ифраимов Юфу; Амиров Бааз; Шаулов Авхазур; Ашууров Цуар; неизвестный мужчина; Давыдов Аминодав. Сидят: Шамилов Рабо; Ханукаев Рувин; неизвестная женщина; Амиров Нахамииль. (идентификация Ашуурова Семёна).

к. легко переводимы. Поэтому я назову лишь клички без привязки к родам: «Еновокиляхгь», «Шубушхургь», «Чапайгь».

Очень интересный случай произошел с Алхазом Бечелиевичем Юсуповым. Несмотря на то, что он родился в Колонке, а впоследствии женился там и обзавелся семьёй, ему было предписано покинуть слободу Нальчик и уехать в Грозный. Оказалось, что после смерти отца Бечели Алхазовича Юсупова, он в возрасте 12 лет переехал жить к своему дяде по матери (холи) Бенимину Богатырову и был записан под фамилией Алхазов. После нескольких лет разбирательства было доказано, что «Алхаз Бечелиев Алхазов и Алхаз Бечелиев Юсупов есть одно и то же лицо и называется по фамилии Алхазовым, а иногда по имени деда Юсуповым. семейство Алхаза Бечелиева Юсупова ... состоит из него самого 42 лет, жён его: Гузель 32 лет, Китель 25 лет и дочери Бечива 3 лет.» «с. а. м.»).

Вспомните этот эпизод, когда мы будем говорить о полигамии, очевидно, что у Алхазы и Гузель долгое время не было детей, и он женился второй раз на Китель, родившей ему дочь.

Несколько слов об участии горских евреев в 1-й Мировой войне. Перед нами письмо-открытка Ифраимова Одома (Адама) сына Киина с фронта из Австро-Венгрии своей молодой жене Хаврун (Адоре) дочери Леви, родного брата Киина, т. е. он был женат на своей двоюродной сестре, позже мы будем говорить о родственных браках. Он не погиб, но попал под газовую атаку.

Вернулся с фронта в родной город Нальчик, к любимой жене, у них родилось два сына. Но газовая атака дала о себе знать, и он вскоре умер, поскольку лёгкие его были поражены. Умерли и два его сына от воспаления лёгких, а Адоре прожила всю свою жизнь в доме брата Ифраимова Иосифа Львовича, воспитывая своего племянника, моего двоюродного брата Алика.

Вот такая грустная история, пересказанная мне его внучатой племянницей Ифраимовой Наами, кстати, женой того самого Алика. Но вернёмся к повествованию. Мы видим, что горские евреи были призваны в царскую армию и участвовали в первой Мировой войне. Брат моей бабушки Амиров Бааз был на турецком фронте, вернулся с оружием, и был одно время абреком. По

Лицевая сторона письма-открытки Ифраимова Одома (Адама)
сына Киина с фронта из Австро-Венгрии своей молодой жене
Хаврун (Адоре) дочери Леви.

сведениям Ашурова Семена на этой войне в 1916г. в Польше погиб брат его деда Ашуров Данил (Доен), а Ашуров Юнкур был в плену; участвовал в войне и Ягудаев Агъэв (отец Ягудаева Хадура, зятя Семена). Симахов Беня вспомнил, что его дед по матери, Авия Шамилов воевал на германском фронте, а потом вместе со своим другом Амирамовым Екотиилем (Котиль) сражался на турецком фронте. Авия во время атаки получил ранения в глаз и в ногу, его друг-побратим Котииль вынес его на себе из боя. Оба прожили долгую жизнь и оставили после себя многочисленное потомство. Родной брат Авии, Шамилов Микит, пропал без вести на этой же войне. Воевал также и Ашуров Нисим. Видимо, всеобщая мобилизация сильно прошла по мужчинам колонки. Даже я помню Георгиевские кресты, небрежно хранящиеся в старинных чайных коробках. «И хочгъош кире воисте. Эз бебейме мундей.». «Кому нужны эти кресты. От моего отца остались.»

Эти фотографии взяты автором с сайта Гилядова Леонида «Родословная горских евреев города Нальчика». Ягудаев Агъэв, Шамилов Микит, Шамилов Авия, Ашуров Данил (Доён), Амирамов Котииль, Амиров Бааз (Жижи), Ашуров Нисим.

Вот ещё одна фотография горских евреев солдат 1 -й Мировой войны, предоставленная Ашуровым Семёном. Сидят слева направо братья Ашуровы Авиё и Дабарийё. Других Семён идентифицировать не смог, но очень похожие внуки или правнуки были в Колонке в наше время. Обратите внимание на стоящих сзади блестящих гвардейцев с аксельбантами. Орлы! Красавцы! Евреи!

Ну а эта фотография взята с сайта Гилядова Леонида «Древо горских евреев» и предоставлена Нисановой Серафимой, которая пишет: «Сидит слева Пейсахов Ифраим, отец моей мамы, мой дедушка со своими друзьями, тоже евреями. Похоронен он в Нацерете».

А потом грянули Революция и Гражданская война. Здесь тоже не обошлось без участия наших предков. Из песни Х. Алхасова «МэгIэни эри чор партизан» мы знаем имена всех четырёх горских евреев, погибших под г. Прохладным от рук белогвардейцев атамана Серебрякова: «Хъэвурь, чор бирор бу ишуь: Мелей, Симхэ, Ёмин, Шемей». В интернете я нашел, неподтверждённые авторством сведения о том, что в 1918 г. заместителем слободского отряда милиции был дедушка моей жены Ифраимов Ханон(Яков) Киинович, думаю, что и он участвовал в 1-й Мировой войне. Впоследствии он стал редактором газеты на языке жужьгуру «Зэгьметкеш» (Трудящийся). Есть сведения, что был даже собран конный отряд горских евреев для обороны Нальчика

Нач. 20-х годов. Слева направо: Алхасова Обой, жена Иткола, Давыдов Униил, Алхасов Иткол, Давыдова Эрүүв, жена Унииля.

от наступления армии генерала Деникина. Слобода, тем не менее, была сдана, и евреи подверглись репрессиям и погрому со стороны отрядов Серебрякова.

Советская власть потрясла все основы еврейской жизни. Были запрещены ремесла, не разрешалось держать хозяйство

(скот, большие сады и т. д.). Все лавки и магазины были конфискованы, частная торговля запрещена. Некоторые семьи были раскулачены и сосланы в Сибирь. Все это привело к ужасающей нищете в Еврейской колонке, как, впрочем, и во всей стране. Тем не менее, евреи продолжали жить своим укладом, постоянно самоидентифицируя себя как жугьуру.

Конец 30-х годов. Три супружеские пары: слева направо Ашуровы Обой и Папаше, Алхасовы Липке и Кархане, Ашуровы Писах и Адасе.

Но мы должны сказать, что Колонке были предоставлены и большие полномочия по самоуправлению: с 1925 г. по 1938 г. существовала Горско-еврейская автономная колония, при которой были свои милицейский и фельдшерский пункты, свой совет квартала с председателем и печатью. С людьми новая власть проводила всевозможные эксперименты. Так, например, были созданы колхозы по национальному признаку: для евреев, грузин, осетин, русских и т. д. Еврейский колхоз назывался «Жэгметкеш». Напомню, была такая организация «ОЗЕТ»: «Общество землеустройства еврейских трудящихся», существовавшая в СССР с 1925 по 1938 год, и ставившая первоначально целью обустройство советских евреев посредством «аграризации». До нас

дошла смешная история о том, как сапожник приходил полоть кукурузу со своим стульчиком, на котором он привык работать всю жизнь. Он ставил стульчик между рядами, полон тяпочкой кукурузу, потом передвигал его дальше и опять полон. Колхоз конечно же прогорел.

Почти все мужчины евреи сидели в тюрьме, в основном, по двум статьям: кустарничество и спекуляция. Но выйдя из тюрьмы, благо по этим статьям срок был небольшим, они продолжали заниматься тем же, ибо семью кормить было необходимо, а ничего другого они не умели. Кстати, два мои дяди Ефрем и Соломон тоже сидели за кустарничество. За спекуляцию часто сажали женщин, что оборачивалось трагедией для детей.

Был еще один способ выколотить из населения остатки сбережений. С 1931 по 1936 гг. в голодной и нищей стране работала сеть магазинов «Торгсин» (прообраз «Березки») где за валюту, золото, платину, серебро и ювелирные изделия можно было купить все. Туда, чтобы не умереть с голоду, несли еврейские женщины свои драгоценности. Мама рассказывала, что один ученик так расшифровал слово «Торгсин»: Товарищи, Остерегайтесь, Россия Гибнет, Сталин Истребляет Народ. В ту же ночь он и его семья исчезли навсегда.

Вообще-то, сталинские репрессии не сильно коснулись горских евреев, сказались корпоративная сплоченность, а также принципиальное нежелание доносить на своих, ведь все мы родственники и друзья. Положение в Еврейской колонке стало настолько ужасающим, что в 1928 г. на 3-ем пленуме обкома КБАССР первый секретарь Бетал Калмыков говорил: «О еврейской колонии. Голые, раздетые, разутые...эта колония расположена к вырождению, на себя серьезное внимание обращает. Пусть они: 1. выдвинут людей своих; «2.мы отпустим определенную сумму, чтобы ее правильно провести. Надо построить баню, чтобы они могли обмываться, улицы, мостовые, больницу, школу. Помочь в письменности. Конечно, сделать это в один год не удастся, но через полтора-два года эта колония оздоровится».

В Еврейской Колонке вскоре были построены школа, баня, Обувная, Чулочная, Швейная фабрики, Кожзавод. Рядом, в районе Астраханки «Чинар завод», «Халвичный», рядом с нашим домом «Химзавод». В связи со строительством заводов в Колонке появился свой рабочий класс. Рабочих ударников, стахановцев

поощряли грамотами, подарками, выплатами премий и прочими благами, приглашали в президиумы. Но, несмотря ни на что, после работы на государство еврей, вернувшись домой, брался за свое ремесло и, втайне от властей, кустарничал. У нас дома, например, под полом находился маленький цех дяди Ефрема по выделке кожи и меха. Работа была адская: При свете керосиновой лампы, полусогнувшись муж и жена, Ефрем и Соня (Пупуш) выделывали шкуры по ночам, ведрами вручную наполняя и опорожня бочки с химикатами, вдыхая эту отраву. Меховые шкуры сушили в сарае под замком, а потом, специальными лопатками штрихолили, растягивая шкуру и утончая мездру. Кожи (лайку) растягивали, с помощью маленьких гвоздиков, на полу. Это называлось «рамке зере». Мех покупали курточники, сапожники для зимних сапог или опушек, перчаточники, шапочники, а кожу – для обуви, курток и плащей. Самым страшным человеком был фининспектор.

В Ленинский учебный городок были приняты еврейские юноши и девушки, ставшие впоследствии партийными, советскими и хозяйственными функционерами. Сталинский лозунг: «Кадры решают все!» действовал и в далеком от Москвы Нальчике. Была выпестована национальная интеллигенция, номенклатура, в том числе и еврейская. Они селились в специальных обкомовских домах в центре города, их дети учились в престижных школах. Они слегка дистанцировались от остальных евреев и колонка назвала их «гъэледесиго» или «дигъзеверигъ». Уважая за ум, образованность, удачливость, за спиной колонские подшучивали над ними: «Лап култивизированный, эричъу тьуре!», а то и еще хуже «култызный». Но в случае нужды обращались к своим «култызным» за помощью: то словечко замолвить, то взятку сунуть к.-л. начальнику, то просьбу о помиловании написать. Как правило, им не отказывали и помогали.

В разные годы горские евреи занимали видные посты. В 30-е годы министром юстиции был Амиров Дон (Мошолке), впоследствии репрессированный. В 50-е годы министром местной промышленности был Мушаилов. В 70-е годы управляющим профтехобразования республики, депутатом Верховного Совета КБАССР, референтом Первого секретаря Обкома КПСС по экономическим вопросам был Ифраимов Бениамин. Замначальника

ГАИ республики был Михайлов Захар. Секретарем райкома партии по промышленности был Шаулов Бухур. Шабает Давид заведовал Республиканским Госархивом. Были директора щкол, фабрик, заместители разных уровней.

Министр юстиции КБАССР Дон Амиров
и его жена Малка (Алхасова).

Дон Амиров был соратником первого секретаря Обкома партии Беталла Калмыкова и был репрессирован вместе с ним. Его комиссовали, т. к. он в «местах заключения» заболел туберкулезом и, вернувшись домой, умер в своей постели.

В колонке была построена школа №10 в ней обучались еврейские дети. Первые три года на татском языке, а русский учили как иностранный для того, чтобы было легче учиться дальше. Благодаря нашему просветителю, кавалеру Ордена Ленина Гилядову Камуилу Исаковичу были созданы все учебники начальной школы на татском языке, в том числе и математики, и природоведения, т. к. дети плохо говорили на русском. Не всем удавалось получить семилетнее образование и только единицы оканчивали десятилетку.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Один раз в году, рано утром 9 мая тетьа Пупуш (Соня), жена моего дяди Ефрема (зенхолийме) исчезала со двора и шла пешком вдоль берега реки Нальчик в парк к Вечному огню. И пока никого не было, плакала там о своем пропавшем «без вести» брате Ифраимове Молтобаре, вечная ему память. А все остальное время она говорила: «Молтобар шор биево!», потому что надежда умерла вместе с ней здесь в Израиле. Сколько таких Молтобаров не вернулось тогда с той проклятой войны. Мы называем ее Великой, но она была беспощадной, ужасной, всепожирающей. «Что ж ты подлая сделала, стали тихими наши дворы», – пропел фронтовик Б. Ш. Окуджава. Опустела страна и вместе с ней Колонка от мужчин. Всех военнообязанных забрали на войну. Остались старики, женщины, дети, больные, не подлежавшие призыву и «откосившие», сумевшие откупиться. Да были и такие. Их, кстати, Колонка не осуждала. Дело не в героизме, а просто забрали и отправили в пасть кровожадному Молоху.

Ушли Алхасовы, Амировы, Ашуровы, Давыдовы, Дигиловы, Гилядовы, Иллазаровы, Ифраимовы, Пинхасовы, Левиевы, Хаймовы, Мелиховы, Мигиловы, Мушаиловы, Матаевы, Нафталиевы, Нусуевы, Шамиловы, Шауловы, Симаховы, Ягудаевы. Простите дорогие земляки-нальчане, что не называю все фамилии, просто не позволяет формат книги.

Перед вами фото простого солдата Ашурова Хануко (1903-1942 гг.) сына Гъззэгъа и Гъззбике. Оставил вдову Малку и четверых детей.

Я не буду говорить о подвигах, о патриотизме, а просто вспомню некоторые семьи и их судьбы, чтобы вновь ощутить масштабы катастрофы. У Алхасовых Чухана и Деденгуз было девять детей: три дочери и шесть сыновей. В живых остались Будай и Донииль.

Алхасов Асюль (1897-1942) – оставил вдову Новит и шестерых детей. Алхасов Павли (1900-1943) – оставил вдову Хану и пятерых детей. Алхасов Бодон (1907-1943) – оставил вдову Лизу и пятерых детей. Алхасов Товбой (1917-1943) – оставил вдову Раич и сына. Сын Алхасовой Духай (Обой), внук Чухана, Алхасов Сережа (1926-1945) погиб и никого после себя не оставил. Сын Донилия, другой внук Чухана, Алхасов Папа (Гулук) – (1924-1944) тоже никого после себя не оставил. Страшно! «Плачет и рвется сердце мое!» Будай, у которого было девять своих детей и Дониил у которого – семь детей, как могли поддерживали своих невесток- вдов и племянников.

Не могу я о подвигах, о них в следующий раз, ко Дню победы. Единственный сын Дигиловых Мендиля и Сапиро, Дигилов Арон (1898-1943) ушел на фронт с двумя сыновьями Борисом (1923-1943) и Шеди (1925-1943). Вдова Ольга, получила три извещения о пропавших «без вести» муже и детях, совсем еще молодых, тоже не женатых. Ушли, прибавив себе возраст, добровольцами на фронт и не вернулись, а поскольку «без вести», то даже не были погребены. Просто брошены на поле боя. Так страна платила своим детям, а несчастные матери и вдовы не получали за погибших никаких пособий. Старший, из оставшихся детей, Владимир 1928 г. р. бросил школу, пошел работать и помогал матери растить сестер и младшего брата. Своего первого внука, моего зятя, назвал Ароном, в честь своего отца.

У Дигилова Танахума было два сына Алексей и Овгодул, которые тоже ушли на фронт и не вернулись, пропав «без вести» в 1943, погиб в том же году, и восемнадцатилетний сын Алексея Дигилов Трофим. У Алексея остались вдова Милко и дочь. У Овгодула вдова Пилюш и два сына. Оба сына Ашурова Довду пропали «без вести»: Ашуров Аbruш (1905-1943) остались вдова Кархане с двумя детьми. Ашуров Эршиил (1908-1943) – вдова Роза и три ребенка. Из трех сыновей Дигилова Авила остался только Маргун, не взятый на войну по состоянию здоровья, погибли Леви(Аслан) (1907-1943) – вдова Анна, две дочери и сын; Нотон (1913-1943) вдова Эрв, дочь и сын.

Из трёх сыновей Амирова Менахума погибли на войне двое: Абрам (1901-1942) – осталась вдова Тоске с двумя детьми и Догьум (1912-1943) – вдова Клара и два сына. Старший сын раби Нахамиля, Амиров Хаския (1920-1944); сын Обо, Амиров

Изго (1920-1941); сын Сафание, Симахов Гриша (1922-1942); сын Саадие, Симахов Борис (1922-1943); сын Ильцофора, Симахов Хатон (1921-1943); сын Симха, Мигиров Амин (1921-1942); сын Шенилия, Мигиров Мендель (1920-1943); сын Киина, Мигиров Мушкат (1920-1941) старший брат Шомииль (1906-1944) и старшая сестра военврач Зина (1916-1942); сын Голи, Мигиров Рафик (1925-1943); сын Давида, Мигиров Семен (1922-1942); сын Бесерит, Левиев Олег (1922-1943); сын Эдиногу, Левиев Хадис (1923-1943); сын Юфу, Ифраимов Барух, Каш (1920-1944) (забрали прямо со свадьбы); сын Гельхануна, Ащуров Юнуш (1925-1943); сын Обо, Ащуров Алексей (1923-1943) и его старший брат Шельмуь (1918-1943), сын Шолиаха, Ащуров Хадургун (1921-1942); единственный сын Шимпу, Ащуров Илья (1923-1943); сын Давида, Алхасов Нотон (1922-1943); сын Егъотилия, Давыдов Нисон (1923-1943); сын Григория, Давыдов Сава (1921-1944); сын Ильханона, Давыдов Якуб (1921-1944); сын Камуила, Гилядов Данил (1923-1942); сын Захара, Хаимов Семен (1924-1945); сыновья Эльханона, Шамиловы Илистон (1920-1943) и Ильтон (1924-1943); сын Шаулея, Мушаилов Урииль (1921-1942) и три его старших брата Илья (1909-1943), Шоков (1912-1941), Одом (1915-1941); сын Арона, Нафталиев Борис (1924-1944); сын Ильи, Нусуев Имонииль (1921-1941); сын Пирида Юсупов Хацирон (1923-1943), дочь Ефрема, Юсупова Мария (1926-1944), сын Итилия, Ягудаев Бох (1921-1942) ушли на фронт и все погибли.

Закипают мозги, сердце стучит в висках, разум не в состоянии осознать весь масштаб трагедии, постигший Колонку! Мне 63 года, и я плакал о несбывшихся судьбах, об отцах и матерях, перенесших все это! Посмотрите еще раз на эти имена, фамилии и даты жизни, эти дети не оставили после себя никого! Ушли и не вернулись! Они мечтали о счастье, строили планы на будущее, хотели иметь детей, дом, но вместо этого – ужас, кровь и смерть! Ими затыкали прорывы со словами: «винтовку добудешь в бою», прикрывая провалы первых лет войны их молодыми телами. От их имени фронтовик Семен Гудзенко сказал: «Мы не знали любви, не извели счастья ремесел / Нам на долю досталась нелегкая участь солдат».

К чести моего народа, хочу сказать, что имена их возродились в именах внучатых племянников этих солдат-детей. И каждый знает, в честь кого он назван, чье имя он носит. Не ставлю

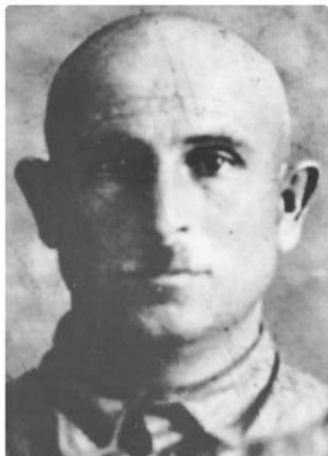
целью перечислить все имена погибших солдат и их вдов и матерей. Но несколько слов о женщинах я все-таки обязан сказать. Они, потерявшие своих мужей и сыновей на войне, в большинстве своем, не смогли устроить свою судьбу и выйти второй раз замуж. Да и откуда им взяться, мужчинам после такой страшной мясорубки. В большом дефиците были женихи, а невесты были с «приданным», детьми. Повезло единицам, а остальные сами поднимали своих детей, работая день и ночь за мизерную зарплату на предприятиях и тайно ремесленничая дома, занимались спекуляцией, иногда попадая в тюрьму, что оборачивалось катастрофой для детей.

Я не мог понять, почему так много женщин в Колонке в 50-х — 60-х годах ходили в трауре без видимых причин. Многие брали на себя пожизненный траур, отказываясь снимать темные платья в память о погибших мужьях и сыновьях. Честь и слава Вам, недолюбленные, недоласканные, засыпавшие и просыпавшиеся в холодных вдовьих постелях. Сколько выплакано слез в подушку, ведь больше никогда не придет, не обнимет, не зашепчет на ухо ласковых слов тот единственный, которого отобрала война. Никогда не обнять больше сына, рожденного в муках, вскормленного грудью, которого купала каждый вечер в корыте. Только в памяти матери остался мальчик, сгоревший в огне войны.

«Чуьтам вокунум раче платире (булшире)?! Падчогье шуьверме не куклейме, жунме, нешумойме, жигерме э женг пуч бисдоруьт! Дуьлме эдере (эдее) сухде! Чумгьойме гьербоиш глэрсини (эрсини), эже глэжел (эжел) ишуре офдей и несубьсуьзгьоме! Как я могу надеть красивое платье. Мой цареподобный муж и мой сыночек, жизнь моя, душа моя, печень моя пропали (погибли) на войне. Сердце мое в огне! Глаза всегда в слезах — где нашли свою смерть мои несчастные!». Низкий поклон, Вам милые, скромные, тихие, терпеливые и гордые горские женщины, сохранившие еврейскую традицию, воспитавшие своих детей, внуков и правнуков евреями, добрыми гражданами и просто хорошими, порядочными людьми. Вы вынесли на своих хрупких плечах все тяготы послевоенной разрухи и голода, своими руками построили счастье своих полу-сирот.

«В пехоте во время активных действий человек остается жив в среднем неделю. Затем его ранит или убивает», — написал

простой солдат той войны, профессор-искусствовед Ю. Никулин в своей книге «Воспоминания о войне». Моему дяде Амирову Ефрему повезло, он вернулся живым с войны. Не было у него наград, ни одной. А юбилейные он не получал принципиально. Пришел к военкому и сказал: «Вы мне лучше 10 рублей дайте, а медаль себе оставьте! Не нужна она мне!» Военком посмотрел на старика с палочкой и молча вынул из своего кошелька деньги.

Алхасов Худодод (1897-1942)

Алхасов Павли (1900-1942)

Ашуров Абуруш (1905-1943)

Мигирова Зина (1916-1942)

Наградила его война обмороженными ногами, шрамами по всей спине и контузией. «Свисток, и ты бежишь, кричишь и стреляешь. Тогда мы не добежали до немцев. Меня вынес санитар. Перевязали и в госпиталь. Вылечили, отправили на переформирование и снова в огонь. Опять бежал, кричал, стрелял, а потом свист, взрыв за спиной... Очнулся, меня девушка по снегу на моей шинели по снегу тащит, а я почему-то босиком. Опять потерял сознание. Очнулся в госпитале, смотрю, стоит надо мной Мигирова Зина- военврач. Зине бу хэгъер Фейге, – переходит он вдруг на родной язык, – Фейгере, зен Малахиме бегем не дануьсе туь, хар; э сер дэхъэр хунейшуьни, э пушой хуней Фатиме. У дохдир бу, военврач. Э хуьшде дироморум, гуфдируьм: «Зине, хосденуьм эз туь, мере мефурс э глэтош, дие нивотовум, микуьшуь мере. Э хуне мивогордуьм, эз туь хэбер мидуьм э бебе дедейтуь». Э зугьун жугьгур гоф сохденуьм, угьойге неварасу гофгьоймере. Жогьоб недо мере Зине, чумгьоюре чарунд. Теки пойгьоймере негьшид бура. Зине эз женг невогошд». (Зина была сестрой Фейге, – переходит он вдруг на родной язык, – Фейге жену Малахима, ты что не знаешь, дурачок; на горке их дом, напротив Фатимы. Она была доктором, военврачом. Пришел в себя, говорю ей: «Зина, прошу тебя, не посылай меня в огонь. Я больше не выдержу, убьют меня. Вернусь домой, передам твоей матери весточку от тебя». Разговариваю на еврейском, чтобы другие не поняли моих слов. Ничего не ответила мне Зина, лишь глаза отвела. Только не позволила отрезать мне ноги. Зина с войны не вернулась). Полгода провалялся мой дядя в госпиталях и в сентябре, списанный подчистую, вернулся домой. А 28 октября в город вошли немцы и дядю прятали до самого освобождения Нальчика, в подвале. Он пережил свои две недели на войне и остался жив, «счастливчик».

Таким же «счастливчиком», возможно в том же бою на Донбассе был Ашуров Дмитрий (Мидод). Получив ранение в ногу во время неудачной атаки, остался на снегу на поле боя. Его из-под огня пытался вынести его лучший друг, побратим Амиров Соле, но под ураганным огнем не смог. Мидод уговорил его отступить. Они поцеловались на прощание: «Расскажи моим родным, как я погиб», – попросил Мидод друга. Но судьба распорядилась иначе: Соле после переформирования попал в Сталинградскую мясорубку и через год, в марте 1943г. погиб, а Мидода

после удачной контратаки вытащили санитары и отправили в прифронтовой медсанбат. Хирург приготовился ампутировать ему ногу. Поняв это, глубоко религиозный Мидод стал читать «Шма Исраэль». Хирург, как это часто случалось, оказался ашкеназским евреем и тоже религиозным. Поговорив на иврите с соплеменником, он решил «потратить» время и тщательно прооперировав, спас Мидоду ногу.

Ашуров Дмитрий (Мидод)
(1910-1990)

Ашуров Меркииль
(1910-1990)

Из медсанбата Мидод попал в госпиталь в Ростов, затем в Тбилиси, в конце концов во Владикавказ. «Провалившись» в госпиталях более полугода вернулся в Нальчик инвалидом перед самой оккупацией. Немцы сразу же отправили его вместе с другими евреями на работу, на расчистку развалин. Один из немцев, следивших за работой обратил внимание на хромого работника и сказал другому, что вечером, в конце рабочего дня надо с ним разобраться и расстрелять его, так как он раненый красноармеец. Переводчица предупредила Мидода о грозящей ему опасности,

сказав, что они его, скорее всего, расстреляют как бывшего красноармейца. Спрятавшись в развалинах, он убежал домой, попрощавшись с семьей, ушел через Вольный Аул к «Желтой круче», где находился партизанский отряд, организованный его родственником Ашуровым Меркиилем, работавшим в органах и оставленным специально для координации партизанского движения. Немцы искали беглеца и грозили расстрелом всей семье, от старухи матери до самого младшего ее внука Семы. Но все обошлось. Домой вернулся Мидод вместе с партизанами освободителем родного города. За работу во время войны он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В фотоальбоме мамы я наткнулся на фотографию 1942 г. На ней два брата Ифраимовы Изро и Иосиф. Иосиф Львович был мужем моей родной тети Раи. Их было три брата Михаил, Иосиф и Изро, и всех троих забрали на фронт. В «Книге Памяти» КБР читаем: «Ифраимов Михаил Львович 1902 г. рождения еврей, г. Нальчик. Призван в Советскую Армию в 1942 г. Нальчикским

ГВК. Рядовой. Погиб 03.1943 г.» Молодая вдова Ирина, девичья фамилия Богатырева, осталась одна с двумя сыновьями Додиком и Левой и с извещением, что ее муж «пропал без вести», а значит без помощи государства. Она и сейчас у меня перед глазами: необычайно красивая, интеллигентная, пожилая женщина, которую называли Бабушке (ударение на последнем слоге) Иосиф, как и брат, был рядовым, но ему «повезло», т. е. его не убили, а ранили. Попал после медсанбата в госпиталь. Сестричка, записывавшая его данные, улыбнувшись сказала: «А вчера к нам попал Ваш однофамилец, тоже Ифраимов. Так в хаосе и неразберихе войны встретились родные братья Иосиф и Изро, тоже рядовой. Выздоровливали братья рядом, в одной палате и весь госпиталь радовался за них. Перед самой выпиской братья сфотографировались. А потом, после переформирования, вновь пот, кровь, атаки, но им повезло и они, простые солдаты остались живы. Дома их ждали и дождалась жены и дети. Не было у них наград, но они честно выполнили свой долг.

Еще одно фото и еще одна встреча: в мае 1945 г. двоюродные братья Израйловы Ирмие (Бебешке) слева и Алеша, справа.

Их части находились рядом, в 7 км. друг от друга, начальство, узнав об этом, дало обоим отпуск на три дня, который они провели в отеле, сделав эту фотографию на память.

Два молодых красавца офицера – орденоснца и счастливая встреча, после страшной битвы за взятие Кенигсберга.

Лицо Ирмие немного искажено шрамами от ожогов, ведь техник – лейтенант Израилов Ирмие горел в танке.

Эти шрамы у него остались до конца его долгой жизни, он умер в Америке в 2018, в возрасте 93 лет, окруженный любовью детей, внуков и правнуков.

Помогшим командира роты по технической части, Старшим техником лейтенант Израилов Ирмаи Ливеевич. В боях за социалистическую родину при прорыве обороны и прорывах противника с Юрилом по Савуцки в районе Пюбалиши. А проявил себя смело, решительно, наградивши командиром. На протяжении всего наступления т. Израилов не отрывался от роты лично сам проводил работы танков. Когда командир роты был ранен, то Израилов принял командование на себя и повел роту в атаку потылиши. Задала быть выкапана. Под его командованием было эвакуировано три подбитых танка. Своим умелым и способным выполнением своего долга, тов. Израилов достоин правительственной награды ордена

Есть наградные листы на Израилова Алексея о представлении к медали «За отвагу» 04.03. 1943 г. гв.младшего лейтенанта, а потом гв. лейтенанта к Ордену Красной Звезды 29.10.1943 г., и наконец гв. старшего лейтенанта к Ордену Отечественной войны 1-й степени 08.05.1944 г. За один год офицер связист вырос от мл. лейтенанта, до старшего лейтенанта. Вот один из листов:

8 мая 1944 года при постройке кабельной линии от III Командарма к 18 ГСК Гв. лейтенант ИСРАИЛОВ Алексей Моисеевич, будучи трижды ранен осколками вражеских мин, не оставил своего подразделения, продолжал руководить работами по постройке линии связи к 18 ГСК ведущего боя на ближних подступах к Севастополю и своевременно обеспечил связь Командарма с 18 ГСК. Будучи трижды ранен Гв. лейтенант ИСРАИЛОВ А.М. более полусуток руководил работой своего взвода по эксплуатации линии связи и обеспечил бесперебойную связь Командарма с 18 ГСК, оставил взвод и направился в Медсанбат только после приказа Начальника взвода ~~...~~

Но вернемся к Нальчику и его мирным жителям. Сам по себе Нальчик не был стратегически важным пунктом: тупиковая железнодорожная станция, нет прямого выхода на легко проходимые перевалы Центрального Кавказского хребта, ведущих в Грузию, но он перекрывал общесоюзную трассу Ростов-Баку, проходящую прямо через город. Нальчик оцетинился ДОТами,

ДЗОТами, противотанковыми рвами. Один ДОТ долго оставался целым. Он находился за 6-й школой, около железнодорожного полотна.

Оборона Нальчика. Пулемётное гнездо (фото из интернета).

Мама вспоминала, что в сентябре и октябре все студенты пединститута и техникумов были мобилизованы на рытье противотанковых рвов. Группа, в которой была мама, рыла ров в районе г. Прохладный. Это называлось «Грудовым фронтом». Их бомбили, обстреливали из пулеметов с воздуха. Было очень страшно и жутко, но уйти домой никто не мог, расстреляли бы за саботаж. Но все оказалось напрасным.

Немцы скрытно подтянули танковые дивизии, мощной бомбардировкой с воздуха уничтожили коммуникации 37 стрелковой армии, отрезав ее от основных сил фронта. Танки смяли пехотные дивизии, не имевшие на этом направлении ни танкового, ни артиллерийского прикрытия. 28 октября немцы овладели Нальчиком. Мама вместе со своими однокурсниками оказа-

лась в тылу врага. Начальство разбежалось и пришлось идти пешком домой без еды и питья. Шли вдоль дороги, по которой им навстречу в сторону Моздока двигались немецкие и румынские моторизованные части, которым было наплевать на толпы грязных, голодных, бредущих по обочинам дороги людей. Очень скоро старые, выдавшие виды тапочки мамы развалились, а от ходьбы босиком по камням и кочкам ноги мамы сбились, распухли и превратились в сплошную рану. Обессиленная, она легла на холодную землю и заплакала.

«Я думала, что я умру», – вспоминала с ужасом она. Однокурсники давно ушли, осталась лишь верная подруга Валя Лякишева.

Я хорошо помню эту дородную красивую русскую женщину, жившую на углу Первомайской и Нагорной, мы часто бывали у нее в гостях. Так вот она-то и тащила маму на себе изо всех сил. Но поняв, что не выдержит, бросилась под колеса телеги с беженцами, которые, не успев эвакуироваться, тоже возвращались домой.

«Помогите, она из богатой семьи, ее родители вам хорошо заплатят, посадите ее на телегу».

И маму, сжалившись, посадили и довели до города, не взяв платы, а просто высадили на углу Кабардинской и Осетинской. Вот так спаслась мама. Но вернемся немного назад. Советские войска оставили город, а немцы еще не вошли в него. В городе, на короткое время, не было никакой власти. Слаб человек: начались паника и грабежи. Грабили оставшиеся склады, магазины, госучреждения, фабрики и заводы – все, что не успели эвакуировать. Рядом с нашим домом был Химзавод. Там для нужд армии и населения производили хозяйственное мыло и варили алифу. Тетя Пупуш рассказывала: «Алифере э ведирегьоревоз ташимиш сохдебу хэлг, сэглэбуре э ешиггьоревоз, пердегьо- перзинегьореш дувздиребирут.

Меш вирихдум дие, эри немицигьо немуну гуфдире», – как бы оправдывается она и продолжает: «Ебо дегь кесек сэглэбу э кешейме дешендум, песеде ешигеш вегирдум. Ме эз дугьоз завод ведиреморенки, омо раси, шэглэду э хуно е одоми э фубэжэхево э десу тапинже дери: «Кундигьо! Гьэгьбегьо! Дедейшмуре...!» Ебо э осму гуллере зе, песеде, кук сег, э пушонийме тапинжере вено: «Гьей сэглэт шен ешиге!». «Э илов домундум:

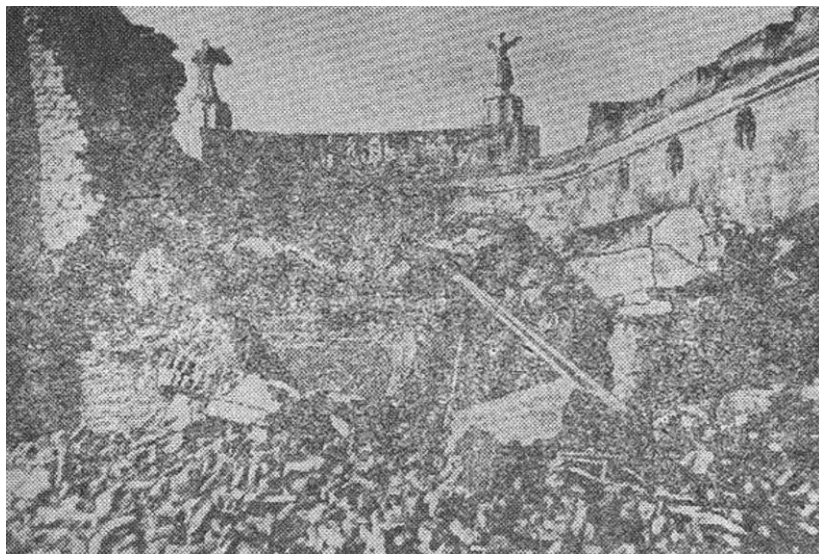
Шенум-нешенум, оммо сулай эн тапинже э пушониймени. Э ар-туьш шендум, у сег ху хуро, рим, э хуне фирихдум. Теки э кешейме у дегь сэгIэбу домундут, келе кумекети бу угьо эриму.»

Ефрем, вспомнив тот эпизод, засмеялся: «У сэгIэбугьо пуст шугьэмтуьре сухундут. Согъэ мегь э фуе домундебири э у лербегьойтуьревоз, хэре чи!» Перевод: «Алифу ведрами таскал народ, мыло ящиками, занавески и скатерти воровали. И я тоже побежала, не оставляя же немцам», – как бы оправдывается она и продолжает: «Сначала я сунула за пазуху десять кусков мыла, а потом взяла ящик мыла. Когда я выходила из ворот завода, откуда-то, как черт, появился человек с пистолетом в руке и с воплями: «Педерасты! Суки! Мать вашу...! Сначала выстрелил в небо, а затем, сукин сын, пистолет к моему лбу приставил: «Брось сейчас же этот ящик!». «Я растерялась: бросать – не бросать?! Но отверстие пистолета на моем лбу! В конце концов бросила, чтобы эта собака умылся кровью и гноем! (досл.: чтобы ел кровь и гной – весьма распространенное проклятие у горских евреев), убежала домой. Но за пазухой те десять кусков мыла остались, они были нам хорошей помощью (соль, спички, сахар и мыло были основной «валютой» военного времени). Ефрем, вспомнив тот эпизод, засмеялся: «Это мыло сожгло кожу на твоём животе. Целый месяц орала со своими болячками, дуреха!»

Мне, мальчишке, так никто и не смог объяснить, почему этот НКВДешник не дал взять мыло. Ведь все, что не растащили, досталось врагу. Перед захватом немцы беспощадно бомбили город: 70 бомбардировщиков сбрасывали бомбы на город. Было разрушено 117 крупных зданий, среди них 9 школ, гидротурбинный завод, Обувная фабрика, железнодорожный вокзал, элеватор, здание горсовета, поликлиника, драмтеатр, Дворец пионеров, республиканская библиотека, педучилище, две гостиницы. До середины 60-х годов за медицинским факультетом КБГУ, в районе нынешней гостиницы «Нарт» сохранялись развалины двухэтажного дома работников партактива, мы любили играть там в «войнушки».

Во время бомбежек население пряталось в так называемых «окопах». Об этом, в книге «Исход горских евреев: разрушение гармонии миров» (в дальнейшем «Исход...»), составитель Данилова С. А., рассказывают все опрашиваемые участники тех событий: Авгош Шамилова, Бесирит Ашурова, Женя Бязрова, Ливия

Дигилова, Александр Симахов и др. У нас во дворе тоже был «окоп» – это длинная траншея глубиной до двух метров с входами с двух сторон, сверху закрытая досками, бревнами и засыпанная землей. Внутри обустраивался досками, утеплялся циновками, сеном, одеялами. Такой «окоп» не спасал от прямого попадания бомбы или снаряда, но защищал от осколков и пуль. В нашем окопе прятались три семьи, для чего были проделаны проходы в заборах. Одна из бомб упала на углу Надречной и Козлова, ее осколком была убита наша соседка, тринадцатилетняя дочь Алхасова Китрилия Лена. В своей автобиографической книге «Приключения одной жизни или мой трудовой путь» мой тесть Ашуров Борис пишет: «...я увидел первого убитого человека в моей детской жизни. Его звали Товуши и лежал труп этого человека вдоль наружной стены 10-й школы».

Кинотеатр после бомбёжки, восстановленный после войны назывался «Победа». Отреставрирован в настоящее время и является украшением пешеходной зоны.

Биазрова Женья в книге «Исход...» говорит: «Помню бомбили 10-ю школу, там был госпиталь. На второй день, когда немцы вошли в город, мама пришла домой и говорит, что раненых больше не было в госпитале. У нее в руках было два халата,

и она сказала, что сошьет нам из них одежду. Мы даже не знали, кто увел раненых, видимо, партизаны. В город вошли немецкие и румынские части. Вот как вспоминает об этом Яков Шамилов (Исход...): «Мы были на улице и видели, как они въезжали на мотоциклах с люльками. Их было по пять – шесть человек на мотоцикле. Ашуров Борис в своей книге воспоминаний пишет: «Впервые я увидел немецкие механизированные колонны, движущиеся по ул. Осетинской, которая выводила на мост по направлению к г. Грозному».

Страх и ужас охватил всех евреев, потому что ни у кого не было сомнений, что их ждет смерть. Яков Шамилов на вопрос: «Был ли какой – нибудь страх?», отвечает: «Конечно был. Мы думали, что нас убьют» (Исход...). Гучи Матаева: «Мы ночами не спали. Два месяца мы сидели, даже не раздеваясь ночью. Боялись. Если какая-то машина проезжала по улице, мы думали, что это за нами.» (Исход...) Ливия Дигилова: «Боялись грохота немецких грузовиков и немцев, которые заходили грабить.» (Исход...) Симахов Александр: «Если утром просыпались живыми, то радовались» (Исход...).

В том, что евреев убьют были уверены и все жители Нальчика. Соседка осетинка, тетя Шура, милая, добрая женщина, ведь она так и осталась, до конца своих дней, нашей соседкой, пришла к бабушке и сказала: «Тирсо Мордехаевна, Вы скажите, где вы спрятали свои драгоценности и серебряную посуду. Все равно вас убьют немцы. Чего добру пропадать!»

«Не дождешься!», – твердо ответила бабушка. К чести тети Шуры и других соседей следует сказать, что они не выдали фронтовика дядю Ефрема, прятавшегося в подвале. Вот такие парадоксы. Евреев регулярно выгоняли на работы по разборке завалов, восстановлению дорог, рытью траншей, чистку и уборку туалетов, переборку овощей. Когда не хватало рабочих рук, то людей просто захватывали на базаре. Из письма горских евреев, опубликованного в газете «Кабардино – Балкарская правда»: «Били, грабили, издевались над нами, заставляли выполнять непосильный труд, и все за то, что мы евреи... Таскать блоковые камни, чистить туалеты, конюшни заставляли даже 10-и летних детей и 80-и летних стариков... На работу выгоняли с 4 часов утра и не отпускали домой до 6-7 часов вечера.» (Исход...). Мама рас-

сказывала, что ее вместе с сестрой Раей захватили на базаре погнали на работу. Они разбирали развалины Республиканской библиотеки им. Н.К. Крупской. За работой следили немецкие солдаты, один из них, увидев, что мама отложила томик Маяковского, стал орать на нее и толкать в грудь автоматом. Ночью их отпустили домой. Больше мама на работу не ходила и пряталась дома до самого освобождения.

Есть события, которые много раз пересказывались и стали легендой. Кратко перескажем их и мы. Община (дегь мерд) во главе с равинами Шауловым Саадие и Амировым Нахамиилем имитировали похороны больного холерой. Таким образом были захоронены свитки Торы (Сефиртирогь). На этот сюжет многоуважаемая Ташаева Инесса Матвеевна, благословенна ее память, поставила мюзикл. В книге «Горские евреи» (Иерусалим: Москва. 1999) приводится беседа адвоката Семена Шадова, назначенного немцами главой Национального правительства Кабардино-Балкарии с профессором Александром Далином: «Ко мне, как к главе правительства, обратилась делегация горских евреев во главе с госп. Шабаетовым Маркелом.

Они сказали мне, что части СС и СД составили список всех горских евреев, обязывают их носить желтую звезду Давида, унижают их честь и достоинство, и они ожидают, что их, как евреев, ждет физическое уничтожение». С. Шадов, по его словам, обратился непосредственно к фельдмаршалу фон Клейсту. Была создана комиссия, результатом проверки которой, стал приказ фон Клейста от декабря 1942г., где горские евреи были объявлены кавказским племенем. Они не обязаны были носить желтую звезду Давида и расстрел их был отложен.

В статье «Шашлык для непрощенных гостей» подробно рассказывается о подвиге Маркела Викторовича Шабаетова, который он совершил ради спасения горско-еврейской общины г. Нальчика. «В лохматой барашковой шапке и черкеске, с тремя седобородами горскими евреями он явился в гестапо. Через переводчика заявил, что в Нальчике проживает несколько тысяч татов — народность иранской группы, которых некоторые называют горскими евреями. Но они никакого отношения к евреям не имеют. У них свой язык, близкий к иранскому, свои восточные обычаи и традиции. Исповедуют ислам. Просил не регистрировать татов

как евреев. Поскольку был вывешен приказ коменданта Нальчика: всем евреям явиться на сборный пункт, то М. Шабаев и его добровольные помощники обошли всех горских евреев и предупредили, чтобы те не выполняли этого приказа. Приезжали немецкие специалисты-иранисты, беседовали с М. Шабаевым и подготовленными им людьми, посетили дома горских евреев, в которых заблаговременно были убраны кровати, столы и стулья, смотрели национальные танцы, слушали национальную музыку. Для специалистов был накрыт стол из блюд национальной кухни. «Немецкие специалисты несколько раз приезжали в горско-еврейскую колонку, чтобы лучше разобраться в национальной принадлежности ее жителей. Сделать свой вывод фашистский ученый не успел. 4 января 1943 года советские войска выбили оккупантов из Нальчика.

Через некоторое время Маркела Шабаева арестовали, обвинив в коллаборационизме, но разобрались, и он был освобожден. Не последнюю роль в освобождении сыграло письмо горско-еврейской общины в защиту М. Шабаева. Говорят, что в синагогу во время молитвы зашла родственница Маркела мамой Томор и сказала: «Если вы струсите и не заступитесь за того, кто вас спас от беды, то я прокляну всех вас самым страшным еврейским заклятием». Она была известной повитухой, все знали, что она посещала Святую Землю, её сильно уважали и откликнулись на её призыв.

Мужество Маркела Шабаева, проявленное им в период фашистской оккупации Нальчика, спасло горских евреев от уничтожения. Оккупация длилась 65 дней, и все эти дни немцы грабили местное население. Конфисковывали, в основном, одеяла, подушки, ковры, теплую одежду. Я думаю, что все это они использовали для обустройства комендатур, блиндажей, домов, где квартировались немецкие и румынские офицеры и солдаты, ведь на улице были зима и морозы. Еще они отбирали драгоценности и продукты питания, обрекая хозяев на окончательную нищету и голод.

Из уже приводившегося письма горских евреев: «У 67-летнего старика Равино Ашировича Шамилова убили жену. Сам он инвалид. На его руках остались четверо внуков: Юрик – 4 лет, Шура – 9 лет, Сема – 13 лет и Яша – 16 лет.... Фашисты забрали все: одеяла, подушки, кровать, теплую одежду, белье, чашки,

ложки... Применяя насилия и угрозы, немцы до нитки ограбили семьи евреев: М.Т. Амировой, жены красноармейца, имеющей 6 детей, Н.Р. Давыдовой, Л.З. Ашурова (семья моего тестя), у которого 10 душ семьи, Т.Ш. Новаховой и многих других».

За эти 65 дней они успели расстрелять около сорока горских евреев, мирных граждан. Вот свидетельства из того же письма января 1943г.: «Так были убиты Борис Нисонович Давыдов и его отец. 60 – летнюю старушку Новит Мигировну Истахову связали порукам и ногам, как бревно, бросили в грузовую машину, отвезли за город и расстреляли. Семью Ифраимова, состоящую из 10 душ: 70-летней старушки Гугош, ее дочерей Нами – 30 лет и Руспо – 20 лет, невестки Зои – 23 лет и шести мальчиков, внучат от 2 до 12 лет, ночью вывезли за город и всех расстреляли». Илишо Ашурова (Матаева) вспоминает: «Мой дядя раньше был красным партизаном (во время Гражданской войны). Его осетин предал немцам... Пришли немцы и дядю снова забрали, увели и убили. Его не нашли, даже мертвого не отдали.» (Исход...)».

Окружение немецких войск под Сталинградом и успешное наступление Красной армии на Ростов, поставило немцев на Кавказе под угрозу окружения, и они начали спешное отступление, так и не сумев захватить Орджоникидзе и Грозный. В наш двор днем 3 января въехал грузовик с солдатами. Они начали разгружаться, чтобы стать на постой в нашем доме, но на наше счастье, прибежал вестовой и что-то сказал им. Они стали кричать: «Руссен Баксан! Руссен Баксан». Спешно собрались и уехали. Так спаслась наша семья.

Ночью 4 января 1943 г. Советские войска совместно с партизанами вошли в город. Гучи Матаева рассказывает: «Они вошли со стороны реки. Мы тут недалеко живем, и видели, как они шли пешком через реку, встречали и обнимали их».

Яков Шамилов вспоминает: «Они (немцы) ночью ушли, мы даже не знали, что ушли. Утром, когда встали, не увидели ни одного немца. Где-то в 6 часов утра я увидел наших солдат. Когда ушли немцы мы еще долго плохо жили, потому что кушать было нечего. Хлеб был по карточкам».

Комиссаром части, первой вошедшей в Нальчик был полковник Пинхасов Хаскиль Шахбаевич, тогда капитан. Он был,

как вспоминают видевшие его евреи, верхом на лошади и первое, что он спросил: «Евреи живы?». Так закончилась оккупация.

Пинхасов Хаскиль (1911-1988).

А впереди ещё было 2 года, 4 месяца и 4 дня Великой Отечественной войны, на которой оставили свои жизни 256 солдат еврейской Колонки.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ (50-е и 60-е годы)

Жизнь в Колонке, как и во всей стране, тяжело, мучительно медленно восстанавливалась. Те, кто выжил на войне, вернулись домой, женатые к семьям, молодые солдаты и офицеры быстро обзаводились семьями, вдовы из последних сил поднимали своих полусирот. Вот, что вспоминает Шамилов Яков, отец которого Эрзо погиб на фронте: «Когда ушли немцы, мы еще долго плохо жили, потому что кушать было нечего. Хлеб был по карточкам. На базаре все было, но мы не могли купить. Мы были все маленькие, никто не работал. Правда, потом я начал работать на базаре в магазине. Я знал по – кабардински. Все, что просили, то и делал. Помогал продавать. Мама тоже пошла работать на макаронную фабрику.» («Исход...»)

В этой же книги «Исход...» Женя Биазрова (отец Ашуров Хануко погиб в 1942 г.) на вопрос: «Как сложилась ваша жизнь после войны?», – отвечает: «Я пошла в школу в 4-й класс, хотя бабушка мне говорила не ходить. Есть было нечего, и нам тогда давали паек – небольшой кусочек хлеба. В школе давали. Мама варила и шкурки от картошки. Делала хлеб из отрубей. Потом пошла я в пятый класс, но учиться не смогла и стала печь пирожки и продавать на базаре, одновременно училась в вечерней школе. После окончания 7-го класса пошла работать в магазин. А мой брат учился при заводе, где бесплатно давали одежду, кормили, потом пошел в армию».

Простой, бесхитростный рассказ пожилой женщины, но сколько боли и страданий в этом коротеньком отрывке, подступают слезы к глазам и сжимается сердце от боли! А воспоминания Ливии Дигиловой, у которой в семье погибли и отец Леви (Аслан) в 1943, и дядя, брат отца Нотон в 1945, показывают настоящий подвиг двух вдов сосношек и их свекрови: «Дело в том, что перед войной, когда стало ясно, что войны не миновать, все семьи объединились и жили вместе – это наша семья и семья папиного брата Нотона во главе с бабушкой Дугай... Остались после войны бабушка Дугай, мама, тетя Эрув и нас пять человек. Дети Аслана – Галя, Лива, Миня, дети Нотона – Лида и Авил. Жена дяди Нотона тетя Эрув и моя мама жили как две родные сестры, занимались нашим воспитанием. Мама работала в больнице, а тетя Эрув в магазине... Мама умерла в 1951 г., бабушка

Дугай умерла в 1952 г. И нас осталось пять человек с тетей Эрув. Всю свою жизнь я благодарна ей за то, что она сохранила нас друг для друга, не раскидала по свету. Она выполнила мамину просьбу. После смерти мамы я хотела пойти в интернат, чтобы семье было легче, но тетя не подписала мои документы. 1 июня 1998 года она умерла. Ее могила стала символической могилой для папы, дяди Нотона и мамы. (Кладбище, где похоронена мама, уже застроено.) В сноске к воспоминаниям Л. Дигиловой написано: «Второе кладбище, в районе компактного проживания горских евреев, разрыли, памятники разбили. Планировалось построить многоэтажный дом, но дом не построили. В течении четырех лет продолжался этот вандализм, по требованию еврейского центра культуры «Товуши» котлован зарыли, посадили на этом месте деревья.»

Перед нами три примера выживания полусирот из двухсот пятидесяти шести! Вот перед нами фото 1948 г, почти все мальчики полусироты. Я расскажу о трех ребятах, которые поступили после 10-го класса в Саратовский Автодорожный институт, в котором уже проучился год их друг Михайлов Захар: это второй справа стоит Шаулов Бухур, первый слева сидит Ашуров Борис (мой будущий тесть), а рядом Ифраимов Илья.

Только у Ашурова Бориса был отец и он ежемесячно посылал им посылку с салом, сушеным мясом, спасая ребят от голода.

Интересно, что учитель биологии, молодая учительница, сидящая справа – моя мама. Все четыре парня, по окончании института, сделали блестящую карьеру

Михайлов Захар стал зам. начальника ГАИ КБАССР, Шаулов Бухур – секретарем Ленинского райкома КПСС по промышленности, Ашуров Борис – зам. Директора Политехнического техникума, Ифраимов Илья – всю жизнь проработал в конструкторском бюро Машиностроительного завода. Вот такие были дети войны.

Даже мы, дети конца сороковых и начала пятидесятых, дети солдат Победы, ощущали на себе послевоенные трудности, и это при живых отцах, чьими орденами и медалями мы беззаботно играли. Мы были детьми природы, ели все, что могли переварить наши желудки: цветы акации, «барашки», покрывавшие весной желтым ковром парк и лесные поляны, «калачики», пастушью сумку, щавель, осоку. А благодатная осень одаривала нас дикими грушами (гъэрбу), кизилом (зугьол), алычей (элуь, элуьче), дикими яблоками (сиб вишеи), боярышником (бэгъэлуь), тутовником (тут), земляникой (мури вишеи).

Мы проводили все свободное время в лесу или на речке с горбушкой натертой чесноком, а в карманах, помимо ножичка, луковица, пара картофелин спички для костра и соль. Обносили колхозные сады и поля, где росли фрукты и овощи, правда, иногда, кнут объезчика доставал наши спины и задницы, но игра стоила свеч. Он возникал неожиданно верхом на коне, с кнутом (э гъэмчиленовоз) в руке, с матом на языке, а мы удирали врассыпную, хвастаясь позже своей удалью друг перед другом и ловкостью, с которой мы уворачивались от кнута объезчика и копыт его лошади. Я думаю, сторожа эти не были злыми, а просто делали грозный вид, чтобы мы не наглели.

Красой и гордостью Колонки были ветераны войны, наши отцы, дяди и их друзья. На всех торжествах они сидели вместе, пили, закусывали, шутили, заказывали музыку и выходили в круг танцевать. Вот один из подслушанных мной разговоров на свадьбе: «Помнишь, как ты плакал в эшелоне, когда нас на фронт везли, говорил, что у тебя двое детей, и, что тебя обязательно убьют, а как жена их будет одна растить?» «Да, но не сунул же! До конца воевал и трижды ранили суки! И «За Отвагу» и «Красной звезды» получил! Знаете, как они мне помогают делать мех

и кормить семью!?)» Все дружно рассмеялись и выпили за Победу. Мы знали горькую правду о войне от своих родных, так после просмотра фильма «Два бойца», в котором отважные М. Бернес и Б. Андреев пачками косили немцев, а над ними гордо пролетали наши самолеты и рядом гроыхали танки, Сергей тихо и зло сказал: «А отец рассказывал, что в 41-ом им через одного дали по заостренному колу или саперную лопату и в бой. Говорили: «Винтовку добудешь в бою!». Его тогда первый раз ранили.» Было грустно на классном часе в 1965 г.

Наш одноклассник Паша пригласил своего отца рассказать о войне. Учительница посадила его перед нами на стул и попросила рассказать о войне и о себе. Он сидел в гимнастерке, галифе и сапогах, положив, как в фотоателье, ладони на колени, большие, сильные, в трещинах от работы и замер не очень, видимо, умея говорить. Мы все хорошо знали его и любили; он держал двух огромных и красивых лошадей т. к. занимался извозом, был глэрбечи. Я в этом месте отвлекусь от основного повествования, чтобы рассказать, как взаимосвязано было все в Колонке. Например, мой дядя Ефрем, который занимался выделкой меха, шел к заготовителю Шенилю, выбирал у него 40-50 овчин, чуть дороже сдаточной цены, нанимал глэрбечи, и тот перевозил ему товар домой, прикрыв его тряпьем от ненужных глаз.

При этом, основная его работа была во вторсырье: он ездил по городам и селам, обменивая шарики, свистульки и прочие игрушки на старые тряпки, кости, металлолом, а Колонка давала хорошую подработку, «шабашку». Если овчины были с большой шерстью, то Ефрем нанимал человека для стрижки, платя ему по 50 коп., а шерсть сдавал заготовителям или еврейкам, которые мыли ее, вычесывали и шили шерстяные одеяла и матрасы на продажу или в приданное своим девочкам. Выделанные овчины и кожу Ефрем продавал евреям перчаточникам, курточникам, сапожникам. Все, от извозчика до сапожника, имели друг от друга свой постоянный заработок.

В Колонке было несколько глэрбечи и все бывшие фронтовики. Но вернемся к нашему классному часу. Пашин папа встал и начал свой рассказ: «Пусть никогда не будет больше войны! Будь она проклята! Сколько наших людей не вернулись домой! Я воевал как все, но мне не повезло. Мы пошли в атаку, кругом

стреляли, все мы кричали «Ура», рядом со мной что-то взорвалось, и я очнулся раненый, а кругом немцы. Они меня не добились, подобрали, я попал в плен.» В классе наступила гнетущая тишина, учительница не знала, что сказать, но он так же просто продолжил: «Они легко проверяли, еврей ты или не еврей. Вы же понимаете, как? Евреев сразу расстреливали, но я хорошо знал кабардинский, и мой друг кабардинец сказал, что мы с одного села. Ведь мусульмане тоже делают обрезание. Но я убежал, потом был штрафбат. Кровью смыл! Дали медаль «За Боевые заслуги». Вот живой вернулся.» Я не уверен в точности рассказа, потому что таких случаев было много. Их постарались стереть из памяти народа, стали предварительно спрашивать ветеранов и корректировать их рассказы.

Вот из воспоминаний Елизаветы Назаровой (Исход...) «Сколько времени он был в плену? Ваш муж?», – «Он долго не был. Сразу после войны пришел. Год, наверно, был. А его зять был десять лет в плену.» У Елизаветы, явно, наслоилось одно на другое, плен и последующая отсидка в советском лагере.

А вот, из той же книги «Исход...», воспоминания Александра Разиева: «Отец пришел в 1947 году. Ведь он был в плену в Эльзасе... Когда Киев окружили, деваться было некуда, сопротивление было бесполезно и власовец их сдал.... Его раздели до гола и спрашивают: «Почему вы обрезанный?» Он говорит: «Я мусульманин». И он прошел за мусульманина. Он чисто говорил на кумыкском языке... Тем не менее отца преследовали. Приходили в дом, искали... он прятался. Когда Сталин умер в 1953 году, отец стал свободным... Отец сказал: «Слава Богу, мое порабощение кончилось.». Поэтому мы не питали иллюзий по поводу войны, а знали, какой ценой, она далась всем народам. Но жизнь продолжалась. В школе, помню, нам давали до 8-го класса каждый день булочку и стакан молока, а раз в неделю заставляли пить ложку рыбьего жира (одной и той же ложкой). Страна заботилась о детях, т. к. туберкулез и рахит были распространены в то тяжелое время.

В 60-х годах жизнь улучшилась. В Колонке появились первые большие дома из пиленного туфа, который добывали недалеко от Нальчика, на Каменском туфкарьере. Помню первые дома братьев Ифраимовых Иосифа и Изро на ул. Козлова, Дигилова Владима на ул. Рабочая, Ашурова Володи на ул. Садовая и

напротив дом Ашурова Язгилия. Построили дома и Ханукаев Буки, и Израйлов Бебешке, и Шалумов Сереж. Домов было много, но они были пока одноэтажными, зато с большими подвалами.

*Горские евреи, участники Великой Отечественной войны 1941–1945гг.
Стоят, слева направо: Рамаш Амуржуев, Буки Ханукаев, Алексей Израйлов, Ирмие Израйлов.
Сидят: Ихил Амирамов, Эвино Пинхасов, Мишке Шалумов, Симанду Михайлов, Инжил Юсупов. 1975г.*

Наиболее значительным событием 60-х годов была победоносная Шестидневная война Израиля против арабов. Я процитирую здесь целиком отрывок из моей статьи «10-я школа»: «Революция в наших умах произошла в 1967 году, после знаменитой «Шестидневной войны», мы как раз сдавали выпускные экзамены за 8-й класс. Я помню, на экзамене по математике ко мне повернулся наш лучший математик и главный «сионист» класса Шамилов Иммануил и, сверкая глазами от переполнявших его чувств, сказал: «Наши там бьют арабов, а мы должны здесь получить пятерки!» Мы слушали «Голос Израиля», отмечали на карте флажками, захваченные территории.

До сих пор для меня загадка откуда у Иммануила была подробная карта Ближнего Востока, ведь в СССР был абсолютный информативный вакуум по Израилю. Страну захлестнула антисюнистская и антисемитская пропаганда. Карикатуры на Моше Даяна, Голду Меир, израильских солдат – «сионистских захватчиков» с засученными, как у гитлеровских фашистов, рукавами, с

капающей с пальцев кровью невинных арабов, поруганные шестиконечные звёзды, переплетённые со свастикой, были во всех центральных печатных изданиях и особенно в «Крокодиле». Школа, как и вся Колонка осознала своё сиротство в этой огромной стране, ненавидевшей Израиль, евреев, а значит и нас. Все стены снаружи и изнутри были изрисованы шестиконечными звёздами и надписями ISRAEL и ИЗРАИЛЬ. Ребята выцарапывали это на партах и стенах школы. Учителя по трудам выбивались из сил состругивая их, а технички без конца замазывали и забеливали стены, но надписи появлялись снова и снова, их писали и выцарапывали, они были не только на стенах и партах, но и в наших душах, а оттуда никто и ничто не могло их вымарать.

Когда мы учились в 10-м классе, при обсуждении тем классных часов по настоянию одноклассницы Гилядовой (Симаховой) Маргариты была предложена тема: «Вклад евреев в мировое развитие» и класс её поддержал. Перепуганная кл. руководитель Шевцова К. Ф. пошла к Семёну Ароновичу, директору школы за разрешением, и он разрешил, поскольку вклад был и этот факт никем не оспаривался. Классный час запомнился нам всем, Маргарита называла имена великих ученых, политиков, революционеров, художников, писателей, музыкантов. Она весь урок с воодушевлением читала стихи еврейских поэтов, стихи на еврейские темы из русской классики и из современных советских поэтов. Сердца наши переполняла гордость за свой народ. Ей легко было это делать, поскольку, помимо любви к литературе, она была младшим, пятым ребёнком и выросла среди споров и дискуссий старших братьев и сестры и их сверстников – шестидесятников.

Тогда же началась первая большая волна алии в Израиль и появились первые «отказники». Среди отказников был главный врач республиканской больницы МВД КБАССР Шамилов Асуыл.

Его уволили с работы и не дали возможность работать по специальности ни в одном медицинском учреждении. В Колонке как могли поддерживали его, приглашая с частным визитом к больным, платя ему за визит от одного до десяти рублей. Но это не решало его финансовых проблем. Его жена Лида стала шить обувь и своим кустарничеством прокормила семью, дала детям получить образование. Не пустили в Израиль и моего дядю Амирова Соломона, но он уже был пенсионер и репрессировать его

не могли. Правда, он продал прекрасный дом на ул. Суворова, но смог купить похуже в районе Стрелки. Оттуда он и уехал в Израиль в начале 90-х годов. Интересна и противоречива судьба Валерия Кувента, которого называли «дважды евреем Советского Союза».

В 1973 г., я учился тогда в Смоленске, меня потащили ребята в комнату отдыха к телевизору, где выступал «инженер из Нальчика». Он говорил о лжи сионистской пропаганды, о трудностях жизни в Израиле, о приключениях, с которыми он вырвался из лап «Моссада». Держался он свободно, даже курил в студии. В Нальчике его поставили директором большого магазина стройматериалов, но через какое-то время он неожиданно уехал опять в Израиль, сагитировав большое число евреев. Сейчас он живет в Ашкелоне, занимается общественной деятельностью и самым главным его достижением стало то, что он через Высший суд Справедливости Израиля доказал, что евреи Колонки приравниваются к «узникам гетто», со всеми вытекающими последствиями. Благодаря его борьбе и победе все пережившие катастрофу нальчане получают хорошие пособия. За это ему честь, хвала и низкий поклон! Вот, пожалуй, и все о 50-х, 60-х годах.

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ

Мы в предыдущей главе говорили о войне и о том, как она отразилась на жителях Колонки и послевоенной жизни. А сейчас поговорим о праздниках, обычаях и традициях, старых и новых. Вначале о праздниках. Вот, что говорит нам краткая справка из интернета: Праздники можно разделить на следующие: 1. Шабат (Суббота) и Йом Кипур (в эти дни полностью запрещено работать). 2. Праздники Торы: Рош а Шана, Песах, Шавуот, Шмини Ацерет, Симхат Тора. (работать в эти праздники нельзя, но готовить еду можно). В один из первых трёх праздников еврей должен быть совершить паломничество в Иерусалим (восхождение или алия). 3. Установленные пророками и мудрецами праздники всего Израиля, соблюдение которых – заповедь: Пурим и Ханука. 4, Общераспространённые праздники, установленные пророками и мудрецами, не имеющими статуса заповеди: Ту би Шват (15 Швата) и Лаг ба Омер.

Мы не будем говорить подробно обо всех праздниках, а остановимся на особенностях, свойственных горским евреям. Сначала несколько слов о празднике Рош а Шана, еврейском Новом годе: его в Колонке отмечали все, и наша семья в том числе. Стол у нас дома всегда был обильным, особое внимание уделялось наличию на столе гранат, яблок, фиников и мёда, украшали стол и такие сухофрукты как инжир, курага, изюм. Мы всегда считали, чтобы на столе было не менее семи видов фруктов. (хьофд туьллуь), а яблоки макали в мёд, при этом говорили благословение: «Хубе сал, мезее сал гердо! Жьургурнехогь зирпой иму гердо!» (Пусть будет год хорошим, сладким! Антисемиты пусть будут повержены к нашим ногам!) На столе была отварная рыба, баранья либо куриная голова. Но значенья её для праздничного стола я в детстве не знал. Это сейчас разламывая голову сёмги я благословляю словами: «Чтобы мы были по жизни в голове, а не в хвосте!».

Ещё в памяти осталось благословение, которое произносила мама: «Шофар ник зере биёво эри иму!» (Пусть возвестят нам счастье звуки шофара). В первый день Рош а Шана трубили в шофар в нимазе. А через 10 дней наступал Судный день, Йом Кипур (Купур). Я не могу сказать, что это праздник. Ведь это день поста, молитв, покаяния, день, когда Господь решает нашу

судьбу на год и ставит печать в Книге Судеб. Но запомнился он тем, что мы покупали кур и петухов по количеству душ в семье – мужчинам петухи, женщинам куры. Несли всё это в нимаз рабби Саадиё резал их, а отдельного петушка крутил над моей головой и это было гьирбу (жертва), над головой сестры крутили курочку.

Перед праздником приходили племянники дяди Ефрема и дарили ему, кто индюка, кто петуха, кто просто давал ему деньги, дыни, арбузы, фрукты. Все любили его и одаривали каждый праздник. После поста наступала неделя поедания мяса, настоящая «обжираловка».

Песах – праздник опресноков, освобождения от египетского рабства, на языке жугьури «Нисону», очевидно от месяца Нисан, на который приходится этот праздник. Мацу (опресноки) мы называем «гьогьол», пекли её сами, но начиная с 1970-х годов, стали печь в нимазе, причём весь процесс выполняли рабочие не еврейской национальности под присмотром раби. Я считаю, что делалось это, чтобы исключить «кровавый навет». Но нас всё равно обвиняли: Я первоклассник угостил своего лучшего друга Сергея кусочком мацы, а он, с удовольствием уплетая его, наивно спросил: «А правда, что вы воруете детей и кладёте их кровь в мацу?» Я в шоке убежал и долго плакал, а бабушка успокаивала меня и говорила: «Мегирис, угьо гьочу гуфдиренуът, жугьуруре екиш не хосде.» «Не плачь, они так говорят, евреев никто не любит.» Чтобы «вкуснее» проходил праздник, наши женщины пекли гьогьол хоеи – мацу с добавлением яиц и сахара, они были вкусны и напоминали галеты. Самым вкусным было «бубьгуль» – смесь из тёртых яблок, молотых орехов и вина, (рецептов его множество, я привёл наш), а из мацы пекли бабку с яйцами и сухофруктами, под названием гьолэгьол.

Мама рассказывала, что её маленькую папа (рабби Юханон) посылал перед самым праздником выметать последний хамец из углов огромного дома гусиным крылышком, чисто символический жест.

Сейчас несколько слов о празднике Шавуот, о времени дарования Всевышним Торы еврейскому народу, о дне первинок, когда евреи несли в Храм первые плоды семи видов растений, которыми славится земля Израиля: пшеница, ячмень, виноград, инжир, гранат, маслины и финики, называя его так же праздником урожая. У горских евреев праздник называется «Глэсуьлте». На

праздничный стол подают молочные блюда и мёд, дом украшают пахучей зеленью. Я помню, бабушка посылала меня на берег реки Нальчик со словами: «Бура, глэил, э гъирогъ глов (ов), мерзире вечи, дуь шои мидуьм туьре». «Сходи, сынок, на берег реки, собери чабрец, я дам тебе 10 копеек.» И я со всех ног бежал на речку, предчувствуя заработок. Ароматы мёда, творога, пирогов (чудугьой галди) и чабреца были символами праздника «Глэсуьлте».

Ещё об одной традиции этого праздника пишет И.Ш. Анисимов в своей книге «Кавказские еврей-горцы»: «...дети надевают на изнанку верхние платья и папаху, надевают на голову мешок, глухим концом его, и выходят на улицу, где они, взявшись за руки и кружась то направо, то налево поют громко песню, призывая имя Земирая...бога дождя, грома и молнии» Мы же вместо Земирая пели: «Зенбирей, Зенбирей, Худоре ёзугъ биёво, эз Худоворуш биёво», и при этом обливали друг друга водой, прося Бога послать нам дождя.

О празднике Сукот (Суко), я помню только то, что огромный шалаш из веток с листьями строили в нимазе, старики там произносили брахот (благословения) на 4 вида растений, привезённых из Москвы, а дома зажигали свечи.

Пурим праздновали все и знали его все. Назывался он «Гьомуну», очевидно по имени главного врага персидских евреев Амана. Нам, выходцам из Персии, видимо, был этот праздник особенно близок. Заранее покупались орехи, очищались от скорлупы и обжаривались в мёде, в мёде же обжаривали тонко нарезанную лапшу, сдобные тестяные шарики, очищенные семечки (лепе). Всё это роскошество называлось «гъусхъэливо». Из муки, масла, и мёда делалась халва, которая называлась «глэдисе». Спасительницей евреев Персии была царица Эстер, вторым, еврейским именем которой было имя Адаса, вот откуда название блюда. Этот сладкий праздник славился взаимным обменом сладостями – одаривались все родные и соседи, мы пробовали сладости разных приготовлений, шёл постоянный обмен рецептами.

С Ханукой было хуже, в 60-х годах тётя Соня лепила из глины 8 примитивных подсвечников, которые устанавливала в коридоре на большой медный понос, чтобы не произошёл пожар, покупала огромную коробку больших свечей в нимазе, других – то не было. По каким правилам она их зажигала я не помню. Это

сейчас Ханука празднуется евреями во всём мире и ханукию зажигают президенты или премьер министры стран рассеяния, говоря, что это праздник света и свободы. Просто по времени он почти совпадает с христианским Рождеством и очень красив сам по себе.

Очень смутно помню Ту би Шват, (Новый год деревьев), мы просто кушали в конце зимы сухофрукты. Уже недавно я прочитал у И. Ш. Анисимова в его книге «Кавказские евреи – горцы»: «Идор относится к невидимым духам и считается властителем растительного царства. В честь его существует праздник, который бывает перед началом весны и называется Шев-Идор». В эту ночь, после благословения плодов дерева, едят сухофрукты. В это время Идор судит пришедшие к нему деревья и определяет будут ли они обильно плодоносить или высохнут. То есть уже тогда И. Ш. не знал, что это праздник Ту би Шват.

Не знал он и праздника Лаг ба Омер, но говорит, что праздник попадает на пятидесятницу (50 дней отсчёта омера) «Юноши и девушки в Маджлисе, Нуге и др. сёлах идут в лес искать Шагlм – агаджи (дерево – свечи или ёлку)», из которых они потом разжигают костёр и с песнями прыгают через огонь. Называется праздник по – кумыкски «Гогиль», из чего он делает вывод, что праздник перенят у татар (кумыков). Правда, в Кубе празднуют просто разжиганием костра и прыганьем через костёр. Ни о восстании Бар-Кохбы, ни о рабби Акиве и его 33-х тыс. учеников, ни о рабби Шимоне бар Йохае (Рашби), который умер в этот день, он не знает.

Теперь поговорим о некоторых обычаях, царивших в семье евреев-горцев. Это прежде всего – сдержанность чувств. Мужчина в присутствии старших не мог обнять и поцеловать жену, приласкать своих детей. Дети своих родителей называли по именам, а бабушек и дедушек называли папа и мама. Мои старшие двоюродные братья и сестры, заходя к нам во двор, целовали бабушку и спрашивали: «Чу хабери, мам. Маничке (имея в виду свою маму) эри туь чудугъо фурсорей.» («Как дела, мам. Маничка тебе пироги прислала.») Взрослые сыновья никогда не курили в присутствии родителей. Бабушки и дедушки всегда баловали своих внуков и внучек, одаривали их всякими сладостями, мелкими деньгами и безделушками, учили через рассказы о прошлой

жизни правилам поведения, передавали житейскую мудрость, водили с гордостью в синагогу.

В ходу были грубоватые шутки, когда лучший друг дедушки учил малыша, втайне от всех, «показать» дедушку за вознаграждение. Ничего не понимающий малыш, в присутствии гостей спускал штанишки по просьбе дедушкиного друга и, под общий хохот, показывал своего «дедушку». Дедушка хохотал вместе со всеми и ласково называл своего внука «кук сег», а его друг произносил пожелание типа: «Э лэг!эй келе бебейтуь варрош!». (Чтобы ты покакал в рот своему дедушке!). Подобные шутки всегда вызывали смех и веселье, доставляли удовольствие мужской компании и были, как теперь говорят в «законе».

Амировы Симха и Бежуьв (Сиби)
с детьми Гэме (Полина) и Дари(Дора).

Невестка, пришедшая в дом, не имела права называть новых родственников по именам и давала им клички типа: Молтобар, Молбиер (добытчик), Сигьлуьгуьз (девушка достойная удачи), Сиби (белая) Алтун, Алтунгуьз (золотая девушка), Ах-

чегъуз (девушка достойная денег), Шекер (сахар), Назбике (капризная красавица), Бикейбай (красавица), Гуълистон, Гуълистуъ (сказочная страна цветов), Хэзине (сокровище), Жижичи (цветок), Хатон (жених). Были даже такие имена как Золотой, Бурлиант, Шербет, Шори. Давали имена животных и растений: Дари (гречка), Хундуз (куница), Каштан, Говкуъи (олень), Аслан (лев). Часто детям давали имена родителей, а иногда одиноких родственников, оставшихся без наследников. Детей поэтому иногда просто называли Дедей, Дедем, Бабушке, Бебе, Гэме, Хэгъэр, Папа, Папик, Папуль. Эти клички приживались и становились обиходными именами, под которыми мы их и знали.

Наш разговор о традициях мы продолжим рассказом о еврейских радостях, пусть их будет больше в наших домах! С самого рождения горского ребенка благословляют словами: «Думор гердош!», «Гэрус гердош!» (Да будешь ты женихом! Да будешь ты невестой!). А если ребенку покупают обновку, то после слов: «Шор дурош!» (Носи на здоровье!), следовало: «Думорво-ригъо вокунош» (мальчику) и «Гэрусво-ригъо вокунош» (девочке), что переводится как: «Чтобы ты надел(а) свадебный наряд!».

Многочисленными разговорами о женитьбе и замужестве, детей подготавливали к необходимости брака, продолжению рода. С ранних лет девочке готовили приданое (жигъиз[Агаруновы] или жииз[Изгияева]), а для будущей невесты сына собирали драгоценности. Как правило, пуховые одеяла, подушки, перины готовили бабушки. Они годами собирали гусиный, утиный пух, обрезали с куриных перьев мягкие края и выбрасывали острые остовы. Результатом многолетнего, кропотливого труда была большая гора пуховых подушек, одеял и перина (болушгъо, луъхуъфгъо, нимдер [хъэлов или гъэлов] гъуви). Мать покупала для дочери покрывала (сергъэлови), простыни (зиргъэловигъо), пододеяльники (руйлуъхуъфгъо), наволочки (руйболушгъо), скатерти (серустулгъо или перзинегъо или серсуъфрегъо), полотенца всех видов (деспокугъо, руйпокугъо, тенпокугъо, гъобпокугъо, пейлепокугъо), отрезы разнообразных дорогих тканей.

В приданное входили также обиходная посуда, дорогие сервизы, мебель, весь набор одежды (от пальто до нижнего белья), обувь, ювелирные украшения. Богатой невесте в 70-х – 80-х годах прошлого века давали в приданое телевизор, холодильник,

стиральную машину, пианино, ковры, паласы, и даже цех и машину для будущего зятя. Семья жениха приносила невесте ювелирные украшения, дорогую заграничную одежду и импортную обувь; одаривала также всех членов семьи будущей снохи. Жених шил или покупал своей невесте свадебный наряд и платил обязательный выкуп, так называемый калым (у нас это называлось хурлери) и измерялся он в то время суммой от 500 до 6000 рублей, в зависимости от обеспеченности жениха и амбиций невесты.

Вот, что об этом обычае писал И. Ш. Анисимов в 1888 году: «Калым редко доходит до суммы менее 150 рублей серебром, а если к этому прибавить, что свадьба... справляется за счет жениха и, что подвенечные одежды должны быть сделаны им же, то... горец, чтобы жениться, должен иметь минимум 300-400 рубле серебром – сумму, по их средствам совсем немалую, почему у евреев-горцев старые холостяки далеко нередкое явление». Поэтому, как и раньше, так и в советское время, чаще всего богатые женились на богатых, а бедные – на бедных. Не секрет, что юноши и девушки из малообеспеченных семей вступали в брак с неевреями. Так, например, Женя Биазрова вспоминает: «У меня свадьбы не было. мама была бедная, а у евреев есть закон – без приданого не берут замуж, и меня замуж никто не брал. Когда я окончила бухгалтерские курсы, поехала в Грузию, в г. Гали. Там я вышла замуж за осетина» (взято из книги «Исход...», составитель С.А. Данилова). Мы часто будем пользоваться этим уникальным документом, за что Светлане Ароновне низкий поклон. Моя мама вышла замуж за русского, ее двоюродный брат Амиров Алик женился на русской и примеров тому множество. Правда, смешанные браки случались и по любви. Женщины, как правило, становились частью общины, соблюдали обычаи и традиции горских евреев, говорили свободно на жугъури, почитали старших.

А сейчас поговорим о таких явлениях, как полигамия т. е. многоженство, браки между близкими родственниками и ранние браки. Если вспомним «Посемейный список горских евреев г. Нальчика», то найдем там такую запись:

«Ихиил Куденетов – 45 лет, жены его: Супора – 35 лет, Нуримчек – 30 лет; дети их: Куденет – 5 лет, Нахамия – 1 год.

Скорее всего, у первой жены не было детей и, с разрешения общины, он взял вторую жену. На моей памяти у Шамилова Иль

доя было две жены. У Амировой Темо не было детей и Ильдой, с ее согласия, женился на Ханукаевой Хумар и от этого брака родился сын Борис.

Амирамов Сергей из с. Богдановка вспоминает: «Моя бабушка была очень больная. Считали, что не выздоровеет. И дети могли остаться без матери. Когда мой дед обратился в синагогу, синагога дала разрешение взять вторую жену. Для того, чтобы дети не пропали. Вторая жена такая попалась, что свою соперницу выходила. Пока она выхаживала эту больную, сама стала беременная, и дед так стал жить» («Исход»). Простой, бесхитростный рассказ, но как трогательно.

А вот другая причина – Симахова Лена из г. Нальчика рассказывает: «Потом дедушка женился на другой женщине, из-за того, что у них не было мальчика, были все девочки. Родился мальчик у нее. Жили они не плохо. Шума не было, скандалов не было» («Исход...»).

В сборнике архивных материалов, составители С. Данилова, Е. Тютюнина читаем: «Семейство Алхазы Бечелиева Юсупова, как видно из имеющегося в переписке его посемейного списка, состоит из него самого 42 лет, жён его: Гузель 35 лет, Кителъ 25 л. и его дочери Бечива 3 л». Понятно, что причиной было долгое отсутствие детей у первой жены.

Теперь перейдем к бракам между близкими родственниками. На вопрос: «Кто была ваша мать?» Елизавета Назарова из г. Грозного отвечает: «Мария Садыковна, двоюродная сестра отца моего. Родственница. У нас закон такой – двоюродную сестру имеют право брать» («Исход»). Мой двоюродный брат Алик Ифраимов взял в жены свою двоюродную сестру Наами. Ашуров Семен и его жена Неля – дети двух родных сестер.

Алхасов Тельмют и его жена Дина тоже дети родных сестёр. Закон этот восходит к временам Торы, вспомним наших Праотцов и Праматерей – все они были близкими родственниками. Из семейных преданий мне достоверно известна такая история: У моего прадедушки Боазы и его жены Селихи было два сына и шесть дочерей. Старший сын Мордехай возвращался с торговли из верхних сел и был унесен вместе с лошадью и телегой разбушевавшейся рекой Баксан. После его смерти остались сыновья-близнецы Боаз (Жижи) и Бакай и две дочери Тирсо и Сиби. Старшая сестра моего деда Юханона Рути (в замужестве

Дигилова) обратилась в синагогу и миньян «разрешил» молодому рабби жениться на своей родной племяннице Тирсо, чтобы вместе со своими будущими детьми растить своих малолетних племянников.

Для религиозного еврея в галуте решения старейшин общины являются галахическими, т. е. обязательными к исполнению. Мой дед не хотел этого брака, но вынужден был подчиниться. Мы только что затронули наш следующий вопрос: ранние браки (Тирсо было 14 лет). На вопрос: «в каком возрасте девочки, обычно, выходили замуж?», уже упоминавшаяся Ж. Биазрова отвечает: «И в 13 лет выходили, моя мама вышла в 14 лет. Мой сын, например, отдал свою дочь, когда ей было 14 лет» («Исход»). «Ничего страшного», – говорят сторонники ранних браков, – «вырастет вместе со своими детьми!». «Э рэхь мирав, э глэйлгью-юревоз гьееки келе мибу!» Из той же книги «Исход» приведу в пример рассказ Ашуровой Бесириит: «Пришла домой, а у нас младшего дяди жена сидит... Она и говорит: «Иди сюда, миленькая! Мы тебя замуж отдаем». Отдали. Я тогда не понимала в 14 лет, кто такой муж. Я плакала. «Я боюсь», – говорила. А мне говорили: «Не бойся. Он красивый». Кольцо одели, 3-4 месяца за-сватанная ходила. Золовка пригласила в кино, там и познакоми-лась с будущим мужем. (Амиров Эрзол погиб в 1943 г.).

Амировы Эрзол и Бася (Бесириит Ашурова во 2-ом браке).

Ранние браки, по мнению старших, спасают девушек от многих «соблазнов цивилизации». Мы видим, что в 19 в. и в начале 20 в., вплоть до войны, когда еще были сильны национальные обычаи, молодые часто даже не знали друг друга до свадьбы. Их судьбу за них решали родители или старшие братья.

Согласие молодых носило формальный характер, потому что нельзя было даже подумать об отказе, и стать, таким образом, изгоем, посмешищем общины. В послевоенное время, когда упростились отношения, у молодежи появилось больше возможностей для общения и знакомства друг с другом в рамках приличия. Большую роль в этом сыграло и совместное обучение в 10 школе. Каждый школьный вечер был для нас событием, которого мы ждали с нетерпением. Когда юноша понимал, что его не отвергнут, он посылал сватов. Процесс сватовства назывался э илчи или иличи дарафде. Старшие, но ни в коем случае не родители, приходили с парнем, взяв с собой платок и кольцо в дом к родителям девушки. Если девушка и ее родители соглашались, то ей на голову надевали платок, а на палец кольцо. Этот обряд назывался: лечек вокурде и энгуьшдери деноре. Теперь девушка считалась засватанной и не могла с непокрытой головой и открытым лицом показываться перед близкими родственниками жениха и говорить в их присутствии.

Такая невеста называлась шерм гирде глэрус. Чтобы смотреть в лицо невесте и общаться с нею, надо было совершить обряд открывания лица т. е. шерм глэрусе вокурде. В наше время (60-70 годы) обычай этот упростился, лицо никто не закрывал, но основы обряда сохранились. Чтобы «открыть» лицо невесты и упростить общение с ней, ее приглашали к себе домой родители жениха и близкие родственники – это называлось глэрусэ э хуне декирде. Приглашение сопровождалось вечеринкой, и невеста оставалась в доме у пригласивших вместе со своей подружкой (синет или по дербентски – сэгьдуьш). Невесте делались подарки.

Хочу сказать, что и здесь в Израиле моя жена приглашает невест наших племянников к нам в дом и делает им подарки. Тоже самое мы делали для нашего зятя, а наши сваты (глэбилегьо) для нашей дочери, своей невестки. Большинство моих друзей и знакомых поступают также. После обряда э хуне декирде невеста могла свободно заходить в дома, где она была гостьей и разговаривать с их обитателями. Затем следовал тоней и гьидишменди.

Раньше, согласно И.Ш. Анисимову, слово тоней означало условие обручения, составляемое равнином в присутствии старших обоих родов... Впоследствии произошло то, что в лингвистике называется «скольжением смысла» (*glissement du sens*), и слово тоней стало означать и большую предсвадебную вечеринку в доме у невесты. На тоней шли из дома жениха сам виновник с друзьями и его родственники, количество которых заранее оговаривалось. Женщины несли подносы с фруктами, сладостями, бутылками лучших сортов водки, вина, коньяка, флаконами дорогих духов, отрезами из дорогих тканей. Это называлось тебэзгьгоре берде. На этой вечеринке жених и гости с его стороны давали деньги и это называлось сигь лечеке доре. Во время тоней составлялся равнином договор об обручении, в котором указывалась сумма выкупа (калым) за невесту, сроки его выплаты, дата предстоящей свадьбы, обычно в пределах одного года. Иногда молодым, по разным причинам, приходилось ждать и дольше. Если за этот срок помолвка расстраивалась по инициативе невесты, то ее семья обязана была вернуть драгоценности. а носильные вещи, которые она успевала надеть, оставались ей.

Но если инициатором был жених, то все оставалось невесте. При дележе во время размолвки часто возникали скандалы, и долго еще обсуждалось среди родственников жениха, сколько вещей успела сносить невеста. Но, обычно, все доходило до своего логического конца, и начиналась предсвадебная суматоха. Составлялись списки приглашенных, меню свадебного стола, списки и количество необходимых продуктов. Двор расчищался для столов, музыкантов и танцевальной площадки. В составлении списков принимали участие все родственники, каждый добавлял к списку своих друзей, родственников свое второй половины, чтобы не было обид (э хотур екиш не расире).

Процесс приглашения на свадьбу назывался э хундегу да-рафде, и для этого выбирались самые уважаемые люди в роду. За два дня до свадьбы они обходили дворы по списку и приглашали людей на свадьбу. У жениха и невесты были свои хлопоты: помимо выбора музыкантов, свадебных нарядов, необходимо было выбрать себе помощников. Быть подружкой невесты, т. е. вторым лицом по популярности на свадьбе считалось большой честью. Очень часто возникали обиды из-за не оправдавшихся надежд, ведь быть на виду, рядом с невестой, в кругу танцующих, умело

помогать ей во всем – означало, что тебя заметят, познакомятся, расспросят о тебе, о твоей родословной. А там недалеко до сватовства и до свадьбы. Какая же горская девушка не мечтает выйти замуж?! То же самое и с другом жениха, которого нальчане называют бирор думор.

Раньше свадьбу справляли неделю у невесты и неделю у жениха, об этом говорит И.Ш. Анисимов в своей книге «Каказские еврей-горцы». На моей памяти, праздновали по два дня соответственно у невесты и у жениха, а затем стали гулять по одному дню.

Три недели в году, в период между постами 17 Тамуза и 9 Ава мы соблюдаем траур по разрушенному Храму и по изгнанию (в 2016г. это период с 23.07 по 14.08), на жугьури Суруни. В эти 3 недели запрещено веселиться, слушать музыку, купаться в открытых водоемах, играть свадьбы. Но с 1 Ава по 9 Ава наступает Сэхде Суруни, пост усиливается: не едят мяса, не стригут волосы и ногти.

После сухого поста 9 Ава, август, сентябрь и октябрь в Колонке начинался период свадеб. Иногда, по четвергам, было до пяти свадеб в день. Хождение по свадьбам было разорительным для бедных, обременительным для обеспеченных и слегка накладным для богатых. Но, если ты знал, что этих людей ты пригласишь к себе на торжество, то ты брал деньги в долг, но на свадьбу шел. Как в большую копилку вкладывались деньги в чужие свадьбы. Потом ты мог взять деньги займы на свадьбу своих детей, зная наверняка, что тебе их вернут гости. Это называлось гьэрди-берди. Но вернемся к предсвадебной суматохе. Хозяева заранее привозили телочку или бычка, от 2 до пяти овец (в зависимости от достатка и размеров свадьбы), огромное количество кур. Все это отправлялось на задний двор э песей порогь, соответственно, корову в коровник э говду, овец в овчарню э геле, кур в курятник э кергхоне. За 3 дня до свадьбы приглашался равин, который резал скот и птицу. Мужчины тут же принимались за разделку животных, туши которых подвешивались за задние ноги.

Я помню дети Ашурова Шенииля: Боря (мой тесть), Миша, Вася и Есик устраивали соревнование, кто быстрее разделает барана. Побеждал всегда Вася! Снятые шкуры тщательно просаливались и складывались отдельно. Их потом покупали кустари или

заготовители. Сразу же зажаривались бараньи гусачки(ливер) се-репочи, все садились за стол и выпивали за предстоящую сва-дьбу. Мужчины, закусив, играли в карты: буру, секу, тринк, бб. Играли, в основном по мелочи, но иногда и по – крупному, банк возрастал, и обстановка накалялась, возникали споры и даже драки. В каждом роду были женщины, умевшие кашеровать т. е. дахие сохде, пенжерэгъ ведекуърде, пигье бура. У нас этим всегда занималась тетя Таня Гилядова, благословенна ее память. Теля-тину разделявали на куски для фарша, эри гъиме, для жаркого эри ягъни или эри жарковой.

Желудок (требуха) шуйгъэмбе вычищали и, иногда, как де-ликатес, подавали к свадебному столу с чесноком. Из ножек де-лали холодец. Во дворе было большое количество людей, и каж-дый занимался своим делом, под руководством самого инициа-тивного и многоопытного старшего, который мог и публично «навтыкать» за лень и нерадивость: юноши и молодые мужчины расставляли столы и скамейки, натягивали палатки, проводили электроосвещение и иллюминацию, перекручивали мясо и лук для фарша, девушки украшали двор, сервировали столы, пекли сладости (чаще всего делали бисквиты ликэхгьо и рулеты). Жен-щины ошипывали и потрошили кур. Куриные тушки смолились, промывались в проточной воде, просаливались, а потом варились в огромных кастрюлях э гъэжгъуьо.

Куриные потроха «сердугъугъо», не снесенные яйца и жир «лет керги» собирались отдельно. Жир потом вытапливался и разливался в стеклянные банки; его использовали для пригото-вления различных блюд, конечно же, после свадьбы. Вы жарки по-том смешивались с картофельным пюре, и получалась прекрас-ная начинка для пирожков не для праздничного стола. Следует заметить, что каждой женщине хозяйка двора давала красивый фартук «раче пушогир», а после свадьбы одаривала помощниц простенькими подарками: каждой обязательно мыло и одеколон, а к ним, кому чулки, кому шелковый платочек, а кому и отрез добротной ткани на платье. Это называлось подарком со свадьбы «бэхш эн глэруси». Я очень любил в детстве предсвадебные дворы своих родственников. Дети бегали под ногами, играли, визжали от удовольствия, получая вместе со сладостями шлепки и затрещины. Шум гвалт, смех и шутки сопровождали все эти ра-боты. Помню живописно сидящих женщин, в длинных пестрых

платях, головы покрыты красивыми, немислимых расцветок шелковыми платками, в новых передниках, о происхождении последних читатель уже знает. Каждая выполняет свою работу, ни на минуту, не закрывая рта: хвалят своих дочек, сыновей, племянниц, племянников.

«Да будет и в наших домах, даст Бог, счастье и радости!» «Э хунегьоймуш, ё Худо, никигьо, шоригьо гердо!» Обсуждают всех, сплетничают об отсутствующих «пескунигьо сохденут, просто зубоскалят. Одна несет несусветную чушь, с совершенно серьезным лицом, стараясь убедить окружающих в правдивости своего повествования. Все улыбаются и молча слушают. Вдруг. На весь двор раздается громкий и четкий голос (да простит меня читатель): «Э жун кунтуь, эн у сипре (сибире), пембере хуно гьисдигьо кунтуь!» – «Клянусь твоей задницей, которая бело-снежна и нежна, как вата!». Всеобщий необидный смех и работа закипает с новой силой. На обед и на ужин подавались обильные еда и питье. В ход шли насыщенный куриный бульон, поджаренные на огромных сковородах куриные потрошки «сердугьуьго», телячьи и овечьи внутренности. Все это съедалось и выпивалось усталыми людьми с огромным аппетитом и под красивые тосты. Бабушки кормили своих внуков петушиными яичками, для мужской силы, а внучек – куриными трубами, для плодovitости.

Раньше, в 50-е – 60-е годы свадьбы праздновались два дня у невесты и два дня у жениха. В первый день, обычно во вторник, собирались «старики» без жениха во дворе у невесты. В среду в этом же дворе был молодежный вечер, на котором присутствовал жених со своими друзьями и молодыми родственниками. В это время у него празднуют, условно говоря «старики». Обычно люди до 50 лет не очень хотели попадать в эту категорию и приходили все-таки на более престижный молодежный вечер, где царил веселье и были жених с невестой. Поэтому в первый день столы были полупустыми, а во второй – переполненными. На третий день, в четверг, был главный вечер у жениха. Поняв неудобство и бессмысленность двухдневной свадьбы, Колонка перешла на однодневный, совмещая «стариков» с молодыми.

Сроки переместились на среду и четверг, так было удобнее и гостям, и хозяевам. Итак, в четверг шли за невестой, если она находилась в пределах «досягаемости», то шли пешком, а если не

в колонке, то на автобусе и автомобилях, но транспорт оставляли за квартал до цели, чтобы с «гай-гуем» прийти к дому невесты.

Процессия состояла из национального трио (гармониста – «мизикантчи» нальч. «комончи» дерб., зурниста – «зурначи», барабанщика – «тепчи» нальч. «тэфдчи» или «гьоволчи» дерб.), жениха с друзьями, мужчин, женщин с подарками на подносах «э табэгьгоревоз» и множества детей со свечами в руках «э чурогьгоревоз». Так как это происходило вечером, то вся процессия светилась мерцающими огоньками. Те, у кого руки были свободны, хлопали в ладоши «хэрс зеребу» нальч., «чек зеребу» дерб. и пританцовывали «э вежесе-вежесе рафденбу». Вся процессия вдруг останавливалась, и наиболее задорные начинали плясать зажигательные кавказские танцы. Подбадривая танцующих, мужчины кричали: «Асса! Хуйлуь бош, Шалико! Дендирек бош!» Свистели и орали для кайфа!

Остановки бывали и вынужденными, когда соседи вдруг перегораживали улицу, требуя «таможенный сбор» за проход по их кварталу. После небольшого торга из сумки вынимались: бутылка водки для мужчин, вино для женщин и курица, в качестве закуски. Теперь шествие продолжалось, но основное препятствие было впереди: ворота невесты были наглухо закрыты, а сверху гостей ждала шумная детвора и подростки. Они не хотели отпустить свою любимую сестру, а за ожидаемую «потерю» требовали выкуп. Через ворота уплывали напитки, куры, деньги, но всего этого было мало, наглея от ощущения власти, требовали еще и еще. Тогда, порядком разозленные друзья жениха, налегали на ворота, которые начинали трещать.

Раздавались крики: «Не пускаете? Ну и не надо! Мы уходим!» Все это нарочито громко, с театральным гневом, надрывом, с диким свистом и гогогом! Но тут раздавался из-за за ворот трезвый голос старшего: «Весси! Думор имуре глэсси (глэзиет) месохит! Вокунит дугьгозе нальч. (гьопуре дерб.)! Дореним иму духдер имуре!» – «Хватит! Не мучайте нашего зятя! Открывайте ворота! Мы отдаем нашу дочь!». Ворота распахивались, и вся толпа вваливалась во двор; и вновь – музыка, танцы, смех и шутки. Обычно с женихом несли свадебный полог на четырех жердочках «хьюьпо». Приходил раввин и совершал обряд бракосочетания «мегьр сохдебу». Разворачивался полог, выставлялся

строго по сторонам света. Под ним вместе с раввином становились жених с невестой, родители, близкие родственники. Доставался заранее составленный стандартный договор на иврите «кетибо», в который вписывались имена жениха и невесты, имя кашерного свидетеля, дата бракосочетания и сумма, которую жених обязуется заплатить невесте в случае развода. Раввин произносил благословение «борохо» над вином, давал отпить из бокала жениху, невесте и родителям. После этого жених наконец произносил заветные слова о том, что этим кольцом по закону Моисея девушка предназначается ему в жены. Молодые обменивались кольцами. Раввин читал семь благословений.

Вся церемония заканчивалась знаменитыми словами из Псалма царя Давида о Иерусалиме: «Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет рука моя! Пусть прилипнет к небу мой язык, если не буду помнить о тебе, если не поставлю Иерусалим во главу веселья моего!». И в самый счастливый для себя миг еврейский жених вспоминает о разрушенном Храме и в память об этом на вершине своего веселья разбивает ногой в память о Храме стеклянный стакан, предусмотрительно завернутый во что-либо. Я с такой силой ударил по стакану, боясь не разбить его, что потом неделю не мог без боли наступать на пятку. Ведь со всех сторон твердили, что не разбить стакан – плохая примета.

Здесь мне хочется сказать о еще об одном поверье, подробно описанном И.Ш. Анисимовым в книге «Кавказские еврей-горцы», и кратко упомянутом М.Б. Дадашевым. в своем «Русско-татском словаре», при объяснении слова узел «энгуль». Я же впервые столкнулся с этим на свадьбе одноклассницы, услышав вдруг крики бабушки жениха: «Ки бисдогеш энгульгьоре бесдит! – Кто-нибудь, завяжите узлы!». Увидев отца жениха, судорожно завязывавшего узелки на носовом платке, я, после расспросов, выяснил суть: Оказывается, горские евреи считают, что если недоброжелатель жениха или невесты завяжет узелки в момент произнесения женихом заветных слов и надевания обручального кольца, то между молодыми не будет супружеских отношений, ровно столько же лет, сколько узелков завязал недруг. Но при этом, жизнь последнего сократится на в два раза большее количество лет. В этом причина малого количества враждебных узелков. Свой человек может завязать больше узлов без риска для жизни, а силу будут иметь лишь те узлы, которых

больше. Их развязывали сразу же после хупы, спасая, таким образом, супружеские отношения.

После разбивания стакана женихом, начинается всеобщее веселье, звучат пожелания «ловгоь», благословения «борохогь». Каждый считает своим долгом облобызать жениха и невесту, прикоснуться к их счастью. Кто-то из мужчин, родственников невесты, выносит ее на руках из родительского двора. И вся свадебная процессия движется теперь в дом жениха, где всю пируют гости за столами, ломящимися от всевозможных яств. С радостными возгласами, под громкую свадебную музыку молодые подходят к дому, и жених вносит на руках свое сокровище к плачущим от счастья родителям.

Руку невесты окунают в мед, дают облизнуть жениху, его родителям и близким родственникам, кто желает, и она мажет мёдом дверной косяк. Отовсюду звучат благословения и пожелания: «Э нике сэглэт! Э хубе сэглэт! Э шоре сэглэт!» – В счастливый (хороший, радостный) час! «Шор зиёшит гьееки!» Чтобы вы жили счастливо вместе! «Сал дуьруьсд не варасде, кук гердо ишмуре!» Чтобы менее чем через год у вас сын родился! (досл. был). «Ширине глэрус гердош!». «Мезее глэрус гердош!». Чтобы ты была сладкой невесткой! Э пой-порунтуьревоз товуши, шори, ники, мозол дараё э хунейму!». Чтобы твоими ногами в наш дом вошли свет, радость, счастье, удача! «Укумиш мегердошит эз дуьеки!» Чтобы вы не разочаровались друг в друге! «Бой гердошит!». Чтобы вы были богатыми! «Худо борохо сохо ишмуре! Да благословит вас Бог!» «Тум ишму лов гердо!». Чтобы вы расплодились! И еще много других благословений, не менее красивых.

В это время на молодых бросают конфеты, рис и серебряную мелочь, на радость спующим под ногами детям! В конце концов, молодожены садятся за праздничный стол вместе со своей свитой. В былые времена мужчины и женщины сидели раздельно, но с 60-х годов – уже вместе. Раньше на столах стояли только кошерные продукты: водка, которая считается кошерным продуктом, а вино «шороб» и колбасы «руригь», и тонизирующие напитки «мезее овгьо (гловгьо-дерб.)» и хлеб «нун хунеи», и торты и сладости «ликагьо не мезеигьо – все было домашнего производства. Но потом к вопросам кашрута стали относиться проще – и на столах появились осетрина «писире могьи», черная

икра «сиегь куърруу (куру), коньяки, вина, прохладительные напитки, шоколадные конфеты и даже деликатесные колбасы.

Началось негласное соревнование: свадебные столы превратились в поле битвы, конкурс амбиций, слаб человек! Каждый искал свою изюминку, что-то необычное, диковинное, чтобы затмить предыдущую свадьбу, чтобы стать предметом удивления, восхищения, разговоров, хотя бы до следующего торжества. Никто не мог сказать о еврейском свадебном столе: «Было все, кроме птичьего молока, т. к. входящие тогда в моду конфеты «птичье молоко», были на каждом столе. «Фанту», «Колу», «Пепси» везли из Москвы, Новороссийска, «Гархун» – из Орджоникидзе, черную икру и осетрину из Дагестана; за «Кинзмараули», «Хванчкарой», «Ахашени» и др. винами ездили в Грузию, за коньяком – в Армению. Или все это покупали на обкомовских спецскладах и крупных торговых базах, торговали всем этим и проводники московского поезда.

Новой была традиция торжественной регистрации во Дворце Бракосочетания. Туда приезжала кавалькада автомобилей с женихом, невестой и родственниками в сопровождении музыкантов. Автомобили украшались бантами, шарами, а на машину жениха и невесты закрепляли куклу в венчальном платье. В руках родственников было шампанское, которое выпивалось сразу же после вручения Свидетельства о браке.

Вся весело шумящая толпа вываливалась на площадку перед Дворцом, и под национальную музыку начинала плясать. Затем ехали к Вечному огню и, отдавая дань памяти погибшим воинам, жених и невеста торжественно возлагали цветы к памятнику. Завершали всё поездкой на малую Кизилровку, где находится знаменитый ресторан «Сосруко». Оттуда, со смотровой площадки, открывается прекрасный вид на Нальчик и его окрестности.

И опять рекой шампанское, зажигательные танцы, радость и веселье. Все это снимается на видео и фотоаппаратуру. Усталые участники возвращались домой, чтобы вечером продолжить свадьбу по еврейской традиции, о чем мы говорили выше.

Особый разговор о музыкантах! Многие писавшие о горских евреях г. Нальчика, упоминали о великих, по масштабам нашего народа, музыкантах. В Музее изобразительных искусств КБР хранится маленькая бронзовая скульптура, изображающая

национальное трио музыкантов. Я, к своему стыду, не помню имени автора, но он очень искусно, не называя имен, увековечил память наших знаменитых музыкантов: зурниста Ашурова Танахума (Каштана), гармониста Алхасова Хацерона и доулиста (барабанщика) Исакова Арона. Скажем и мы несколько слов о знаменитых музыкантах и их заслугах.

Ашуров Танахум Рувимович (1890-1964) – Народный артист КБАССР с 1953г., РСФСР с 1957г., зурнист, собиратель и исполнитель музыки народов Северного Кавказа. Рассказывают, что до войны приехал в Нальчик известный музыковед, собиратель народной музыки. К нему в гостиницу «Нальчик» пригласили Каштана с зурной; специалист попросил его исполнить мелодии, которые он знает. Каштан заказал в ресторане курицу и бутылку водки и, говорят, всю ночь исполнял мелодии, ни разу не повторившись, чем привел в неописуемый восторг московского гостя, записывавшего мелодии специальными знаками скорописи.

Свои зурны он создавал сам. В 1927 году он инициировал создание при Радиокomiteе КБАССР национального трио, сыгравшего большую роль в пропаганде кабардинской, балкарской и

горско-еврейской национальной музыки. Был одним из организаторов Государственного танцевального ансамбля «Кабардинка», в состав которого вошло и национальное трио. В 1946 г. на конкурсе зурнистов Кавказа в г. Баку занял первое место. Его именем названа одна из улиц г. Нальчика.

Гармонист Алхасов Хацерон Ханонович (1895-1968) – заслуженный деятель искусств КБАССР был самодеятельным композитором, издавшим сборник своих произведений «Татские песни». В 1936 г. в составе первого национального ансамбля песни и пляски гармонист Хацирон Алхасов, зурнист Танахум Ащуров и доулист Арон Исаков приехали в Москву, где заняли второе место. Сталин и Ворошилов сидели в правительственной

ложе и, после выступления пригласили музыкантов к себе. Всем дали бостоновые костюмы, а Алхасову Хацирону подарили тульскую гармонию.

На одной стороне у неё лампочка, на другой – часы и дарственная табличка. Во время войны Алхасов Х. эвакуировался с семьей в Ереван, где создал известную песню о Нальчике. Пронзительно нежная мелодия, слова, полные ностальгической тоски по родному городу и совершенно провидческие, актуальные и сегодня: «Руз эз руз рачте бире туь, Туь Нальчик шегьерлеме!», эта песня и в наши дни является одной из лучших песен о нашем городе. На всех торжествах нальчан в любой точке земного шара звучит эта песня, вызывая щемящее чувство любви по родному городу. Традиции своих предков продолжили их дети.

По той же стезе пошел сын Танахума Подоцур, ставший к тому же и танцором ансамбля «Кабардинка», и изготовителем ичиг (сыромятных танцевальных сапог) для танцоров. Их дело продолжает в Израиле внук Танахума, сын Подоцура Эдуард, который так же как дед и отец сам изготавливает зурну. В роду Алхасовых тоже все певцы и гармонисты: здесь в Израиле вместе с

Эдуардом Ашуровым радуют нас своим творчеством правнуки Хацирона: Гилядов Захар и Матаев Рафик. А в Нальчике Алхасовы, Шалико (кстати мой одноклассник) и его сын, Хацирон (Папуля), ныне председатель общины горских евреев г. Нальчика и другой правнук Шалум Алхасов создали ансамбль «Мазаль».

Но вернемся в семидесятые годы. На смену национальным музыкантам пришло новое поколение. Эти молодые музыканты, шагая в ногу со временем, создали Вокально-Инструментальные Ансамбли – этакие ВИА с горско-еврейским уклоном.

Первым таким ансамблем был коллектив Ашурова Меира (Майора), возникший в 1968 г. Помимо Меира (гитара и вокал) в нем работали Ифраимов Израиль (Изик) (аккордеон и вокал), автор песен «Туй дедейме» и «Гэиль», Алхасов Олег (ударные), Шамилов Гаврик (кларнет), Ифраимов Юрий (вокал). Они исполняли современную советскую и зарубежную эстраду, шансон. и конечно национальную музыку.

Почти одновременно возникло ещё два коллектива: один под руководством Алхасова Шалико, внука Алхасова Хацирона, а другой под руководством Ашурова Анатолия. Конкуренция была очень жёсткой, хотя работы хватало всем, но ведь работы бывают мало выгодные, выгодные и очень выгодные, в зависимости от достатка семьи. В дальнейшем музыканты стали предлагать за свой счет, ради того, чтобы получить работу, столы и скамейки, палатки на весь двор, электроосвещение и иллюминацию. Музыкантов не нанимали, а просто приглашали. Они зарабатывали сами во время танцев.

В Нальчике и во многих других местах была такая традиция: если ты приглашаешь девушку или женщину танцевать, то в ходе танца ты даешь ей в руки деньги, которые потом девушка кладет в чемодан музыкантов. Вначале давали по рублю, затем по 3 рубля, затем по 5 и по 10 рублей, а потом и по 25, по 50 и даже по 100 рублей. Опять начинались еврейские соревнования – кто больше. Были такие люди, которые театральным жестом доставали запечатанную в банке пачку купюр, высоко поднимали её, разрывали бумаги и веером медленно сыпали деньги на голову невесты или подбрасывали их высоко вверх, чем сильно огорчали музыкантов и радовали детвору, в карманах которой оседала некоторая часть денежных знаков. Пачки тоже вначале были рублёвые, потом трёх рублевые, затем пяти и десяти рублёвые.

Группа Ашурова Меира на отдыхе.

Алхасов Шалико,
внук Хацирона Алхасова.

Алхасов Хацирон (мл.)
Папуть.

Музыканты хорошо зарабатывали, а огорченные хозяева часто констатировали: «Шермвоку дал 50 рублей, а на музыкантов выбросил 500!». Очень интересен тот факт, что, не смотря на скудость исторических материалов о горских евреях, их гораздо больше, чем исследований традиций, возникших в советское время. Мы, сами того не понимая, создавали новую традицию, сохраняя её еврейское лицо. Она умерла вместе с массовой эмиграцией и алиёй, не успев окрепнуть.

Раньше сбор шермвоку происходил следующим образом: несколько наиболее горластых женщин шли с подносом, на котором на платке находились бутылка водки и рюмка. Они шли вдоль столов, последовательно поднимая гостей и, в зависимости от того чью сторону он представлял, кричали: Гьей шобош, глэрусье(доморе) шобош, гьей шобош», далее следовало имя дарителя: «Гьей шобош, Соломоне шобош, гьей шобош!». Названный Соломон демонстративно доставал деньги, клал их на платок, брал и выпивал рюмку водки. В ответ следовало: «Гьей шобош, пенжоғь моноте шобош, гьей шобош!».

Процедура эта длилась очень долго, утомляя всех участников. В конце концов, деньги стали собирать за отдельным столом, записывая дарителя и сумму шермвоку. Списки были очень важны для хозяев, ведь нужно было потом вернуть дарителю, как минимум, такую же сумму на его торжестве.

Вспомните о «гьэрди берди», мы об этом говорили раньше. А сейчас поговорим, собственно, о самом слове «шермвоку» в словаре Изгияевой Э. Б. читаем: «шерм» – вуаль; прозрачная ткань, закрывающая лицо женщины в чадре; перен. стыд. Отсюда «глэйб шерменде», «шерменде бире(сохде)». «Шермвоку» – чело-век, открывающий лицо невесты. «Шермоку» – подарок за смот-рины невесты. (Татско-русский и русско-татский словарь Э.Б. Изгияева). Я считаю, что в обычной речи букву «в» опустили и получилось современное слово «шермоку», в значении выкуп за право видеть лицо невесты. В старину невеста закрывала лицо и, чтобы увидеть её, необходимо было заплатить выкуп. Этот обы-чай сохранился, хотя лицо невеста уже не закрывала, но выкуп платили, т. е. давали шермвоку или шермоку.

Следует напомнить о другом очень важном обычае. О нем подробно рассказывает И.Ш. Анисимов в своей книге «Кавказ-

ские еврей-горцы»: «К полуночи новобрачные оставляют шумное общество. Покой новобрачных охраняет названный брат жениха – бирордумор. Часа через три жених возвращается к своей свите, а согъдуши, куда-катун и енга входят в комнату к молодой и, узнав о благополучном исходе дела, скорее убирают ложе новобрачных. В это время друзья жениха стреляют из ружей, что извещает о благополучном совершении брачного акта».

В наше время в Нальчике это проходило почти так же, только, как ни странно, менее цивилизованно и более вызывающе, я бы даже сказал, по-варварски: Вместе с невестой приходили женщины, которых называли гъудэгъо и прибывали пуховые перина и подушки. Ближе к полуночи гъудагъо начинали требовать: «Дировунит жогильгъоре. – Заводите молодых». И через весь свадебный двор в комнату для молодоженов несли перину с подушками, а потом, под всепонимающими взглядами гостей, жениха и невесту вводили в комнату, у двери которой на посту оставался бирордумор. Ему и его друзьям через какое-то время передавался окровавленный платок, как свидетельство того, что невеста до сего момента была невинна – духдерхуне бу. Дружки жениха устраивали пляски с этим платком и прочий, как говорится, гъэй-гъуй, а потом неслись, в старые времена на конях, а в наше время на машинах к дому невесты, где их ждали взволнованные, заплаканные родители, с которых взимались деньги за «свидетельство девичьей чести». Причем, друзья жениха беззастенчиво требовали кроме денег ещё и дорогие напитки. На эти деньги, после свадьбы, они пировали с женихом, провожая холостяцкую жизнь своего друга .

В разговоре о свадьбах я упустил очень интересный момент. В 50-е, 60-е годы были в Колонке ашуги, которые пели на торжествах, и самым главным и знаменитым их них был Ашуров Шениэль (1906-1978), сын Леви и отец моего тестя. Он был великим импровизатором. За столом кто-то вдруг просил: «Гъери, Шениэл, гу эз у мэгнигъойтуь.» «Ну ка, Шениэль, спой из своих песен». Он вставал, поднимал руку открытой ладонью вверх, покачивал ею в такт мелодии, которую он сам напевал, гармонист подхватывал и пока звучал наигрыш (дежув), в голове рождались темы, которые он зарифмовывал. Затем он кивал гармонисту и пел свою частушку-куплет. Если рифма не приходила в голову, он говорил: «Ёбойгеш зе (Еще раз сыграй)» а сам стоял и думал,

а придумав – исполнил. Он сочинял бытовые частушки, куплеты о сидящих за столом, в которых иногда восхвалял героя «сюжета», иногда не обидно подшучивал над ним, вызывая всеобщие смех и восхищение. Со всех сторон раздавались просьбы: «Эримеш гу, Шениэль! (И для меня спой Шениэль!)».

Он с удовольствием пел для всех это был зов души, внутренняя потребность, способ существования. В обычной жизни заготовитель, поставщик сырья для

кустарей, выделывавших овчины и кожи, человек весьма меркантильный, в душе он был поэт и артист. Иногда он вызывал на песенную «дуэль» (эри гъуше хунде) кого-либо из присутствующих. Обычно отзывались Мигиrowы Богдан и Лёнке, Нувахов Нуцол, Ашуrow Мотне(Шолиах), Давыдов Охрон. Но все они уступали Шениэлю и не оспаривали его первенства. Жаль, что никто из детей не записал его песен, которые он «как умел, так и пел».

Это было частью нашей культуры, нашего бытия. Но мы не понимали этого, мы просто в этом жили, не ценя настоящего, не думая о будущем, не заботясь о прошлом. Эта народная традиция существовала у всех горских народов, и мы её переняли, но кажется, почти потеряли.

Я продолжаю разговор о наших традициях и перехожу к следующей теме: «Рождение ребенка». Самые главные пожелания «ловгоь» были: «Тум ишму лов гердо! (Да расплодитесь вы!) Сал дурьюсд не варсде кук гердо ишмуре! (Менее чем через год, чтобы сын у вас родился!)». Одна из главных еврейских радостей, это радость от рождения ребенка, поэтому после свадьбы все родственники внимательно следили за молодой невесткой, ждали, когда появятся первые признаки того, что семью ожидает пополнение. Приходя в дом, тетушки и бабушки заговорчески спрашивали у свекрови: «Чутами г1эрус? Эз вэхд гирошдей? (Как невесика? Забеременела?)» Вместо «Болдор бирей» используется более нейтральное и менее грубое «Эз вэхд гирошдей?», что дословно означает: «Миновала ли срок?», имея в виду срок начала месячных (первый признак беременности – задержка).

За беременной невесткой ухаживали, угождая ей во всём, помогая советами перенести токсикоз. Дружно желали: «Эз гъэдо хилос гердош! (Чтобы ты благополучно разрешилась от бремени!), а при первых признаках начала схваток (пич гирденки) в старину бежали за повитухой, а в наше время везли в роддом. В прежние времена, в каждом месте обитания горских евреев, у каждой общины были свои повивальные бабки, на нашем языке их называли «момой». О них, правда, не очень лестно отзывался И.Ш. Анисимов в своей книге «Каказские евреи-горцы».

Он, вполне справедливо, уверяет, что одной из причин высокой смертности среди новорожденных и рожениц является отказ горских евреев от приглашения врача и обращение за помощью к момой. Нальчанам повезло, после революции у них была известная момой, Шабаева Томор. Она так и осталась в памяти народной – момой Томор. Её родственник, Шабаев Анатолий рассказывает, что её муж «пропал без вести» в первую Мировую войну, и она пошла на фронт санитаркой в надежде найти мужа. Там на войне она приобрела медицинские навыки, возможно, закончила краткосрочные медицинские курсы. Говорят, что в поисках пропавшего мужа, она добралась аж до Иерусалима и среди соплеменников почиталась, как цадика (праведница). Вернулась домой, осталась навсегда вдовой, жила у родственников и стала момой. Она принимала роды и первые несколько дней жила в доме роженицы, ухаживала за ней и за ребенком. Обучала её купать, пеленать, следила за пупочком, потом, если был мальчик,

помогала обрабатывать ранку после миле (обрезания). Акушеры говорили, что евреи не обращаются к врачам потому, что у них есть прекрасная повитуха Томор. После войны роды она уже не принимала, но лечила мальчиков после обрезания, для чего у неё были специальные присыпки, мази и антисептики.

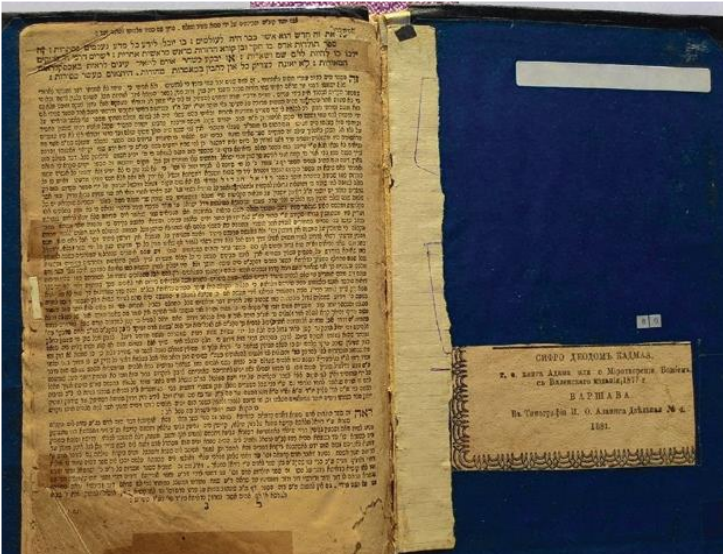
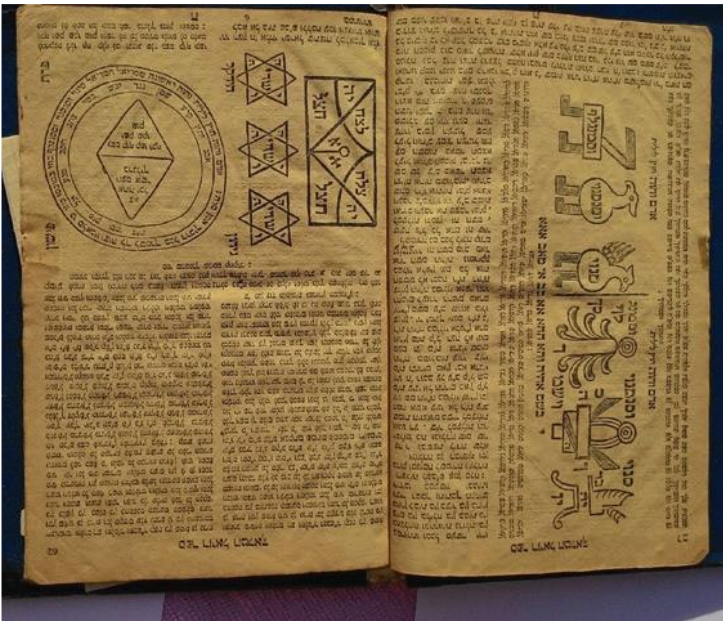
Отдельное слово о колыбели, её называют у нас «гуфере». Она стояла четырьмя ножками на двух вогнутых полозах, как кресло- качалка и раскачивалась лёгким движением ноги. У гуфере были специальные приспособления куда младенцы писали, было отверстие под попочкой, куда они какали. Все это стекало в горшок, расположенный на её дне. Ребёнок всё время оставался сухим и чистым, без памперсов.

Когда у меня родился первый сын, мне из кабардинского села привезли настоящую гуфере, со специально обточенной косточкой по которой должна была стекать моча. Косточки было две: одна для мальчика, другая для девочки. Специальными льняными полосами, прикрепленными к гуфере, ребёнок туго пеленался. Но мы, так и не научившись ею пользоваться, вернули эту старинную вещь обратно хозяевам. При рождении первого ребёнка, его дедушка и бабушка, то есть родители роженицы, приносили настоящее приданное – «гуфере-гуше», нальчане неправильно говорили «гуфере-гушер».

Вообще, из-за отсутствия устойчивой традиции письменной речи, которой владели бы все горские евреи, многие слова искажались, т. к. воспринимались и передавались друг-другу на слух, т. е. из уст в уста. Ни наши предки, ни мы, и тем более наши дети не росли и не воспитывались на книгах на нашем языке. Мы только говорили и слышали родную речь. Отсюда и искажения, основанные зачастую на ложной этимологии. В словаре у В.Ф. Миллева я нашёл забытое нами слово «гуше», которое означает постель. Значит, «гуфере-гуше» означает «колыбель и постель», которые приносили родители мамы ребёнка. В «гуфере-гуше» в наше время входили дорогие, красивые пелёнки, распашонки, ползунки, одежда, обувь, от рождения до пяти лет, кроватка, постельные принадлежности, детские полотенца, пижамки, халатики для купания, игрушки. Девочке дарили золотые серёжки, и при этом ей прокалывали ушки.

Ещё об одном обычае. В изголовье, под матрасик ребёнка заботливые бабушки укладывали ножницы и книги из Священ-

ного Писания. У меня и у моих детей всегда были проржавевшие от времени ножницы и старые, истлевшие листы с ивритскими буквами. У старшего сына была книга XIX века принадлежавшая

моему деду рабби Юханану Амирову, которую он умудрился привести с собой в Израиль. Вот фото её разворота и остатки титульного листа. Это книга «Зоар» – Кабала.

У младшего сына и Юры была Пасхальная Агада 19 в. с печатью моего деда. К сожалению, она не сохранилась.

У И.Ш. Анисимова мы читаем о том, что нечистая сила боится булата, т. е. стали, а также священных книг, отсюда ножицы, за отсутствием кинжала и священные тексты. Ребята, мои ровесники, вспоминают, что председатель общины просто вырывал аккуратно страницы из старых книг и давал им, т. к. других текстов в то время просто не было. Эти листы лежали в изголовье их детей и в бардачках их машин, вместо «Дорожной молитвы». Потом, во время «перестройки» появились и «дорожные молитвы», и книжки с благословениями, и молитвенники (сидуры). Но мы уже уезжали, оставляя дома, работу, страну и я, честно говоря, не жалею, что уехал.

Но мы продолжаем наш разговор о традициях. На восьмой день после рождения мальчику делали обрезание. Наши раввины были одновременно и шохетами (резниками) и моэлями т.е. делали обрезание. Вот как об этом пишет И. Ш. Анисимов: «Операцию обрезания делает раввин или резник и почти всегда очень искусно. Рану обрабатывают ртом, набирая в него уксус и посыпают обожжённой шерстью и порошком из особо обожженной глины. Через три-четыре дня рана заживает, и ребёнок делается здоровым». В Нальчике, в наше время, обрезание делал рабби Нахамииль. Он приходил с необходимыми инструментами, надевал белый халат, читал необходимые молитвы и благословения, а дальше всё как у Анисимова. После чего все садились за накрытый стол и шёл пир горой. Перед этим рабби Нахамииль произносил благословение над вином, отпивал из бокала, окунал мизинец в вино, капал кричащему малышу в рот несколько капель, от которых он тотчас сладко засыпал. Следует упомянуть о другой важной части обряда миле: за право держать ребёнка вовремя миле на специальной подушке шёл торг. Деньги от аукциона шли на содержание синагоги. Человек, взявший ребенка на руки, назывался ивритским словом סַנְדֵּג «сандэг» и считался вторым отцом ребенка. (в христианской традиции такой человек назы-

вался крёстным отцом) Он сажался на специальное кресло, которое называлось «трон Элиягу» (кирси Илѣгъ), ему на колени клали специальную подушечку, на которую водружался малыш.

Сандэгъ крепко прижимал к подушечке раздвинутые ножки малыша, облегчая раввину его работу. Считается, что после об-

Мой зять Дигилов Арон с сыновьями и моими внуками Лиданом и Эммануэлем на «кирси Ильѣгъ».

На этом «кирси» только что обрезали их племянника и двоюродного брата Кармиэля, а Арон был сандагъом.

ряда обрезания над сандэгъом раскрываются небеса, и Бог слышит его слова, поэтому к нему подходят гости за благословениями, и он их им даёт, накрывая голову каждого своими руками и талитом. Я был сандэгъом моего младшего внука Эмануэля и тоже давал всем благословения, кстати, одно благословение: «Кук гердо туйре!», которое я дал Мушаилову Марку, сбылось и семья получила, после двух девочек, мальчика.

Но вернемся в Нальчик. После смерти Нахамилия миле делал приглашенный из Бухары рабби Ифииль, а после него, рабби Мордехай. Но вскоре рабби Мордехай отказался делать миле, и мы были вынуждены обращаться к городским хирургам.

Оба мои сына по очереди легли в хирургическое отделение к профессору балкарцу Сабанчиёву Халиму Хаджиосмановичу, с диагнозом фимоз. А уж потом, после выписки рабби Мордехай «кошеровал» брит, произнося необходимые молитвы, и были застолья.

Традиции «миле», строго следовали горские евреи во все времена, включая весь советский период. Обрезали своих детей и партийные люди, и крупные начальники, и атеисты, отсутствие миле было клеймом – «урсишка»! Но повествование ведёт нас дальше, и я перехожу к другой очень важной традиции. Детей бергли от «дурного глаза» (беде чум) и в этой связи я хочу напомнить о том, что принято называть соблюдение «чуле» или «чули». Вот как об этом пишет И.Ш. Анисимов: «Ребёнок 40 дней не выносятся из дому, чтобы с ним не сделалось «чуле» – болезнь 40-ка». В 60-х – 70-х этот обычай строго соблюдался. Лицо ребёнка прикрывалось полупрозрачной занавесочкой или марлей и, чтобы взглянуть на него, гости платили выкуп. Это называлось «шерм глэиле вокурде», по аналогии с «шерм глэрусе вокурде». Каждый из гостей клал в кроватку, в изголовье ребёнка (э серней глэил) деньги, восхищаясь его красотой, плевал в сторону со словами «чум мегердо глэиле», а старушки, к ужасу мамаш, смочив своей слюной палец, проводили им по лобик у ребёнка. Дети были окружены особой любовью бабушек и дедушек.

Вспомним, как при разделе курицы любимому внуку доставалась куриная попка (кун керг), за неё всегда был спор между малышами, доставалась она самому младшему, а потом он получал ножку (буд керг), и с этой ножкой он носился по двору и по улице, медленно откусывая от неё.

Однажды под такси, которое везло меня домой с вокзала, чуть не попал двухлетний голопопый карапуз. Таксист выругался, а потом, засмеявшись, сказал: «Если я вижу на улице малыша с куриной ножкой, то это обязательно еврейский мальчик.»

Вспоминается другой курьёзный случай, который произошёл на свадьбе у родственников: Стали выставлять на стол курицы, а они все без попок. (Было так, если помните, на 4-х чело-

век подавалась одна курица и, выставившая её женщина разрывала эту курицу руками на куски). Оказалось, любимый внук нашёл накрытые простынями тазы с отварными курами, добросовестно оборвал и съел все попки. Было очень смешно, но ставшему уже дедушкой «сорванцу», ровесники до сих пор напоминают этот эпизод.

Некоторые традиции или законы еврейской жизни стали понемногу забываться и почти исчезать. Я помню, мне было лет пять или шесть, по утрам, когда дядя Ефрем не ходил в нимаз (в воскресенье, вторник, среду и пятницу, дни, в которые не выносятся свитки Торы), он, после соответствующих благословений, надевал талит гадоль, целовал кисти цицит, затем повязывал на левую руку тфилин для руки, а на лоб, у кромки волос, тфилин для головы и читал утреннюю молитву. Сидур (молитвенник) был старенький истрёпанный, а тфилины, которые остались ему от отца, я думаю, в то время уже были некашерными. Я привёз эти тфилины в Израиль и храню их отдельно как память.

Об обязанности еврейского мужчины надевать тфилины в Торе сказано: «И повяжи их как знак на руку твою... и будут они украшением над глазами твоими...». Мужчины выполняют этот обряд начиная с 13 лет. Именно в этом возрасте происходит у ев-

реев посвящение в мужчины и называется этот обряд Бар Мицва. В Нальчике 50-х – 70-х годов об этом почти забыли, во всяком случае, ни я, ни мои друзья не вспомнили ни одного примера проведения этого обряда.

На фото:
мои тфилины
рядом с дедовскими.

Но языковая память народа хранила его и в годы перестройки люди вспомнили, что в 13 лет положено делать праздник для мальчиков «Тэфлуэмвени», именно так на нашем языке называется Бар Мицва.

У истоков возрождения стоял наш молодой тогда раввин Гилядов Мордехай, сто двадцать лет ему жизни и здоровья. Он вспоминает, что первым для своего сына Тэфлуэмвени сделал Шабаев Игорь, а потом стали делать и другие.

Позже при нимазе открылась иешива «Швут Амит», в которой, у специально присланного Израилем учителя Давыдова Адама, обучалось до 20-и мальчиков; им даже платили небольшую стипендию, что тоже было неплохим стимулом для подростков.

Дети, не достигшие тринадцатилетия, готовились к посвящению, учили вместе со всеми молитвы, Тору, комментарии к ней. Служба в синагоге сильно оживилась, так как теперь было много людей, участвующих в молитвах, а старики радостно улыбались, глядя на своих внуков. Обоим своим сыновьям я делал Тэфлуэмвени в Нальчике, за что до конца своих дней буду благодарен Мите (рабби Мордехаю), подготовившему и проведшему этот обряд в новой синагоге. В честь этого события для старшего сына, после выхода к Торе, было сделано большое застолье, был зарезан баран. Но младший сын, имя моего деда, Юханан (Юра) отнёсся к своему совершеннолетию серьёзнее: выучил недельную главу Торы и соответствующую ей Автору, читал сам, а в конце прокомментировал прочитанное. Старики растрогались до слёз, а рабби Мордехай сказал: «Вот и сбылись слова наших мудрецов-пророков, что придёт такое время, когда младшие будут учить старших».

После обряда Тэфлуэмвени тринадцатилетний мальчик официально становился мужчиной, имел право голоса в еврейской общине, что особенно важно в галуте, когда трудно собрать миньян (дег мерд), необходимый для выноса и чтения Торы, совершения обрядов брит мила и хупы, приема галахических решений. Мальчика обнимают, целуют, поздравляют и говорят: «Ини диеш е мердигеш гъэриш бисдо э иму. Гоф ю, э гоф чунь пире мерд боребори» (Вот и ещё один мужчина прибавился к нам. Его слово равноценно слову самого старшего мужчины.) Религиозная жизнь нальчикских евреев сильно оживилась. Ученики иешивы

принимали активное участие в синагогальной службе, следили за ходом молитвы, вовремя произносили необходимые слова, типа: «КАДОШ, КАДОШ, КАДОШ АДОНАЙ ЦЕВАОТ, МЕЛО ХОЛЬ ААРЕЦ КЕВОДО» или «БРУХ КЕВОД АДОНАЙ МИМИ-КЕМО».

Вставали и читали «Амиду», главную после молитвы «ШМА», состоящую из восемнадцати благословений. Всё было внове, подростки со светящимися глазами полны энтузиазма и гордости, старики счастливы и довольны. Когда выносили Сефер Туро (Свиток Торы), то к ней обязательно восходили подростки из иешивы и умело произносили наизусть все положенные благословения (борохогь). Иешива при синагоге дала свои результаты: многие ребята продолжили своё религиозное образование в иешивах США и Израиля, стали шохетами, соферами, раввинами в Израиле, США, Канаде.

В новые времена всё стало на свои места – мы вернулись к еврейским традициям и даже приобрели новые. Я имею в виду обряды «Брита» и «Бат Мицва», которые проводятся для девочек. На Кавказе их никогда не было. Они возникли в 19 веке во Франции, а сейчас приняты и во всём еврейском мире, но они не являются галахическими, а как-бы устраняют половую «дискриминацию» в наш эмансипированный век.

Рабби Мордехай проводит обряд Тefлyмвени в Нальчике.

Современная Бар Мицва в Нальчике.

Современная Бар Мицва в Израиле

СМЕРТЬ И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ТРАДИЦИИ

Коснемся грустной темы, без которой немислима сама жизнь, – это её антипод – смерть и связанные с нею обряды. Когда в Колонке умирал кто-либо из её жителей, то скорбная весть немедленно распространялась от двора к двору, от соседа к соседу, и женщины надев тёмные платья, повязав белые платки, устремлялись с причитаниями к дому, где покойник (муьте или меит). Ворота и двери к этому времени уже были распахнуты, зеркала занавешены. Покойника снимали с кровати и клали на пол головой к востоку, у его изголовья зажигали керосиновую лампу, т. к. не было, как сейчас, или как в прежние времена, большой свечи, которая горит, не переставая семь суток.

Кровать разбирали и выносили, вдоль стен на блоки или на кирпичи ставили широкие доски, на которых после похорон сидели женщины. Доски застилали коврами, дорожками и маленькими подушечками. У ворот стояли, опустив покрытые головы, мужчины – прямые родственники усопшего и принимали соболезнования (вохурде-соболезновать, вохурдеи- соболезнование, вохурдегор-соболезнующий).

Соболезнующие подходили со скорбными лицами, вздохами и причитаниями, пожимали руки, обнимали и говорили подходящие моменту слова типа: «Ловохов ишму гердо! Ичу келе гъэгъри (беди, хэто, дерди) эри гъемейму! Чув сохде воисде! Хуьшдере гирит, э муьрдеревоз екиш не муьрде! Пусть он будет Вашим заступником (на небесах)! Какое большое горе (несчастье, беда) для всех нас! Что поделаешь!? Держите себя, с мёртвым никто не умирает!»

По еврейскому закону траур касается прямых по крови родственников: отца, матери, брата, сестры, детей, а также оставшихся мужа или жены. Но в семидесятые, восьмидесятые годы, в нарушение еврейской традиции, оставляли бороды (руш веишденбу) друзья, двоюродные братья покойного до тридцати дней (те сирузи); бабушки и тёти надевали траурные платья, которые они носили одиннадцать месяцев или год (ездегъмегьи енебуге сали, серсали).

Вокруг покойника собирались женщины, сидевшие, как мы говорили выше, на низких скамеечках или на полу, в знак глубо-

кого траура. Во все времена были специальные женщины-плакальщицы (гирьесохгъо). Они с жалобными завываниями и восклицаниями, легко ударяя себя в грудь, по бёдрам, по щекам, воспевали добродетели покойного, говорили о том уважении, которым он пользовался в общине, об ужасной утрате, постигшей его родных и близких.

Они находили такие слова, которые рвали душу, заставляя рыдать родных, царапавших себе лицо, шею, рвавших на себе волосы, доводили их часто до обморока. Можно было услышать даже такое: «Куъш хуъшдере хэгэрлейме! Уё! Муърд падшогыё шуъвертуъ! (Убивай себя, сестричка! Ой. Ой! Умер твой цареподобный муж).» Если дети еще не определились, то обязательно: «Вой, вой, несубсуъз, муърди, гэлгъойтуре э мирод не расунде, шоригъойшуъре не дире, невегъоре э уш не вегирде! Несубсуъз-талайсубъз, и раче, картинке хуно зентуъре тэхьно эри чужь гышдей туъ. Гирисит, хэгэрруъ. (Вой, вой, несчастный, умер, не доведя своих детей до счастья, не увидев их радостей, не взяв на руки своих внуков! Бедный, несчастный, зачем ты оставил одну свою красавицу, словно с картинки, жену! Плачьте, сёстры!)».

Понимая, что её «искусство» довело вдову до исступления, она спокойным голосом говорила окружающим: «Гирит уре, десгъоуре гирит, глове пуф сохит э рую.» (Держите её, руки держите, брызните воду ей в лицо.) Давая передышку родным, она спокойно переключалась на окружающих, вспоминая их успехов. Эти плакальщицы знали всех по родам их и иногда вспоминали о покойниках такие подробности, что заставляли рыдать всех, затрагивали самые чувствительные струны души, вызывая сильнейшие всплески горя, которые, как ни странно, потом приносили сильное облегчение. Мужчины, стоявшие неподалёку, подходили и просили поплакать и о их умерших родственниках, и поплавав, успокоенные отходили и продолжали непринуждённые разговоры с приятелями.

Этот старинный обряд плакальщиц, идущий из глубины веков, является хорошо продуманным психологическим тренингом, помогающим пережить горе. Лучшими плакальщицами, на моей памяти, были: Бесириит Амирова, (Ашурова во втором браке), Исакова Нюся, Ифраимова Дедей. Родственники умершего всегда одаривали плакальщиц небольшими подарками.

По еврейскому закону хоронить покойного положено в тот же день. Но, как правило, похороны в Колонке проходили на следующий день, иногда, если ждали родного, который жил далеко или был где-то в командировке, то и на третий день. Много времени занимали также и бюрократические процедуры. Перед тем как похоронить, покойника обмывали, для чего в синагоге были специальные ванна, вёдра и ковши, а делали это пожилые мужчины и женщины, в зависимости от пола, умершего. Они же шили покойному саван(кефен) и посмертную одежду (эхироти).

Вот, что писал об этом И.Ш Анисимов в своей книге «Кавказские еврей-горцы»: «... женщины сшивают покойнику из тонкого холста его последнюю одежду: рубаху, штаны, чулки, ермолку и перчатки. Поверх всего этого на умершего надевают саван и опоясывают его кушаком из того же холста». Шьют всё вручную, а ножницы, нитки и иголки, которыми пользовались, кладут в могилу вместе с умершим.

Кладбище находилось далеко за городом, в Затишье, где для евреев был отведен участок, поэтому покойного везли на катафалке, а люди ехали на нанятых автобусах и своих автомобилях. Уже на самом кладбище носилки с покойным, завернутым в сисид, снимали с машины и несли на руках к могиле. Но в шестидесятых годах стали хоронить в гробах, крышку гроба, правда, не забивали.

Отвлекусь и вспомню, что первое кладбище находилось выше Вольного аула, в районе Хасаньи. Рабби Мордехай говорит, что он и тогдашний руководитель общины Шалумов Серёж обнаружили в этом районе несколько могильных камней с выбитыми на иврите надписями. Следующее кладбище, тоже чисто еврейское, было расположено в районе улиц Тимошенко и Кладбищенская рядом с комбинатом «Дружба». История этого кладбища очень печальна. Хоронили там, скорее всего, со времени основания Колонки до начала 50-х годов. В детстве мы бегали среди могил, и я тогда не придавал значения датам, поэтому точно сказать не могу, когда были последние захоронения. Но знаю, что сестра бабушки Амирова Сиби была похоронена там, а умерла она в начале 50-х. В 50-м там был похоронен мой пятилетний двоюродный брат Ифраимов Гена. Я это к тому, что во время перестройки «на еврейских костях» сначала был построен ведомственный детский сад от Обувной фабрики, затем, директорам трикотажного

комбината «Дружбы» и Обувной фабрики было предложено построить на территории кладбища ведомственные многоэтажные дома. К чести кабардинки Секрековой Анны Нартшаовны, она отказалась от предложения, сказав, что на «еврейских костях» строить не будет, а вот еврей Гербер Леонид Менашевич, директор Обувной фабрики начал строительство.

Был вырыт глубокий котлован, в этом котловане дети играли в футбол черепами. Союз развалился, финансирование было прекращено, а котлован долго оставался позорным символом отношения власти к предкам, ведь даже по советским законам не прошло ещё 70 лет со дня последнего захоронения. Людям, правда, было предложено перезахоронить своих покойников.

Моя мама пришла к своему двоюродному брату Амирову Исаю и сказала, что тётя Сиби пришла к ней во сне и сказала: «Мере эз жигейме междумунит, Меня с места не трогайте» Следующее кладбище было расположено в районе Затишье.

Там хоронили до последнего времени, и это было общегородское кладбище, на котором евреям выделяли участки. Кладбища мы помним по могилам родственников, поэтому первый участок, который находится в левом углу кладбища, рядом с могилами партийных работников, для меня место упокоения моей бабушки, Амировой Тирсо, тёти, Ифраимовой Раи и мамы моей жены, Ашуровой (Ифраимовой) Клары.

Второй участок, находящийся справа от дома кладбищенской администрации и каптёрки с инвентарём, дорог мне могилами брата бабушки, Амирова Бааза мужа моей тети, Баум Вольфа. Третий, последний участок на этом кладбище, дорог нам всем, ибо на нём покоятся люди, которых хоронили мы, тогда молодые, уехавшие и оставшиеся жить в Нальчике; там я похоронил моего любимого дядю Ефрема. В настоящее время в Нальчике открыли новое кладбище в районе прохладненского шоссе.

Но вернёмся к обряду похорон: над гробом в могиле делали деревянный настил из толстых досок, укладывавшийся на специальные поперечные лаги или брёвна, для которых делались по бокам могилы углубления. Подготовка требовала много времени, сил и денег. Был в Колонке и специальный человек, который занимался похоронами, звали его Гирмиль. Ему давали деньги, и он всё обустроивал, оставляя себе за хлопоты небольшую сумму. Это стало его постоянным заработком. У него были знакомые в

похоронном бюро, которым он давал «на лапу» за скорость и качество, избавляя родных от забот о похоронах.

Прямым родственникам в момент похорон надрывали край одежды, в которой они оставались семь дней. Это называлось «овиль доре». Траур «овиль» длился семь дней «хьофдуьм»; все семь дней находящиеся в трауре люди не купались, не меняли траурную одежду, мужчины ходили три раза в день в синагогу и читали поминальную молитву «кадиш», поднимались к Горе. Если у умершего нет мужчин прямых родственников, то Кадиш читает кто-то из близких, при условии, что у него умер один из родителей.

После похорон устраивалась траурная трапеза, во время которой обязательно подавались отварные яйца, вяленая рыба, отварные мясо и картошка, свежие овощи, фрукты, соленья, хлеб, лук и зелень, вода и водка, причём бутылки не ставили, а клали на стол, произносили необходимые благословления на хлеб, овощи и фрукты. Обычно выпивали три рюмки, не чокаясь, но при этом произносились подходящие случаю слова: «Чен хокгьой – хорию уьмуьр гердо ишмуре! Э жигею динж гердо! Эз песою никигьо гердо! Дие гьэгьр мевиношит! Эз и новле э никигьо, э шоригьо биёвойм э хунейишму! Чтобы дней вашей жизни было столько, сколько песчинок на его могиле! Пусть упокоится с миром! Вслед за этим пусть будут радости! Чтобы вы не видели больше горя! Отныне, чтобы мы только на радости приходили в ваш дом!». Желая облегчить финансовое бремя находящихся в трауре, люди стали собирать деньги по 10-20 рублей. В богатых семьях старший в роду говорил: «Ахче не вечиреним. Деньги не собираем». И сейчас, иногда, если семья не состоятельная, в Израиле собирают деньги. Я помню время, когда женщины приносили с собой в узелках отварные яйца, пирожки (чудугьо), фрукты и овощи, чай, сладости, сахар, почему-то сахарные головы, которые нужно было колоть, а когда они исчезли из продажи, то просто рафинад. Все семь дней в доме, где траур, находятся друзья и близкие родственники, которые разговорами отвлекают от горя, помогают легче его перенести, стараются не оставлять их в трауре одних. Через семь дней траур снимал раввин специальной молитвой, это называлось «овиле вегуьрде».

Глубокий траур соблюдается тридцать дней «сирузи», после чего проводится ещё одна трапеза. Мужчинам после тридцати

дней сбривает бороды специально приглашенный человек. В течении года по субботам и праздникам в доме, находящихся в трауре, собираются родные. Как правило, в синагоге нанимается человек, который читает каждый день Кадиш для поднятия души умершего.

По истечении одиннадцати месяцев «яздагъмегъи» или года «сали» делается ещё одна траурная трапеза. К этому времени на могиле устанавливают памятник. Могилу посещают на 7 дней, 30 дней и 11 месяцев или год, затем только 2 раза в год: перед Йом Кипуром и на годовщину смерти (нальчане говорили «ерсиет»; Изгияева даёт другие слова: «ерсад» и «серсали»). Обычно «ерсиет» отмечали по григорианскому календарю, поскольку еврейский календарь был только в синагоге и следить было трудно.

Я помню, тётя Соня на ёрсиет бабушки и дедушки несла в синагогу яйца, зелень и бутылку водки. Дегь мерд устраивали там траурную трапезу. Так это было.

Да простит меня мой читатель, но я приведу отрывки из юмористического рассказа Хизгила Авшалумова «Гирей Шими эри хар хуьшде». «Причитания Шими Дербенди над своим ослом». Наш известный писатель очень точно передал поведение и причитания плакальщиц, которые копирует Шими Дербенди: «Шими, чор зани зере, нуьшди э ён меит эн хэр хуьшде. Тегьер эн зенгьойму э ёсхуне гирье вокурденигьо хуно, Шими сер гуьрд зани куфде, сине куфде, домо вокурде гирисде эри хэр хуьшде. Сес гирьей Шимире шиновусде, гунши-мэхьэле дуьлпосо бире, гьечи дануьсдуьт, эн Шими, Худо мееро, е зенуь, енебуге гьерки бисдо эз кифлетуь муьрди. Унегуьре угьо гьеиееки кор-бор ишуьре шенде, зури-зури оморут э хьэёт Шими. Шими угьоре диренге, э угьо денишире, зани, сине куфде-куфде, диеш сэхдте домо вокурде, гирисд: «Шуьвер муьрде, бирор муьрде хэгьэрлову, гуш венит, гьэдой гуш веноре гушгьойшмуре, рихунде глёрсгьойшму биёво э синей Шими» – гирисде-гирисде гуфди Шими. «Гирисит э меровоз эри е эзини жейроне марал. Кире ижире муй суьрхи, гьутиногьой суьрхи э руз – метлеб нерасире, хьэсрот э дуьл дери муьрде, руруй деде догь сохде марал муьрдиге, эри энуме гьурбунум э-э-э-й-й-й».

(Шими, скрестив ноги, сел рядом с трупом своего осла. Подобно нашим женщинам, причитающим в доме, где траур, Шими начал, ударяя себя по бёдрам и груди, причитая, рыдать о своём

осле. Услыдав звуки причитания Шими, соседи, беспокоясь, предположили таким образом, что у Шими, не дай Бог, умерла жена или кто-нибудь из членов семьи. Поэтому они все вместе, бросив свои дела, быстро пришли во двор Шими. Шими, заметив их, стал, глядя на них, ударяя себя по бёдрам и по груди причитать и плакать ещё сильнее: «Муж умер, брат умер, сёстры, слушайте, пусть падут на меня беды слушающих, а слёзы ваши прольются мне на грудь!» – рыдая сказал Шими. «Плачьте вместе со мной над этим бесподобным красавцем (газелеподобным оленем). У кого ещё такие золотые волосы, золотые щёки, умер за один день, не выполнив мечту, с тоскою в сердце, раскалив внутренности матери, умер, да паду я жертвой ради него! Ой-й-ой-ой!» И грустно, и смешно, а, главное, очень точно!

ЕВРЕЙСКИЙ БАЗАР

В каждом уважающем себя городе есть всевозможные стихийные рынки, и называют их по-всякому: барохолка, толкучка, блошинный рынок. Люди продают там ненужные им носильные вещи, предметы быта, посуду, инструменты, мебель, электротовары, бабушкино наследство, продукты ремёсел, антиквариат, всякую живность. Было такое место и в Нальчике, на ул. Дагестанская, и называлось оно «толчѣк» или «толкучка».

Даже, в Ашкелоне, в наше время есть такой базарчик, где торгуют старьём пожилые олимпы из бывшего СССР. Но наш рассказ не об этом, а совсем о другом, о том, что осталось в народной памяти под названием еврейский базар или базарчик. Располагался он в самом центре Еврейской Колонки, на улицах Иллазарова и Рабочей. Торговали там, в основном, импортными вещами. Еврейским он назывался, я думаю, потому, что основали его евреи и находился он в центре Еврейской Колонки. Возник он, если ен ошибаюсь, в начале 60-х, во время хрущёвской «оттепели» и просуществовал до «перестройки» 80-х.

Об этом базаре ходили гипертрофированные легенды, говорили, что там можно купить всё от жвачки, до атомной бомбы. В пору всеобщего дефицита здесь, действительно, можно было найти и купить много красивых вещей на любой вкус и состояние, поэтому приезжали на базар со всего юга, и толчея на узких улочках была невероятная. Торговали только женщины, но мужчины были рядом для подстраховки.

Стоит себе такая женщина. А в руках красивая импортная вещь и больше ничего. «Просто, извините, размер не подходит. Сестра привезла в подарок из-за границы.» – «отмазка» для стоящей рядом родной милиции, которой всегда было много и в форме, и в штатском, а пара автозаков или по-старому «воронков» стояла на виду для устрашения. Конфликты с ментами возникали постоянно, им ведь тоже нужен заработок, но заканчивались они либо откупом (червонец на лапу), либо скандалом, если не удавалось поймать с партией товара: «Ты поганный мент! Я простая рабочая, работаю на Трикотажной! (или на Обувной, или ещё где-нибудь, ведь действительно работали!) Я на зарплату 120 руб. горбачусь посменно, детей кормлю! Одну вещь продать не могу, да?! Курва ты, скотина и взяточник! Ни копейки не дам!»

Они, как правило, отставали, а она, гордо раскинув руки вверх и в сторону, победно кричала для товаров и публики: «Ах эри туь, сег! Не гирдей э молевоз, вечей эн сег!». (Говно тебе, собака! Не поймал с товаром, сукин сын!).

Особой хитрости тут не было, просто сумка с вещами стояла у кого-то из родственников, живущих рядом. Продала вещь, пошла взяла новую. Или стоит женщина, продаёт кофточку, подходит покупательница и спрашивает: «А платье французское 42 размера, зеленого цвета есть?» (или брюки, или костюм, или туфли, т. е. что угодно). После недолгого шушуканья и выяснения цены, продавец и покупатель уходили за вожделенным товаром. Но если не было нужного товара, то клиента не отпускали просили подождать и кричали: «Кире гьисди гьезини-гьозуни плати? Чуй хосде эри мол? Пенж монот зверте сох эри пайме!». (У кого есть такое сякое платье? Сколько просишь? Сделай на 5 рублей дороже, будет моя доля.) И передавала покупателя с рук на руки, в надежде «наварить» свои 5 рублей.

Иногда начальство давало приказ разогнать Еврейский базар, перед какой-то датой, пленумом или съездом, и милиция устраивала облаву. Хватали трёх – четырёх торговков и тащили их в «воронки». Что тут начиналось! Схваченные, с криками: «Вой эри ме!», начинали вопить, вырываться, царапать милиционеров, иногда, в порыве страсти, и себя, рвать на себе волосы.

Вокруг собиралась орущая толпа, прибежали новые и новые везунчики (не их сегодня взяли) с вопросом: «Кире гирдей?» (Кого поймали?). Все дружно осыпали проклятьями сопящих, красных от натуги ментов: «Только евреев и хватаете! Гитлеры! (Почему всегда во множественном числе?) Фашисты! Гестапо! Своих не ловите! Вы разве мужчины, кавказцы? С бабами воюете! Лем зеношит! Ху хурошит! Хок э сер ишму! (Чтоб вы сгорели! Кровью своей упились! Чтоб вас похоронили!).

В ход шли и более грубые проклятья, благо, проклинаемые лишь смутно понимали куда и зачем их посылают. Но приказ есть приказ, и они тащили зарёванных, расхлёстанных женщин в машины и уезжали. В этот день торговля прекращалась до следующей субботы, а женщин отпускали, штрафую за нарушение общественного порядка. Базар хоть и назывался еврейским, но торговали на нём люди разных национальностей. Были и не спеку-

лянты, а действительно люди с не подошедшими им вещами. Таких быстро вычисляли и, если вещь хорошая, то, сбив цену, покупали для себя или для перепродажи.

Но серьёзные спекулянты не стояли на Еврейском базаре, они ходили по домам богатых клиентов, принося купленные в «Берёзке» товары. Или, наоборот, клиенты, зная время приезда спекулянтки, простите, поставщика, приходили к ней, чтобы первыми выбрать нужные вещи. Существовал также огромный рынок поддельных товаров, ребята покупали в Новороссийске джинсу, нитки, лейбы и прочую фурнитуру, шили дома джинсовые брюки и куртки почти не хуже «зарубежных аналогов». То, что не смогли сделать власти, закрыть Еврейский базар, само собой прекратилось.

Экономика живёт по своим законам. После развала Советского Союза появилась возможность ездить по всему миру, привозить товары и продавать их на специализированных рынках официально. Страна наполнилась едой, ширпотребом и эксклюзивными вещами. Жаль только, что не производят сами, а везут из Китая, Турции, Польши, обоготая и поддерживая их производителя.

Недавно увидел в You Tub(e) репортаж Олега и Фатимы, который назывался «Еврейская Колонка». Они молодцы, добросовестно показывали дома и улицы Колонки, но весь комментарий Олега сводился к тому, что знаменита Колонка Еврейским базаром, где можно было купить всё. И к этому он возвращался вновь и вновь, и я понял, что в памяти народов – соседей мы остались мелкими торгашами и спекулянтами. Не выдержал и написал в комментариях: «Торгашами и спекулянтами были максимум 5%. Основная масса евреев была – рабочими, кустарями (шили кожаные куртки, шубы, шапки, сапоги, модельную обувь, выделывали все виды меха и кожи), учителями, врачами, офицерами МВД, армии и флота, преподавателями техникумов и ВУЗов, предпринимателями, депутатами города и республики, раввинами».

Кстати, на месте поликлиники была красивейшая синагога, построенная ещё до революции на пожертвования евреев и разрушенная в 60-е годы «родной» советской властью. Наши купцы Ханукаевы, Шауловы, Ифраимовы и Ашуровы владели первыми

магазинами в сл. Нальчик. Они были фуражирами царской армии. К сожалению, в глазах ваших предков мы были такими же мелкими торгашами, т. к. в верхние селения добирались «торговцы мелочным товаром», те же 5%.

Тогда, правда, большую часть составляли куسرائи-ремесленники. Мы и за границей преуспели: работаем на заводах, имеем магазины, лечим, обучаем, служим в банках, офисах, в хайтеке, создаём и продаём стартапы и пр. Но часть души, вместе с могилами предков остались там. Но всё равно, ребята, спасибо за репортаж».

ДАНИЛОВА СВЕТЛАНА АРОНОВНА

В Еврейской Колонке, начиная с 70-х годов не было ни одного человека, кто бы не знал её. Известна она и среди значительной части современных горских евреев, живущих во всех уголках земли. Её жизнь и вся работа являются неотъемлемой частью новейшей истории Колонки. С одной стороны (материнской) она является внучкой энциклопедически образованного просветителя горско-еврейского народа Гилядова К. И. и правнучкой купца второй гильдии Ифраимова К. А. Но она была также дочерью партийного функционера, заместителя командира батальона кавалерийского полка, награждённого орденом Красной Звезды и медалью за Оборону Одессы, истинного коммуниста «до дней последних донца». Видимо поэтому она была столь противоречивой и неоднозначной фигурой. Я пишу очень кратко и однобоко, «со своей колокольни» поскольку знаю её со своего детства. Однажды, после занятий литературного кружка при колонской библиотеке, мы разговорились с Ханукаевой Аней, большой любительницей поэзии и, продолжая разговор зашли к ним домой. Её мама Ольга Камуиловна была моим учителем литературы и тётей Светы. Она пришла проведать тётю и с удовольствием присоединилась к нашей дискуссии.

Нашими кумирами были Е. Евтушенко, Р. Рождественский, А. Вознесенский, а я уже знал и любил запрещенный «Серебряный век». В общем, наш разговор перешёл на политику. Я был самым младшим в компании, только что закончил пединститут, при этом являлся «страшным диссидентом» и антисоветчиком.

Я говорил, что все идеалы коммунизма и социализма ложь и обман, современные вожди идиоты и маразматики, а «Великий Ленин» – лжец и мистификатор, не выполнивший ни одного из своих лозунгов. Спорили до хрипоты и изнеможения, а потом Света вдруг осознанно и чётко сказала: «Но ты ведь враг! Валера, ты враг Советской власти!» Аня испуганно перебила её: «Света, ты что? Это же наш Валера!» И коммунист Света поняла своей еврейской душой, что может я и враг, но не ей. Мы одной крови. И, запыхтев, мы разошлись с миром. Вся её жизнь – эволюция от коммунистических идеалов отца, до современного демократического, толерантного, высококультурного взгляда на действитель-

ность. Но главной чертой её характера, стержнем всей её необыкновенно яркой жизни является неистовое служение своему маленькому народу, горским евреям, простите за пафос.

В 1962 году она выбрала тему дипломной работы «Этнография горских евреев КБАССР». А более широкий вариант «Горские евреи г. Нальчика» стал основной темой, смыслом её жизни и политической карьеры. После окончания университета она стала преподавать эстетику и историю в профтехучилищах. Быстро стала методистом в системе профтехобразования, но, я думаю, что родство с управляющим профтехобразования Ифраимовым Б. Х., а они двоюродные брат и сестра (внуки купца Киина), поставило крест на её дальнейшей карьере в этом ведомстве. В 70-е годы она пишет статьи в республиканских газетах, готовит передачи на республиканском телевидении, тормозит власти, и напоминает им о существовании маленького субэтноса, тогда нас называли татами, настаивает на нашей самобытности.

Она доказывает, что мы коренные жители КБАССР со своей самобытной культурой. В день выхода телепередачи, вся Колонка замирала у экранов телевизоров, наслаждаясь песнями на родном языке, танцами ансамбля «Харс».

А потом пришла «перестройка», а с нею вырос интерес ко всему национальному. Она выдвигается кандидатом в депутаты Верховного совета КБАССР на альтернативной основе и с блеском побеждает. Её депутатский мандат даёт ей широкие возможности, и она их умело использует. Под её руководством открывается общественно-политический и культурный центр «Товуши». Света объединяет вокруг себя талантливых помощников и единомышленников: музыканта Ташаеву И, М. (благословенна её память), балетмейстера Ифраимову Н. Р. (Надежду Борисовну) и Асадову Светлану.

Очень много славных дел было совершено благодаря всем этим людям. О еврейских детях из г. Нальчика заговорили не только в Республике, но и во всех еврейских организациях СССР. Свету выбрали во все российские и международные еврейские организации. Все её выступления, статьи, лекции эмоциональны, выразительны, метафоричны, духовны и личностны (редкое умение пропускать всё через себя). Её главный лозунг: «Спешите делать добро». Одна из отличительных черт её характера, готовность учиться, умение впитывать и перерабатывать информацию,

приспосабливать её к реалиям дня. Однажды я зашёл в «Товуши» поболтать со Светой, ведь это всегда интересно. Но в одной из комнат я столкнулся со странными людьми. Это были сладкоречивые иеговисты со своими брошюрами на русском и на иврите типа «Слушай, Израиль!». Поняв кто передо мной, я начал наезжать на них, разбивая их «тухлую» аргументацию. Закончил я тем, что сказал им, что мы, евреи у них как кость в горле – пока есть мы и наша Вера, всё их учение жалкое подобье, поэтому каждый не сильный в вере еврей, перешедший к ним, является для них большой победой. Здесь еврейский культурный центр и им здесь делать нечего!

Получив отпор, они ретировались, и тут из своего кабинета вышла Света и сказала: «Валера, ты молодец! Как здорово и аргументированно ты их отшил! А я простодушно подумала, может они помогут центру финансово, ты ведь знаешь, мы боремся за каждую копейку, да и добрые они с виду, о нас пекутся. Но отныне их ноги не будет в центре». И она строго настрого запретила пускать их в «Товуши».

Я рассказал рабби Мордехаю об этом эпизоде. Он ответил: «Эти уроды и ко мне приходили, а я их так погнал, что мало не покажется. Но беда, что они ходят от дома к дому, и многие соблазняются и начинают ходить на их собрания. Советская власть, будь она неладна, превратила наших евреев, моих и твоих ровесников, в неверующих ни во что людей, а это для них самый благодатный материал». Рабби Мордехай оказалась прав, очень многие люди и даже целые семьи стали в то время «Свидетелями Иеговы». Они живут в Америке, России, Германии и даже здесь, в Израиле. Есть среди них и мои родственники. По галахе они ещё евреи, но кем будут их внуки и правнуки?

Наступили лихие 90-е, власти на местах и в центре ослабли. В наступившем торжестве беззакония и беспредела со стороны всех против всех, Света пыталась спасти общину, сохранить её, но силы были не равны и жизнь распорядилась иначе.

Это отразилось в горьком названии, составленной ею книги: «Исход горских евреев: разрушение гармонии миров». Я только здесь, в Израиле понял насколько важна эта книга, где записаны бесхитростные, зачастую корявые, ответы стариков и старух Еврейской Колонки на вопросы простой анкеты. Это бесценный материал по истории Холокоста, а также зафиксированные

этнографические факты. Всем своим утверждениям, которые я знал, я находил подтверждения в этом сборнике.

Ещё более важной книгой является изданный в 1999 г. сборник архивных материалов «История горских евреев Северного Кавказа в документах (1829 – 1917)». Благодаря выходу в свет этой книги, мы не остались архивной пылью Республиканского Госархива, а стали зафиксированным историческим фактом Мировой Истории, говорю об этом со всею ответственностью. Поэтому низкий тебе поклон и большое спасибо, моя старшая сестра, ибо таковой я всегда считал тебя. Я не ставил целью перечисление всех твоих дел, статей и книг. Сказал, как хотел и как смог.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА

Я приближаюсь к новейшей истории Колонки, её расцвету и неминуемой гибели. Всё это происходило с нами, на наших глазах, и писать об этом труднее всего, ведь все, кому сегодня 40 – 90 лет жили в этом и очень активно участвовали. В 1969 году я уехал учиться в Смоленск. Отработав после учёбы в пединституте 4 года, я вернулся домой лишь в 1979 г. За 9 лет моего отсутствия Колонка сильно, до неузнаваемости, изменилась. Изменения эти были необратимы и росли, как снежный ком. Виной этих изменений стали, появившиеся в начале 70-х цеха лёгкой промышленности. Они были разными, но в основном пошивочные и вязальные. Один мой хороший знакомый, сидевший в своё время за цеховые дела, сказал, что в конце 50-х Ифраимов Арон с двумя партнёрами из Армении, первым в республике, открыл цех по производству лакированной обуви (была такая мода, а кустари не могли удовлетворить спрос). Я хорошо знал и очень любил дядю Арона, дружен с его детьми. Он в 16 лет ушёл добровольцем на фронт, был несколько раз ранен, контужен имел боевые награды. Я помню, как-то в порыве откровенности (я уже был достаточно взрослым) он сказал:

«Это, вначале, ты идёшь из пацанского героизма, по глупости, а потом всё, пи... – двери закрываются. И ты не можешь уйти обратно. Мне повезло, я выжил и вернулся.» Он и в гражданской жизни был отчаянно храбр, дерзок, открыт, любитель шуток и весельчак, пользовался среди земляков большим авторитетом. Умер в Израиле, похоронен в г. Сдероте, благословенна его память. Так вот, первый двухэтажный дом из рванного туфа в Нальчике построил дядя Арон. Этот дом и сейчас стоит на ул. Захарова, рядом с ул. Суворова. Власти хотели конфисковать этот дом, была судебная тяжба, но дом дядя Арон отстоял. Он, как водится, тоже сидел за цеховые дела. Следующими «цеховиками» (в дальнейшем без кавычек), так во всяком случае считают мои ровесники, в прошлом тоже цеховики, были Раханаев Павлик (Папа) и Дигилов Владимир (Ладим), открывшие в 1969 г. на свои деньги небольшую трикотажную фабрику, которая подчинялась Министерству местной промышленности.

В 70-х годах цеха стали появляться, как грибы после дождя. В цехах производились футболки, спортивные брюки и костюмы

из эластича, носки, женские трусики (помните знаменитые «недельки»), мужские рубашки, женские блузки, большой ассортимент вязанных вещей из объёмки и пр. Всё это уступало далёким зарубежным аналогам, но было значительно лучше советского фабричного ширпотреба и пользовалось бешеным спросом. Сами «цеховики» зарабатывали большие деньги, но и люди вокруг них стали жить лучше. Простая швея в цеху получала в 2 – 3 раза больше чем на госпредприятии. К

роме того, появился целый слой населения, который стал зарабатывать большие деньги на реализации цеховой продукции – это так называемые «реализаторы» (в дальнейшем без кавычек). Реализаторами, как правило, становились или родственники, или надёжные друзья цеховиков. Они продавали товар, а накладную уничтожали. Ожили региональные базары, появились ярмарки, вокруг курортных комплексов на всём юге России возникли торговые точки, т. н. киоски, через которые проходил товар. Эти киоски стоили дорого, и были хорошим подарком сыну или зятю, ведь курортники раскупали и трикотаж, и бельё, и обувь, и меховые, и кожаные изделия.

Многие реализаторы забивали легковые автомобили товаром и везли их в Ставропольский край для перепродажи местным барыгам. Всё зависело от оборотистости реализатора, но зарабатывали все и по многу. В связи с этим вспомнился мне один курьёзный случай из моей педагогической деятельности. Ученик выпускного класса за 4 месяца до экзаменов перестал посещать школу. Не серый троечник, а хороший, способный ученик, на судьбу которого мне было не наплевать. Тем более, что он был, вдобавок, сыном моего одноклассника. Я вызвал его к себе в кабинет и стал убеждать закончить школу, доучиться и получить «Аттестат зрелости», т. к. это нужный документ, и он пригодится хоть здесь, хоть в Израиле.

Он стоял, опустив голову, молча слушал, а потом поднял на меня хитро прищуренные глаза и спросил, улыбаясь: «Валерий Павлович, сколько Вы получаете в месяц?», – и услышав, что 250 рублей, сказал: «Я и мой товарищ нанимаем пикап-жигули, с водителем кабардинцем, загружаем его доверху товаром. Я беру у отца, он у своего дяди. Едем на базар и за один день торговли делаем Вашу годовую зарплату. Торгуем 4 раза в месяц. А «Аттестат» настоящий я куплю за 100\$, вот и весь расклад. «Но ведь

это не будет продолжаться вечно, сынок! Ты едешь в Израиль, там нужны профессия, знания.» «Я не собираюсь учиться, а знаний и денег мне хватит, чтобы открыть свой бизнес. Он живёт в Израиле предприниматель средней руки, помог встать на ноги брату, сестре, поддерживает родителей.

С приходом к власти М.С. Горбачёва, началась «перестройка», а вместе с ней, кооперативная и индивидуальная трудовая деятельность. Достаточно было купить патент на производство любого изделия, и крутись, как хочешь; лишь в конце года дай «на лапу» налоговому инспектору, напиши с его помощью декларацию, заплати небольшой налог и живи спокойно. Вокруг владельца патента тоже крутилось много людей, не желающих связываться с властями. Они продавали владельцу патента свои изделия чуть дешевле, получая без риска свою часть прибыли. А тот уже вёз товар, свой и партнёров, по городам и весям, пристраивая в крупных магазинах, торгуя на базарах и ярмарках. В это время за патентами стали «прятаться» небольшие цеха по выделке мехов и изготовлению меховых и кожаных изделий, стал процветать шубный бизнес. Из нутрий, мутона (специально выделанных овчинных шкур), лис и др. меха шили шубы и полушубки.

Резкое и неожиданное обогащение большой массы евреев привело к строительному буму в Колонке. В период «развитого социализма», опасно было иметь большой дом, отсюда большое количество надворных построек: кухонь, навесов, сараев, бань и прочих «временок». Эти «временки» часто выполняли роль кустарных мастерских, в которых проводили весь свой рабочий день кустари. Там были потайные места, куда можно быстро спрятать инструмент, сырьё, готовые изделия. Работающий сидел напротив низкого окна, в которое хорошо видна калитка, и непрошенный гость не мог стать неожиданным.

Теперь старые постройки разрушались, а на их месте возникали двухэтажные особняки с полуподвалом на всю площадь дома, с резными колоннами, лепниной, мраморной облицовкой и прочими архитектурными излишествами. В Колонке стало тесно и люди покупали дворы с домами под снос, для последующего возведения особняка. Цены на жильё резко возросли. В это время многие русские семьи, державшие нос по ветру, продавали свои домики с большими дворами и покупали хорошие дома в Краснодарском и Ставропольском краях.

Власти разрешали строить всё и люди строили! Во время предвыборной компании во времена «перестройки», один из кандидатов в депутаты вдохновенно призывал: «Я за то, чтобы разрешили строить свободно! Стройте, евреи! Ведь большой и красивый дом – это национальное достояние республики. Дом, построенный на века, с собой не увезёшь ни в Израиль, ни в Америку, его купят и будут жить в нём долго и счастливо другие!» Ничего не скажешь – провидец!

Во времена позднего застоя цеха были полулегальны, а их хозяева могли неожиданно сесть и садились, получая реальные сроки. Но система сгнила и давала сбои, а люди готовы были рисковать и рисковали. Заработки были, в основном, за счёт завышения расхода материала, за счёт умелого использования, так называемого «мерного лоскута», который мог быть, за небольшую взятку, строго нужного размера.

Основной заработок давал «перекол»: ребята производили дорогие изделия для взрослых, а в отчётах писали дешёвую детскую одежду. Особенно высокую прибыль приносили «левые» ткани, они давали 100% прибыли. Зарабатывали небольшие деньги и на «мёртвых душах» – люди отдавали свои «трудовые книжки» и приходили раз в месяц расписываться в ведомости: им – стаж для пенсии, а «добродетелю» – чистые денежки. Казалось, так будет всегда, ведь цеховики покупали всех. В бане, уже здесь в Израиле Саша, смеясь рассказал такой случай: В ресторане сидят евреи – цеховики и все районное начальство от секретаря райкома партии до главного прокурора района.

Шикарный стол, оплаченный цеховиками, веселье, тосты, здравицы и вдруг встает главный прокурор района и спокойно глядя в глаза ребят, говорит: «Я вас всех вижу в тюремной камере». Наступила неловкая и долгая тишина, которую неожиданно разрядил Миша: «Конечно будешь видеть! Ведь сидеть будем вместе!» Гомерический хохот разрядил обстановку.

Массовое и неожиданное обогащение дало плачевные результаты, и для детей, и для всей Колонки. Прежде всего о детях: резко упала мотивация обучения, образование стало казаться ненужным, необязательным, ведь учителя, врачи, инженеры были самой низкооплачиваемой категорией, а люди с минимальным образованием вдруг стали зарабатывать «бешенные бабки».

Мало кто понимал, что безвременье закончится и жизнь опять потребует знаний, умений, профессионализма. Учителей, как носителей знаний, перестали уважать, часто дерзили, оскорбляли в лицо. Очень трудно было всем моим коллегам, и сильным учителям, и средним, а для слабых работа превратилась в ад. Видя несоответствие затраченных усилий с результатами усвоенных знаний и, главное, с уровнем оплаты этих усилий, упала мотивация работы учителей. Некоторые смирились с ситуацией, опустили руки, стали брать подарки, завышали оценки, шли репетиторами к своим же ученикам. Общий уровень обучения упал.

Но, к счастью, были учителя, которые честно выполняли свой долг, боролись за качество обучения, дисциплину, не занижали своих требований и давали знания тем, кто хотел учиться. Благодаря им, здесь в Израиле, да и в Америке выросла целая плеяда умных, европейски образованных ребят, ставших прекрасными управленцами, политиками, менеджерами, клерками, учителями и просто хорошими и успешными людьми. В то же время многие школьники подсели на наркотики, превратив свою жизнь и жизнь близких в ад. Это была почти катастрофа, я считаю, что от вырождения нас спасла аллия.

Неуважение к тем, кто хуже тебя одет, стало нормой. Девочки соревновались в надевании дорогих нарядов, золотых и бриллиантовых украшений, мальчики хвастали количеством наличных в карманах, крутой аудио и видеоаппаратуры, всевозможных игровых видео приставок. Шикарные костюмы, дорогие туфли стали необходимыми атрибутами старшеклассников.

Я с грустью вспоминаю вопиющий случай, происшедший в нашей школе. Ко мне пришли плачущие первоклашки и сказали, что восьмиклассник Гранд купил в буфете все пирожки и пончики, оставив их голодными. Я выяснил, что он скупил всё содержимое буфета, накормил своих одноклассников, угостил старшеклассников, а остальное они порвали и залили кефиром. Для меня и директора школы это явилось настоящим шоком. Я выгнал мальчика из класса домой и сказал, что буду разговаривать только с его отцом, крупным бизнесменом. С учениками я провёл беседу, сказав, что недопустимо смотреть, как на ваших глазах совершается подлость. Вы повели себя, как мерзавцы! Ведь ваши младшие братья и сестры остались без еды!». «А что, нам надо было отказаться от угощения?!» – «Да! И остановить

его! Ведь он подлец и настоящая тварь!», – я не стеснялся в выражениях, меня всего трясло. Прибежала мать в слезах, но я выгнал её. А когда пришёл отец, то и я, и директор, в один голос потребовали, чтобы он перевёл своего отпрыска в другую школу, иначе мы напишем письмо в его парторганизацию и министерство. Он тут же выполнил наше требование и перевёл сына в другую школу.

Но главная беда была впереди, она набухла исподволь, нарывала и прорвала гнойным потоком рэкета, бандитизма, беспредела. Беда шла ото всюду: от «стражей порядка» всех уровней: милицейские, судейские, прокурорские, КГБешные, рубоповские – все требовали дани. Бандиты, воры в законе и всякие отморозки, путём избиений, угроз, похищений, убийств требовали деньги, в виде регулярных взносов, отжимали часть бизнеса, входя в долю или вообще отбирали бизнес.

А тут ещё появились националисты, вернувшиеся из «горячих точек», в камуфляже и с оружием. Все хотели «доить», крышевать, просто грабить и отнимать. Сколько моих родственников и друзей пережили ужасы похищений, избиений, отрезания пальцев. Люди вывозили детей за пределы республики, нанимали личную охрану, у всех дома было личное оружие, да что толку, ведь ты не знаешь в кого стрелять и от кого обороняться. Потому, что если взяли тебя в оборот, то выход один – спрятать детей, оформить заграничные паспорта и марш-марш за кордон с теми крохами, что сумел спасти. Продать дома было очень трудно. Теперь они наоборот упали в цене, ведь люди массово и срочно продавали свои дома.

Все нотариальные конторы в республике были под колпаком у бандитов: либо запуганы, либо на ставках, а скорее всего, сначала, запуганы, а потом подогреты небольшими суммами. То же самое было и с БТИ. Они – то и сливали все сведения о сделках по купле – продаже недвижимости, и уйти от прессы бандитов было очень трудно. В пик массовой алии под это беспощадное колесо попадали и бедные люди, продавшие свой домик за 5-6 тыс. долларов, отбирали и у них.

Обратимся к воспоминаниям из книги «Исход». Вот что говорит Бесирит Ашурова об отношениях с местным населением: «Племянника мужа ограбили. Их побили. Уехал в Израиль. А так

живем дружно. А почему все уехали? Потому что у сестры ребенка украли. Еле выкрутились.» Дадим слово Жене Бизровой: «Второй сын – Руслан женат на еврейке. Купил дом на нашей улице, но не дали жить, и он уехал в Израиль... Дочку выдала за еврея, была хорошая свадьба. Ему тоже не дали нормально жить. Взрывали его дом, и милиция ничего не сделала, чтобы остановить это...

Воровали детей и просили выкуп. Евреи продавали свои дома, и этого не хватало, чтобы заплатить. Воровали жен, мужчин. Такой случай был. Продал еврей дом, и те, кто купили, прислали бандитов, чтобы эти деньги отобрать. Пытали хозяина дома, чтобы деньги отдал. Вырывали ему ногти на ногах. Он все отдал, и они нищими уехали в Израиль. Делали еще так: пытали горячим утюгом, чтобы документы на дом подписывали для них, и многие подписывали». А вот что говорит Елизавета Назарова: «Многие уехали, потому что работы нет. Кто работал в цехах – ограбили. Вот недавно дом ограбили. Все забрали и хозяев избивали. На улице Тимошенко. Из одного цеха забрали 30 машинок и все полотно. Евреям не дают развиваться».

Хочу заметить, что в 90-е годы появился новый вид кооперативов и разных торговых фирм ООО, которые ничего не производили, но массово закупали за рубежом всё: от еды и ширпотреба, до самого дорогого эксклюзива. Рынки страны наполнились невиданными доселе товарами и надобность в цехах отпала сама собой. Открывали эти ООО уже не евреи, т. к. часть жителей Колонки уже жила в других городах России, большая часть в Израиле и других странах. Так закончилась история уникального района. Конечно, евреи еще живут в Нальчике, и все по привычке называют этот район Колонкой, и есть там красивая синагога со своим раввином, но улицы носят новые имена, а новые хозяева строят еще более богатые особняки, пусть будут счастливы в них на своей земле.

КАК Я СТАЛ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ

Читатель может сказать: «Легко тебе рассуждать, ты не пережил того, что пережили мы. Поэтому я заканчиваю свой рассказ о еврейской Колонке своей личной повестью. Вот она перед Вами, дорогие читатели без единого слова лжи. Чем лучше жила Колонка, тем ниже опускался уровень благополучия моей семьи. Я завуч школы и жена врач вместе мы получали около 500 рублей в месяц. Мы медленно погружались в бедность, граничащую с нищетой. Не могли мы больше жить на государственную зарплату. Мой троюродный брат и лучший друг Гена Гилядов, выбравший меня в друзья, несмотря на разницу в возрасте в девять лет, исподволь подготавливал меня к переходу в новое качество. Гена был особым человеком, испробовавшим в жизни все: то он работал в экспедиции, то заведовал овощным магазином, был рабочим, сторожем, а потом стал кустарничать. Он выделывал мех, потом стал шить меховые шапки, а потом и шубы. Поняв, что семейный подряд не дает нужной прибыли, он привлек работниц и открыл у себя дома маленький цех.

Главной его любовью были горы, мы вдвоем и в группе прошли немало перевалов и вершин, забрались и на Эльбрус. Мы любили слушать песни Булата, Камбуровой, Галича, читали стихи поэтов «серебряного века». Так вот, вначале, он попросил меня помогать нашему общему другу Ашурову Семену возить два раза в месяц в Москву на реализацию спортивные костюмы. Летели самолетом в субботу, а возвращались в воскресенье вечером. За поездку Семен мне платил 200 р., в месяц выходило 400 р., неплохая прибавка к зарплате. Но денег все равно катастрофически не хватало. На помощь опять пришел Гена. Он дал мне шесть собачьих шкур, показал принцип кроя и сборки шапки, заставил раскроить, сшить вручную все шесть шапок, посадил за скорняжную машину, и когда я набил руку на сборке шапок, заплатил за работу по-царски и сказал: «Иди к Володе, двоюродному брату, и попроси, чтобы он собрал тебе собачьи шкуры.» Я так и поступил, чем удивил и обрадовал своего брата. Он сказал, что для меня он сделает все в лучшем виде.

Дальше события развивались стремительно, и я был увлечен потоком новой жизни. Мой младший сын Юра пошел в первый класс в 1988 году. Ему и его старшему брату, второклашке

Вове, мы давали по 10 коп. на буфет. Придя со школы, Юра, глядя мне прямо в глаза, спросил: «Папа, а что мы самые нищие в Колонке? У всех ребят по рублю, по три рубля, а у нас по 10 копеек.» Он употребил именно слово «нищие», как обухом по голове. Сжалось все внутри, сердце защемило, я готов был провалиться сквозь землю, но ведь он прав, и я ответил так же честно: «Сынок, в этой стране учителя, и врачи самые нищие люди, что поделаешь!» И тут же получил: «Так займись бизнесом, как все нормальные люди!» На следующий день меня обрадовала моя жена, сказав: «Не смотря на все наши предохранения, я вновь беременна, и у нас будет дочь, я уверена! Я дам ей имя твоей мамы – Нина. Но у меня есть условия: Ты бросишь курить немедленно! До рождения дочери, ты соединишь времянку с домом, причем все удобства будут внутри дома! И наконец, ты уйдешь с должности завуча и станешь зарабатывать, как все евреи!».

Я упал к ее ногам, как созревший плод. В тот же день бросил курить, разметил фундамент пристройки кухни – столовой и комнаты мальчиков. За неделю вырыл траншею, поставил опалубку, залил его сам бетоном, спасибо стройотрядовской молодости, во времянке разместил кубовую, ванную комнату и туалет. Все сделал своими руками, и даже плитку положил на пол и на стены. Пристройку мне поставил за месяц наш общий друг Шамилов Адик. Я пришел к Гене и сказал, что готов работать.

Директору школы Данилу Михайловичу сообщил, что ухожу с должности завуча, чем ввел его в шоковое состояние. Но он понял меня, уговорил остаться учителем на ставку и эти 18 недельных часов мне поставили в первые три дня недели, со среды до воскресенья я мог заниматься индивидуальной трудовой деятельностью, т. е. шить шапки. Я взял патент, тут Володя сказал, что собрал для меня сто собачьих шкур, и я могу приехать к нему на загопункт в Прохладный, чтобы забрать товар. Мы с Геней открыли фирму «Шарик». Наняли грузовик, привезли сто собачьих шкур, их Володя мне продал по себестоимости по 10 руб. за штуку. Мы выгрузили их во дворе у нашего троюродного брата Ильи.

Его двор был «заточен» на выделку любого вида меха, маленький домашний цех, в котором он горбатился, в свободное от работы время, выделывая овчины. Мы сняли его двор и за 24 часа «нон стоп» выделали все сто шкур, честно говоря, большую часть

работы сделал Гена. Через день я увез отвисшие на стеке шкуры и высушил их у себя во дворе. Потом я их сам осторожно, чтобы не порвать, отстрихолил, благо лопатка осталась от дяди Ефрема, и отвез в цех к Шагабаеву Семену, где он за 100 руб. их обезжирил в огромном барабане и вычесал на чесальной машине. Все лето я кроил и шил шапки, скорняжку дал мне Гена. Из ста шкур я умудрился сшить сто двадцать шапок. В сентябре я получил свой первый гонорар: с одного вложенного рубля я получил сто рублей прибыли. И завертелось колесо.

Я покупал в Чечне, в Знаменском у друзей Гены нутриевые шкурки, их продавали вязанками по десять штук, шил шапки, но сам я производил мало. На меня работали три надомника, которых передал мне мой друг Гена по – наследству: двоюродная сестра моей мамы Дина, троюродный брат мамы Михаил и Коля Ягудаев. Я брал у них шапки под реализацию, и вез все это в Москву в два Центральные Универмага, места эти мне тоже передал Гена и представил меня, как своего преемника по шапкам, а сам он полностью перешел на шубы.

Конвейер заработал без остановок, и я впервые стал зарабатывать реальные деньги, минимум тысяча долларов в месяц, а в сезон и больше, не считая зарплаты учителя. Мои партнеры шили шапки, не переставая, я их брал, отформовывал, стриг и отвозил на реализацию. Это был, своего рода маленький цех, в котором все риски я брал на себя и на свой патент, а партнеры спокойно работали, не покладая рук, нигде не светились, но отдавали мне шапки дешевле. Мои партнеры были благороднейшими людьми, в делах предельно честными и порядочными. Однажды Михаил дал мне четырнадцать великолепных шапок-обманок из редкого меха хонорика. Это помесь норки с хорьком. Эта красота обещала большой заработок нам обоим, но в аэропорту их украли, то ли при погрузке, то ли при разгрузке. Я рассказал Михаилу о случившемся и пообещал расплатиться в течение сезона. Он похлопал меня по плечу и сказал: «В работе всякое бывает. Благодаря тебе я три года живу спокойно – не боюсь и не дрожу. Верни цену материала и работы, а прибыль мы получим с других вещей». Я рассчитался за месяц, даже не напрягаясь.

Как-то моей жене захотелось иметь лисий полушубок, ведь мы теперь могли это себе позволить. Первым, к кому я обратился был Миша, родной дядя Тома, т. к. он работал по – заготовкам.

Но он мне отказал, сказав, что собирает лис на полушубок своей старшей дочери Лене, и показал мне небольшого корсака, рыжую степную лису. Я решил пойти к Володе, но по дороге зашел к Гене. Он отговорил меня идти к Володе и сказал: «Пойдем к твоему поставщику Коле Ягудаеву. Я знаю, ему охотники всю зиму лис приносят, он их выделывает потихоньку, а летом шьет шапки». Мы отправились к Коле и Гена произнес сакраментальную фразу: «Жена нашего друга Валеры Тома хочет сшить лисий полушубок. Коля, надо помочь другу». После секундной заминки, Коля, со словами: «Что нам лисы?! Хлам, если хочет жена друга!», – притащил пять мешков выделанных лисьих шкур. Он вывалил все это на пол комнаты!

Боже, сколько их было и какой красоты! Из них он сам выбрал мешок отборных крупных лис-огневок. Это были красные лисы высшего качества, с туго набитым подпушком, волнами растекающиеся при малейшем движении. Он сказал: «Отнеси это все Светке шубнице, пусть выберет нужное количество, остальное верни. Я продаю их тебе по себестоимости, плюс мой труд, ведь я сам их выделывал». Светка, увидев такой отборный товар, только ахнула от удивления и спросила, где я добыл такое чудо. С Тamarой они выбрали подкладку. Остаток лис я отнес Коле, заплатив за отобранные.

Полушубок вышел сказочно красивым, мех легко переливался, струился и светился при движении, притягивая взгляды всех прохожих. Перед отъездом в Израиль, мы вынесли эту сказку на базар в Пятигорске, и его тут же, не торгуясь, купили. Жизнь катилась своим чередом и докатилась: уехали один за одним мои партнеры, инфляция пожирала упавшее производство. На мое «счастье» из московской налоговой пришла на меня «телега», в которой указывались десятки миллионов рублей оборота, что привело в ужас налоговиков. Пришлось срочно купить справку для ОВИРа, что я ничего не должен государству и ускорить оформление документов. Потом они, там в Москве, пересчитали и пришли к выводу, что погорячились, не учтя инфляции, и я почти ничего не должен, но работать не хотелось. Р

ебята, работавшие на норковых шапках, подарили мне кучу норковых хвостиков, а шубники мешок треугольных вырезок от нутриевых животиков. Я смачивал хвостики, сшивал их на скорняжке и делал из этого элементы лицевой стороны шапки, а на

изнанку шли нутриевые животики. Получались красивые и дорогие шапки за бесплатно. Это был чистый заработок, который позволил мне прожить последний год моей жизни в России и благополучно уехать в Израиль.

Дом продан за двенадцать тысяч долларов по доверенности, которая составлена в Ставропольском крае, за день до отъезда, т. к. я понимал опасность нотариальных контор в КБР. В руках пачка денег, полученных в ночь перед отъездом, на руках парализованная тетя Соня, жена покойного дяди Ефрема, февральская вьюга и гололед крутой горки перед домом. Бессонная ночь с тремя друзьями: Геней, Семёном, соседом Асланбеком, Томыным дядей Васей и новым хозяином дома, с тремя заряженными пистолетами (я оставил их соседу). А утром, посыпав солью ледяную горку, поднимаем баулы в автобус, затем привязанную к стулу тетю Соню, садимся сами в ледяной автобус и едем – я, моя жена Тамара, моя шестилетняя дочь Нина (сыновья заблаговременно отправлены учиться в иешиву в Америку), тетя Пая, парализованная тетя Соня, тесть с тещей, мои друзья Гена, Семён и Сониная племянница Нина.

Везет нас Давыдов Шурик на своем автобусе. «Господи, прости меня!», – но я обращаюсь к Нине: «Мы продали дом, обратного пути у меня нет, ты понимаешь Нина!» Она кивает головой, и я продолжаю: «Если Соня умрет в дороге или до посадки в самолет, я не вернусь, ты понимаешь?» Опять кивок и боль в глазах. «Я продал дом за 12 тыс.\$ и Сониная часть составляет 4 тыс.\$.

Я так разделил между ней, Паей и мной. Я дам эти деньги тебе, и ты с честью ее похоронишь». «Не беспокойся, Валера, я все понимаю и сделаю как ты хочешь». Мы обнялись и заплакали. Так я уезжал.

Со стороны отца моя бабка православная гагаузка, дед хохол, уехавший на Алтай по Столыпинской реформе, ставший писаться русским; другие мои бабка и дед раввин горские евреи. Кто я, и как я связан с Россией и родным Кавказом?! Я рвал свои связи с взрастившей меня землей и уезжал в неизвестность, как тысячи моих соплеменников! Не было страха, не было ненависти, только боль от неизбежного. Свою историю я направил в это русло и не жалею!

РАССКАЗЫ ИЗ ДЕТСТВА

БАБУШКИН ДВОР

Дом моей бабушки, а звали её Тирсо, находился в конце улицы Козлова, под горой, недалеко от своенравной речушки Нальчик. Четыре окна с тяжелыми ставнями выходили на улицу и запирались на ночь ставнями с железными перекладинами, подвижная часть которых, сильно походившая на гигантскую машинную иглу, уходила сквозь дыру в раме внутрь дома.

В отверстие «иглы» вставлялся гвоздь, лишая потенциальных воров возможности вынуть перекладину и открыть ставни. Ещё был чердак – мой маленький «остров сокровищ». Там на чердаке, под стропилами в деревянных футлярах на бархатных лужах лежали ножи: большие и маленькие, значение которых мне вначале было непонятно. Ещё, под стропилами лежали коробочки со старыми стершимися от времени ремнями. На этих загадочных кожаных коробках были вытеснены неведомые мне знаки.

Наш двор. Я, бабушка, дядя Ефрем и соседи.

Позже я узнал, что вещи эти принадлежали раввину Амирову Юханану сыну Боаза, который был мужем моей бабушки, а значит моим дедушкой. Я узнал, что ножами он резал птицу, овец, коз и коров. На Кавказе рав был также резником и мозлем.

А загадочные коробочки оказались филактериями, проще говоря, тфилинами, пришедшими ко мне из 19 века. Их надевал по утрам в будни мой дед, исполняя заповедь: «И повяжи их на руку свою, и будут они знаками посередине надлобья над глазами твоими». Но это было потом, а пока я был кавалеристом, абреком

и скакал с обнаженным оружием, перепоясанный ремнями, с болтающимися на них тфилинами. Не менее загадочным и увлекательным был огромный, около сорока метров в длину, двор со всевозможными надворными постройками, штабелями дров, досок, грудями камней для мифических строек, зарослями малины, калины, топинамбура, хрена, плодовых деревьев и ягодных кустов. Все это беспорядочно росло, валялось и дыбилось.

А в этом хаосе бродили куры, утки, гуси и даже индюки. Я устраивал засады, строил баррикады, ел бесконечные абрикосы, сливы, алычу, айву, воевал с курами и петухом. Особенно вкусными были только что снесенные теплые яйца, прямо из гнезда. Я отколупывал скорлупу и выпивал это счастье, наслаждаясь каждым глотком. Но счастливую жизнь мне отравлял огромный индюк. Эта мерзкая птица возненавидела меня, пятилетнего мальчишку, приехавшего на лето к бабушке и нахально вторгшегося в его владения. Он все время норовил меня заклевать. И однажды – таки коварный индюк подстерёг меня на свою беду. Распустив веером хвост, повернувшись ко мне боком, он стал медленно наступать. Его страшный клёкот, болтающиеся серёжки и борода пугали меня, а изогнутый клюв, когти и шпоры ввергли меня в ужас. Но отступить было некуда, я был прижат противником к закрытым воротам. Отчаянно махая прутиком, издавая жалобно- воинственные крики я обреченно пытался обратить противника в бегство, но все было напрасно. Этот хвостатый ужас взлетел надо мной, ударил меня грудью, сбил с ног и стал клевать меня в голову...

На нечеловеческие вопли выскочила вся семья. Меня отбили и грязного, окровавленного, в слезах, соплях, орущего как

иерихонская труба, повели умыться под дворовый кран. Дядя Ефрем, тишайший, добрейший человек, в жизни своей никого не обидевший, молча загнал индюка в сарай, связал ему ноги и, загнув в огромную сумку, поволок его в нимаз (синагогу). «Я не хочу, чтобы этот индюк сделал из ребенка калеку», – сказал он погрузневшей бабушке.

СМЕРТЬ ПИОНЕРА

«Что вы сегодня читаете по Родной речи?» Мне неохота читать, я небрежно бросаю перед своим дядей учебник и говорю: «Сто сорок пятая страница. Читай сам, если хочешь.» Читает он бегло, захлеб, глотая буквы, но прочитанное понимает прекрасно и, пересказывая, всегда дает чёткие, мудрые комментарии. Может быть поэтому я люблю читать и всегда вижу перед собой картинку событий, как мой дядя. Он начинает с заголовка: «Павлик Морозов», затем молча и с интересом рассматривает рисунки, изучает объём рассказа и приступает к чтению своим негромким голосом, с легким придыханием, так как ему не хватает воздуха. Мы все его очень любим, жалеем, помогаем, ведь он инвалид войны. У него осколочные ранения в ноги, спину, контузия и обморожения. В жизни своей он был колхозником, охранником, но никогда не работал в субботу.

А ещё он был кустарем и мастерски выделывал кожи, меха, за что «родная» советская власть посадила его на два года, срок небольшой, потому что участник войны и инвалид. Своих детей у него не было, и он все время помогал своим племянникам и племянницам. Он читает простенький рассказ о герое-пионере и вдруг восклицает: «Ире Худо зено! Пусть поразит его Бог! Хуней бебеюре хэраб сохдейге! Разорил дом своего отца! Гьозуни эз дедюш мегердо! Пусть такого мать не родит! Бебей хуьшдере фурухдей, э тусногь дешендей, гьеме кифлете э гиснеи деиштей! Продад родного отца, в тюрьму отправил, всю семью заставил голодать!» Мой дядя в гневе отбрасывает книгу, с тревогой смотрит на меня и спрашивает: «Валерик, ты сможешь продать меня, что я кожу делаю? Меня посадят в тюрьму.» Он смотрит на меня внимательно своими карими глазами и ещё раз говорит: «Как честный пионер, ты должен рассказать милиции, что я тайно работаю дома, ведь Павлик Морозов также поступил. Правда, родителей

его за это отправили в Сибирь. Они там, наверное, умерли. Оттуда редко кто возвращался.» Увидев в глазах дяди тоску и безысходность, я ужаснулся и светлый образ героя-пионера вдруг померк для меня навсегда. Он не мог быть для меня примером. Я люблю своего дядю, всех родственников, их счастье и благополучие мне дороже химер. Я обнял дядю, потёрся о колючую щетину его щеки и заплакал. Простой еврей с трёхклассным образованием раз и навсегда решил вопрос, на чьей я стороне. Он заставил меня задумываться, задавать вопросы, понимать казенную ложь и фальшь парадных фраз.

В БАНЕ

Нынешняя молодежь не знает, но в городах бывшего Советского Союза мало у кого в домах были ваннные комнаты, и большинство народа ходило один раз в неделю в общественные бани. В каждом районе была своя баня. Еврейскую колонку обслуживала, стоящая на крутом обрыве реки Нальчик, старая, не очень удобная, довольно грязная Баня № 2. Она состояла из котельной, мужского и женского отделений с влажными парилками и общего зала ожидания, внутри которого располагалась застекленная будка кассира. Входной билет стоил 15 копеек. А во дворе находился пивной ларек с вечной очередью, вожаемое место всех мужчин. Общая баня – высшее воплощение социалистической демократии. В ней купались ученики, учителя и даже сам директор 10-й школы Михайлов Семен Аронович, купались члены партии и беспартийные, друзья и враги. Голые они становились совсем другими, неожиданно простыми, незащищёнными, легко ранимыми. Общий гвалт, смех, шутки, ругань были в общем зале ожидания. В раздевалке страсти утихали, здесь сидели после парилки, пили пиво, которым приторговывал банщик, тихо беседовали, раздевались только что пришедшие, а искупавшиеся выходили из дверей купального зала с криком: «Банщик, открой двадцать пятый!».

В раздевалке у тебя был свой шкафчик, номер которого ты должен был запомнить. На шкафчике стоял оцинкованный тазик, который купальщик брал с собой в помывочный зал. Замка на дверце шкафчика не было, ты просто захлопывал на внутренний пружинный засов и уже не мог открыть без помощи банщика.

Он легко проделывал это, засовывая крючок через отверстие в дверце. В купальном зале наступало сосредоточенное затишье. Разговоры спокойные, по интересам, мысли сосредотачивались на собственном теле, которое нужно было отмыть к шабату. Здесь царила взаимопомощь: сосед тер спину соседу намыленной мочалкой, пожилому молодые приносили в тазике воду, а дети, не слушая отцов, бегали, плескались и визжали от удовольствия.

Я обожал банный день, маленький праздник жизни и ждал его с нетерпением. В баню меня водил мой дядя Ефрем, в доме которого мы с сестрой и мамой поселились.

Мы брали холщовую сумку, куда тетя Соня аккуратно складывала чистое белье, две мочалки, хозяйственное и душистое мыло, дядя брал свою палочку, и мы бодро шагали в баню. Я очень любил этого тишайшего, добрейшего, бескорыстного человека. Его любили и родственники, и соседи. Он был инвалидом войны и, поскольку на пенсию прожить было нельзя, он кустарничал. Покупал овечьи и козьи шкуры, из овчин выделывал мех для курток, сапог и перчаток, а из козьих шкур лайку и хром для модельной обуви и плащей. Всё это делалось в подвале под полом, при свете керосиновой лампы, а вход в подполье закрывался большим сундуком. Воду носили ведрами, превращая и без того трудную работу в адскую. Но об этом как-нибудь в другой раз. Вернемся к рассказу о бане. Однажды в очередной банный день мой дядя не смог пойти, толи был занят, толи занемог. Тетя Соня поставила большой медный таз в центр комнаты и сказала, что искупаться можно и дома. Я страшно огорчился, вопил, что никогда не полезу в таз, убегу из дома и выбил – таки пятнадцать копеек и разрешение идти самостоятельно. Схватив сумку с бельём, мочалкой и мылом, я стрелой полетел в баню.

Дождался очереди, разделся, зашел в купальный зал и потерялся. Зал казался огромным, люди были все незнакомые. Я подошел к крану, набрал воду в грязный тазик и, тупо глаза по сторонам, стал лениво плескать на себя воду. Сколько так продолжалось я не помню, но тут ко мне подошел низенький старичок с бородкой клинышком.

Он спросил, чей я и после долгих расспросов докопался до моих корней. Он выплеснул воду из моего тазика, помыл его,

ошпарил кипятком, наполнил теплой водой и, что-то приговаривая, стал меня осторожно, но тщательно купать.

Дважды вымыл мою лохматую голову, поставил меня на лавку, растер всего мочалкой, помыл попку, пипку и ноги. Окатил несколько раз чистой теплой водой, покрутит меня, осматривая со всех сторон, еще раз облил водой, удовлетворённо крикнул, повернул лицом к себе и приподняв пальцем мою «мужскую гордость», сказал на нашем языке: «Э Тирсо келе дедейтуь гу, тенмере рабби Нахъмиил шушдей. И танкултуьре, глэйл, ме бурурум», – и довольный собой, добавил: «Рач бурурум!» «Скажи своей бабушке Тирсо: Меня (досл. мое тело) выкупал рабби Нахамиил. Эту твою танкулку я обрезал», – и, довольный собой, добавил: «Красиво обрезал!».

Дома я с гордостью рассказал бабушке о случившемся и услышал её причитания: «Вой эриме! Глэйб шермендей эз рабби Нахъмиил! Ичу хэри ту, Ифреим, чутам гьурсорей глэйле тэхьно э хомум, сэхьибсуьз нисдиге у! Ебош месох гьезуни коре! «Вой мне! Стыдо перед рабби Нахамиилем! Какой ты дурак, Ефрем, как ты ребенка одного отправил в баню, он же не беспризорный! Никогда так не поступай!».

Это была моя первая осознанная встреча с рабби Нахамиилем Амировым, нашим дальним родственником. Я до сих пор помню тепло его ладоней, искрящиеся смехом и лаской умные еврейские глаза.

О книге Валерия Амира «Еврейская Колонка»

Книгу о жителях еврейского квартала Нальчика автор задумал давно. Что его побудило к этому?

Во-первых, он коренной житель Колонки, который там родился и прожил большую часть жизни, во-вторых, это те знания, которыми он обладает, и которыми хочет поделиться с окружающими, в-третьих, ностальгия, которая присуща всем эмигрантам. Валерий Амир пишет все максимально откровенно, как это было на самом деле, поэтому его произведение читается с большим интересом. Учитель французского и немецкого языков по образованию доносит до нас все простым и понятным языком. Читатель становится на некоторое время жителем колонки, поселившись где-то на улице Рабочей или Горшечной, он становится учеником 10-й школы, посещает свадьбы, обрезание, а когда возникает необходимость и похороны.

Тем более, что многих жителей мы прекрасно знаем. Исай Иллазаров, Герой Советского Союза навеки прославил свой родной город Нальчик и 10-ю школу, в которой учился. С.А. Данилова – общественный деятель, историк, отстаивала права членов своей общины. И сегодня, живя за океаном, продолжает активную общественную работу. И.М. Ташаева, к сожалению, ныне покойная также внесла огромный вклад в жизнь своей общины.

Автор знакомит нас с историей своей родной колонки, ничего не убавляя и не прибавляя. Поэтому еще раз хочу поблагодарить Валерия Амира за откровенность. Хорошо, что еще одно горско-еврейское местечко открывает свои тайны, благодаря вам. Мне кажется: пришло время исследователей, которые не «расшаркиваются» в угоду кому-то, и тем более не опасаясь «Что скажет княгиня Марья Алексевна?» из комедии А. Грибоедова «Горе от ума», а просто пишут, по той причине, что им нужно выразить свои чувства, отобразить свои знания. Я не сомневаюсь, что книга В. Амира найдет своих благодарных читателей и займет достойное место на их книжной полке.

Валерий Амир – прекрасный этнограф, знаток фольклора и носитель языка жуури, у него есть еще большой творческий потенциал. Желаю ему удачи и дальнейших творческих успехов!

С уважением, Ирина Михайлова.

Список использованной литературы:

1. В.Ф. Миллер «В горских обществах Кабарды»
2. В.Ф. Миллер «Материалы для изучения еврейско – татского языка: введение, тексты, словарь» С.П. 1892 г.
3. Иуда Черный «Горские евреи Терской области» 1869 г.
4. Ашуров Семен (Шолуми) «О родословии горских евреев г. Нальчика» интернетсайт Гилядова Леонида.
5. История горских евреев Северного Кавказа в документах (1829 – 1917) Сборник архивных материалов. Составители С. А. Данилова, Е. С. Тютюнина. Изд. «Эльфа» г. Нальчик 1999 г.
6. И.Ш. Анисимов «Кавказские евреи – горцы. Сборник материалов по этнографии» Москва 1888 г.
7. «Книга памяти» Кабардино – Балкарская республика. Нальчик «Эльбрус» 1995 г.
8. Изгияева Эдесо «Татско – русский и русско – татский словарь» Изд. «Юпитер» 2005 г.
9. «Исход горских евреев: разрушение гармонии миров» составитель С.А. Данилова. Нальчик «Полиграфсервис И Т» 2000 г.
10. «Татский язык» Кандидатская диссертация Л. Х. Давыдовой
11. Якоб Рейнеггс «Всеобщее историческое топографическое описание Кавказа» 1783 г. интернет.
12. Интернетсайт Леонида Гилядова «Родословная горских евреев г. Нальчика»
13. Алхасов Хацирон «Мэ́энигьой тати»
14. «Горские евреи» Иерусалим, Москва 1999 г. Воспоминания друзей, родственников, знакомых.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВРЕЙСКАЯ КОЛОНКА	3
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА	35
ПОСЛЕ ВОЙНЫ (50-е и 60-е годы)	54
ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ	62
СМЕРТЬ И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ТРАДИЦИИ ...	98
ЕВРЕЙСКИЙ БАЗАР	105
ДАНИЛОВА СВЕТЛАНА АРОНОВНА	109
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА	113
КАК Я СТАЛ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ	120

РАССКАЗЫ ИЗ ДЕТСТВА

БАБУШКИН ДВОР	125
СМЕРТЬ ПИОНЕРА	127
В БАНЕ	128
О книге Валерия Амира «Еврейская Колонка» ...	131
Список использованной литературы	132

Валерий Амир (Иванченко)
Еврейская Колонка

Печатается в авторской редакции.
Оформление обложки: Нина Дигилова
Вёрстка: Шауль Симан-Тов

Сборник подготовлен к изданию и выпущен
Центром сохранения и развития национальных традиций,
самобытности языка, культурного
и исторического наследия горских евреев «Sholumi»
при содействии Фонда СТМЭГИ.

Подписано к печати: 28.05.2019
Гарнитура: Times

www.sholumi.com - sholumi@gmail.com